X
E22 237

с. 31-34 выпадает!
31.08.09. [illegible]

E22 237

E22 237

А. Шляпников.

Накануне 1917 года.

01/061

Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917.

МОСКВА.—1920 г.

Гос. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 245421970 г.

10-ая Государственная Типография.

I.

Возвращение в Россию.

После шестилетнего скитания по мастерским и заводам Франции, Германии и Англии, в апреле 1914 года, с паспортом французского гражданина Жакоба Ноэ, благополучно переехал границу и добрался до кипевшего уже тогда огнем революционной энергии, ныне красного, всегда родного Питера. Последний только что пережил политическую стачку в годовщину Ленских расстрелов и готовился к празднованию первого мая.

Обошел рабочие районы, заводы, фабрики. Все те же старые стены, все те же гудки, невольно будящие воспоминания героической эпохи борьбы питерского пролетариата, времени 1900—1907 годов. И меня так потянуло к родному станку, захотелось слиться с зубчатой, коленчатой, шумящей стихией, что я решил отказаться от почетных и видных положений «центрового» партийного работника.

На Петербургской стороне отыскал помещение Питерского Союза Металлистов. Познакомился там с секретарем союза и некоторыми членами правления, предъявил свою членскую книжку «Парижского Союза рабочих механиков», попросил указаний и содействия мне в поисках работы. Получил общие сведения о требованиях на токарей и несколько связей.

Редакции наших газет умышленно избегал посещать лично. Необычное нелегальное положение,—быть в родной стране иностранцем,—обязывало к сугубой осторожности. Желание пожить и поработать в самой гуще питерского пролетариата, ставило преграды для посещений особо наблюдаемых охранкою пунктов.

Стремление найти работу как можно скорее побуждало меня к личному путешествию по мастерским и заводам. Инженеры, мастера встречали меня, как «иностранца», довольно

любезно, а «иноземное» происхождение моего паспорта обязывало меня ломать родной язык и часто для видимости прибегать к помощи русско-французского словаря, который я всегда носил с собой.

Некоторое познание немецкого языка позволило мне найти работу на Выборгской стороне в первой механической мастерской завода «Новый Лесснер». Мастер, прибалтийский немец, быстро принял меня и поставил на токарный станок, работать в смену.

Рабочие встретили меня с нескрываемым любопытством, но доброжелательно. Только сменщик оказался изрядным пьяницей и, в силу этого, свою смену обычно спал, а мне приходилось работать за двоих. Соседи у меня были токарь финн и фрезеровщик русский, чистейший «мастеровой», хороший работник и недурной забулдыга.

Первые дни держался настороже, выжидательно. Пустяшные разговоры не поддерживал, а надоедавшим глупостями отнекивался непониманием, незнанием языка. Но на все серьезные запросы и вопросы отвечал охотно, и скоро около моего станка образовался «клуб» из посетителей, наиболее сознательных рабочих мастерской. Товарищи быстро ввели меня в курс местной жизни и партийной работы. Я стансвился справочником о положении рабочих в других странах, а также и по вопросам теории и практики социализма и синдикализма. Иные приходили ко мне с вопросами, не знаю ли я Ленина, Мартова и некоторых других известных в то время эмигрантов. Щекотливые вопросы о знакомстве с Лениным и другими приходилось обходить общими ответами «как не знать» и т. п. Жизнью своих людей питерцы очень интересовались, и мне хотелось познакомить с нею всех, но это было рискованно.

Весна и лето 1914 г. были временем разгара борьбы нашей партии с ликвидаторством. Полемика между нашей «Правдой» и «Лучом» достигла такой остроты, что рабочие на местах, обоих враждующих направлений, стали поговаривать о необходимости контроля над своими газетами. Устроили на ближайшем к заводу огороде собрание дельных рабочих, от Эриксона и Лесснера, на котором поставили дискуссию не о тоне, а о сути разногласий и «правдистам» не потребовалось большого труда доказать рабочим «меньшевикам»

все лицемерие «лучистов», ликвидаторов революционных традиций партии, облекшихся в рыцарские доспехи «единства рабочей партии».

Приближался день первого мая. В отличие от западноевропейских рабочих, ведущих агитацию за невыход в этот день на работу и за принятие участия в организованных партиями открытых митингах и празднествах-демонстрациях, питерцы вели агитацию за то, чтобы рабочие собирались в обычное время на фабриках и заводах и организованно и демонстративно покидали их.

Утром первого мая пролетарии «Нового Лесснера» пришли на работу в обычный час, но, не приступая к работам, собрались на дворе, среди обломков чугуна и стали. Все чего-то ждали. Выступил оратор, скрывавший фуражкою свое лицо, и волнуясь сказал речь о значении этого дня для пролетариев всего мира. И мне также захотелось выступить, поделиться своими настроениями и чувствами с этими тысячами горящих глаз, но «здравый» рассудок остановил от такого поступка. После речи толпой в несколько сот вышли на набережную, выкинули красное знамя, с марсельезой двинулись к соседним заводам. Пройдя квартал, натолкнулись на полицейский разъезд, и началась схватка и погоня. От удачно брошенных камней полицейские защитники «престола и отечества» исчезли за подкреплением.

Улицы рабочего района необыкновенно людны, гуляющие, преимущественно рабочие, ходили сосредоточенные, настороже, готовые и побить врага, ежели он не будет сильнее их, и удрать, если наступали «лавой» превосходные казацкие силы.

На другой день все разговоры в мастерских вращались около первомайских выступлений. Каждый делился своими впечатлениями, обменивались сведениями из других районов, других заводов и фабрик. У всякого находилось, чем поделиться с другими.

Как и в прошлые 1912—13 годы, во главе движения шел молодой, промышленный район—Выборгский, в котором разместилась значительная доля питерской точной механики и крупной военной промышленности. В эти, предшествовавшие войне годы наблюдался значительный подъем военной промышленности, заводы были завалены заказами, нужда в ра-

бочих руках была большая, и поэтому предприниматели Выборгского района подбирали и привлекали к себе квалифицированных рабочих более высокими ставками. Это способствовало концентрации наиболее передовых элементов на заводах этого района. Лучшие условия труда и боевое настроение рабочих создали району определенную революционную репутацию, и «выборгские» с гордостью поддерживали ее.

В положении питерских рабочих внутри заводов, по сравнению с тем временем, когда я в последний раз работал на электрической станции «1886 года» нелегально, в 1907 году, произошли громадные изменения. Резко бросалось в глаза отсутствие робости, покорности, которая тогда еще была сильна даже на заводах Питера.

Чувствовалось, что рабочие индивидуально значительно выросли. Однако отсутствие профессионального объединения давало себя знать. Внутренние, неписанные, а действительные порядки в мастерских были чрезвычайно разнообразны, менялись не только от одного завода к другому, но были не одинаковы даже между цехами одного и того же завода.

Предприниматели особенно резко и искусно дробили рабочих по заработку. Рабочие одной и той же мастерской, одной и той же профессии, примерно токаря, зарабатывали на станках и работах почти одинаковой сложности и точности от 2 и до 6 руб. в день. При этом замечалось любопытное, но ставшее в военное время закономерным явление, что работы наиболее грубые, не требовавшие большого навыка, как снарядные, давали наибольший заработок.

Мастерские, даже вновь построенные, отличались отсутствием вспомогательных средств—кранов, вагонеток, подъемников и т. п., необходимых для обслуживания мелких нужд мастерской. Подъем тяжестей, установка на станках предметов обработки, подъем при слаживании и сборке почти всюду совершались руками живой рабочей силы. Подобная организация предприятий требовала большого количества чернорабочих, и ими были действительно переполнены все питерские заводы. Деревенский необученый рабочий оплачивался крайне низко. Для питерских мастерских заработок чернорабочих колебался от 10—13 коп. в час. Дешевизна рабочих рук отзывалась на техническом оборудовании. Предприниматели не были заинтересованы в оборудовании заводов вспомо-

сательными средствами, так как работа при «дубинушке» была дешевле.

Производительность мастерских, по сравнению с заграничными, была очень низка, хотя отдельные рабочие и были иногда ремесленно искуснее своих заграничных товарищей, но общая техническая и организационная отсталость подавляла их личные качества. Инструмента было мало, о приспособлениях и новейших методах работы со стороны администрации не было никакой заботы.

На заводах процветала система штрафов. Штрафовали автоматически за опоздание, прогул и т. д. Обиды, притеснения, сбавки расценок, мелкие прижимы в виде открытия номерных ящиков по гудку, а не ранее, как было желательно рабочим, сносились до поры, до времени, но чаша переполнялась, и негодование выливалось в бурной форме—вывоза на тачке непосредственного лакея капитала—мастера, инженера. Опыта в повседневной, упорной борьбе было мало, профессиональные союзы были слишком слабы и жили под угрозой закрытия, а поэтому и не могли воспитать и дисциплинировать профессиональную борьбу рабочих масс.

Мои ново-лесснеровские товарищи проявляли большой интерес к жизни товарищей металлистов других стран. Увлекаясь рассказами, я часто забывал свое «иноземное» происхождение и украшал свою речь «володимирским говором». Товарищи поражались моим свойствам быстрого изучения языка, и мне приходилось объяснять это предшествовавшей приезду в Россию практикой русского языка в Париже. И мне верили.

В работу вошел быстро, чему особенно был рад мой сменщик и приходил в мастерскую уже только для того, чтобы спать. Я бывал доволен, если он вырабатывал за смену хотя половину моего. Но чем дальше, тем становилось хуже, и мне приходилось чрезвычайно тяжело работать за двоих, ибо мы работали на одну книжку, делили заработок поровну. Передовые рабочие быстро заметили такую недобросовестную эксплоатацию «иностранца» и предложили заведующему уволить сменщика. Меня оставили на станке одного, без смены. Работать стало легче.

В один из июньских вечеров товарищи Выборгского района нашей партии прислали за «французом» гонца для участия в торжественном банкете, даваемом Думскими фрак-

диями б-ков и м-ков в честь приехавшего в Россию Вандервельдэ. Банкет был полулегально устроен в ресторане Палкина, куда меня ввели, минуя главный вход. В небольшой комнате было достаточно много гостей. Из нашей публики присутствовало до крайности мало и среди них—т.т. Петровский, Бадаев. Меньшевики были представлены Дапом, Чхеидзе, Потресовым и др. звездами «Луча». После закусок начались приветствия. От нашей фракции выступил Петровский, от м-ков- Чхеидзе, Дан. В речах ликвидаторов сквозила дипломатическая печаль по поводу существовавшего в рядах рабочего класса раскола. Петровского переводил я, а затем, по поручению наших депутатов, взял слово в ответ на меньшевистский вопль о расколе. С фактами в руках я доказал, что в своей борьбе питерский пролетариат един. «В своей повседневной борьбе,- говорил я,- рабочий класс идет под знаменами Питерского Комитета нашей партии, несмотря на интриги меньшинства, могущего представляться большинством только на банкетах. Практика рабочей борьбы в том же Питере, даже при поверхностном ее изучении, которое только и могло быть доступно вам, т. Вандервальдэ, так как вы не можете пойти на наши заводы, видеть наши стачки и массовки, доказывает, что мы имеем большинство за собой и вы, сторонник единства рабочих организаций, предложите меньшинству, предложите сидящей здесь интеллигенции подчиняться большинству. Возьмите любую форму рабочего движения: профессиональные союзы за нами, страховое дело- наше дело, наше большинство и там. Единство у нас достижимо легко, следует только обязать меньшинство подчиняться воле большинства. Заявите это здесь, от имени Интернационального Социалистического бюро, председателем коего являетесь вы, и обяжете плачущих об единстве последовать вашему предложению,- тогда мы не оттолкнем от организации никого из них и не будет раскола у нас».

Моя речь по-французски взволновала меньшевиков. Несмотря на присутствие знатного иностранца, меня перебивали, и мне удалось закончить речь при вмешательстве самого гостя Вандервельдэ, слушавшего и наблюдавшего собравшихся с большим вниманием. После меня, он почувствовал, что на поставленные так прямо вопросы нужно ответить. И в своей речи об единстве, терпимости и тому подобных вещах, он за-

явил, что меньшинство должно подчиняться большинству.

Разошлись, когда молочное утро сменяло белую северную ночь. На утро я был у своего станка, но никому из пролетариев завода не поведал о своей ночной прогулке на банкет в честь Вандервельде. Она осталась известной лишь ограниченному кругу организованных товарищей, партийных работников.

Политическая работа в мастерских велась рабочими, принадлежащими к трем российским партиям: социал-демократы-большевики, социал-демократы-меньшевики и социал-революционеры. Активнее всех были большевики. На митингах в мастерских выступали рабочие б-ки. При этом практиковалась маленькая военная хитрость: рабочие, способные говорить на политические темы, распределялись по району так, чтобы выступавший не был рабочим данного завода, чем сохранялась необходимая тайна имени агитатора от многочисленных агентов охранки.

Характерной особенностью предвоенного периода партийной работы было отсутствие интеллигенции в ней. Отлив интеллигенции, начавшийся в 1906—1907 году, привел к тому, что партийные работники, профессионалы и др. были рабочие. Интеллигенции было так мало, что ее едва хватало для обслуживания нужд думской фракции и ежедневной газеты. На смену разночинной интеллигенции, учащейся молодежи, явился интеллигентный пролетарий, с мозолистыми руками и высоко развитой головой, не порывавший связи с массой. Чрезвычайно отрадное впечатление производили наши рабочие страховики Г. И. Осипов, Шкапин Г. М., Н. И. Ильин, Дмитриев и др., а также работники профессионалисты, металлисты Киселев, Муркин, Шмидт и др.

Работая в мастерских, часто бывая у товарищей, я встречал немало выдающихся рабочих, стоявших по своему развитию выше многих виденных и известных мне по заграницей европейских рабочих. Суровая борьба, ссылка и тюрьма, калеча тысячи, воспитывала единицы несравненно лучше «мирной» борьбы Запада. В мастерских часто бывали сборы на нужды солидарности, как-то: в пользу сидящих в тюрьме, ссыльных и каторжан, а также их семей.

Пропаганда совершалась по заводам и мастерским в одиночку. Были и кружки, но объединяли они наиболее передо-

вых работников. Легальные собрания происходили по делам страховых касс. И эту работу товарищи умело связывали с общей борьбой за освобождение рабочего класса и проводили свою линию под «неурезанными лозунгами страхования рабочих». Нелегально же собрания-митинги устраивались за лето моего пребывания в Питере по заводам сравнительно часто. Обычно это делалось внезапно, но организованно, в обеденный или вечерний перерыв, перед выходом во дворе или на лестнице многоэтажных предприятий. Наиболее сознательные рабочие создавали в дверях «пробку», и вся масса скоплялась у выхода. Тут же выступал агитатор. Полицию администрация извещала по телефону, но речи бывали к ее приходу сказаны, нужное решение принято. Нередко в таких случаях происходили столкновения с полицией, при чем последняя пускала в дело свои селедки, а рабочие — гайки и камни мостовой.

Массовки происходили вокруг всего Питера. Выборгский район собирался преимущественно в Озерках, Шуваловке, Гражданке. Подпраздничные и праздничные дни собирали в этих дачных поселках большое скопление дачных гостей. Это обстоятельство облегчало рабочим проезд на митинги-массовки.

Атмосфера весною 1914 года в фабрично-заводских районах была напряжена до крайности. Все конфликты, от малого и до великого, независимо от их происхождения, вызывали стачки протеста, демонстративные окончания работ за час до конца работ и т. п. Политические митинги, схватки с полицией были явлениями обыденными. Рабочие начали заводить знакомства и связи с солдатами близлежащих казарм. Велась революционная пропаганда и в лагерях. Весьма активная роль в этой пропаганде выпадала на долю женщин-работниц, ткачих и др. текстильщиц. Среди солдат находились земляки, односельчане с работницами, но по большей части молодежь сходилась на почве «сердечных интересов», и таким образом между фабрикой и казармою устанавливались родственные отношения. Такие полки двигать против рабочих было совершенно невозможно.

Пребывание у Лесснера перестало меня удовлетворять, и я задумал переменить этот завод на какой-либо другой. Сделать это удалось очень просто. С первых дней моего пребы-

вания я настраивал рабочих на борьбу с административным произволом в определении расценка и заработка рабочих. И с первых же шагов начал подавать личный пример, борясь за повышение расценка. Меня глубоко возмущало неравенство заработка рабочих однородных работ. Так, в то время, как я, работая с пьяницей сменщиком, сдавали круглым счетом по 4 руб. в день,—рядом со мной работал токарь, финн, зарабатывая, при большом усердии, всего до 2 руб. 50 коп. в день. И этот случай был не единичный, в таком духе было общее соотношение заработков. При всей революционности питерских металлистов, профессиональная солидарность и чуткость были развиты слабо. Отчасти это происходило и потому, что наши металлисты привыкли к борьбе коллективной, «скопом», а отстаивание однородной заработной платы для рабочих одинаковой профессии, а также и многое другое в заводской жизни требовало известной личной выдержки, упорства, уменья отстоять себя, каждого в отдельности, иногда и без общей поддержки.

Лично я предъявил заведующему требование платить мне 5 рублей за 10-ти часовой рабочий день, даже и в том случае, если данная сдельная работа, по своему качеству (попадало скверное литье) или малому количеству, не дает мне этого заработка. Обычными для людей этого порядка экивоками заведующий полусогласился, а когда пришел срок уплаты, урегулировал мой заработок по 48 коп. в час, т.-е. на 20 коп. в день меньше. Увидя это, я тотчас заявил расчет и 17 июня покинул мастерскую.

Лесснеровские товарищи, особенно из 1-й Механической проводили меня с большим огорчением. Но они поняли, что мне, как «иностранцу», любопытно обойти и поработать в возможно большом количестве мастерских, познакомиться, как можно шире с питерскими пролетариями.

После работы на Лесснеровском заводе поиски другого места были значительно легче. Словарь я уже не носил, а являлся к товарищам, которые и представляли меня мастерам. Чрез несколько дней я имел уже два места—в Снарядный завод Парвиайнена и к Эриксону. Выбрал последний, куда и поступил 26-го июня. Поступлению предшествовало хождение к доктору. Врач местной больничной кассы разрешал поступать на этот завод только абсолютно здоровым лю-

дям. Рабочие, истощенные долгой безработицей или усиленной эксплоатацией на предшествовавшей работе беспощадно отводились. Доктор был порядочный циник и рекомендовал подобным товарищам усиленное питание, продолжительный отдых и т. п. прелести, звучавшие насмешкой над их голодным положением. Самый процесс «освидетельствования» происходил крайне небрежно, руки после осмотра доктором или фельдшером не мылись, инструменты от одного тела переносились на другое и т. д.

Здоровье мое было найдено хорошим, и меня приняли в I токарное отделение, известное в заводе под именем «Третьего этажа», где дали весьма точную пробу и по окончании ее, после обычных на новом месте неладов, положили «цех» 23 коп. в час. Но уже при поступлении я заявил и мастеру и своим соседям, что дешевле пяти рублей в день я работать не буду, независимо от того, какой «цех» положится мне. В мастерской же существовало администрацией допущенное правило выработки, при сдельных работах, двойного «цехового» заработка. Первую сдельную работу я закончил на 4 рубля 60 коп. и потребовал от мастера увеличить цену на вещи с таким расчетом, чтобы мой заработок был равен 5 рублям в день, иначе не соглашался оставаться. Мастер уступил, и это стало для меня прецедентом.

В токарной мастерской да и во всем заводе работало много весьма развитых рабочих. В нашем этаже сосредоточивался весь цвет рабочих меньшевиков. Отношения с администрацией у них были великолепны, все они были на отличном счету и имели самый «большой цех» в мастерской, что давало им возможность зарабатывать чуть не вдвое больше многих. И эта мастерская, при всей своей сознательности, в вопросах внутреннего распорядка и профессиональной солидарности была равна всем остальным. Та же неимоверная разница в размерах заработной платы, определяемая произвольной «цеховой» мастера, колебавшаяся для «новичков» от 16 коп., доходила для выслужившихся «старичков» до 35 коп. в час, при возможности удвоения на сдельных работах. Я личным примером повел кампанию за «уравнение» заработной платы однородных профессий и работ. Все имевшие малый заработок были на моей стороне, а все достигшие привилегированного положения были, конечно, против. Спер

от малых профессиональных дел перешел и на политическую почву. Господа положения в мастерской меньшевики решили «дать бой» французу-большевику. Прения и ругательства собрали толпу около моего станка. И только события высокой важности, начавшиеся за пределами нашего завода, сплотили всех и отвлекли на время от внутренней борьбы.

IV.

Четвертого июля по городу среди рабочих распространился слух, что на Путиловском заводе совершилось зверское нападение полиции на рабочих, в результате коего было несколько рабочих убито. Возмущение рабочих было очень глубокое, и было ясно, что разгоряченная атмосфера приведет к кровавой битве. Кое-где работы в тот день были закончены в виде протеста ранее обычного.

Утром пятого пришли на работу в обычный час, но уже спустя полчаса стали поступать сведения об остановке то той, то другой фабрики. К работам не приступали. Стал Н.-Лесснер, стала соседняя ткацкая фабрика на набережной Невки и потребовала прекращения работ и у нас. Во дворе завода организовали митинг, туда же ворвалась полиция, произошла стычка, и рабочие, разбив полицейскую стенку в воротах, вышли на улицу. На Б. Сампсониевский проспект со всех сторон стекались группы рабочих, образуя более чем десятитысячную толпу манифестантов. В воздухе загремели революционные песни, засверкали красные ленты и платки. Полиция была смята и заперлась в своем участке. Выступали ораторы с призывами к вооруженной борьбе за свержение царизма. Трамваи на Выборгской стороне были остановлены и в течение более часа ряды рабочих с революционными песнями двигались по улицам. На помощь полиции были присланы казаки, которые с гиканьем, держа ружья на изготовке, врывались в толпы рабочих, избивали своими нагайками, стреляли по незакрытым окнам рабочих квартир. Рабочие группами рассыпались по всему району, по огородам и садам, и осыпали из своих убежищ полицию и казаков камнями.

Я, в качестве иностранца, убегал от казачьих нагаек наравне со всеми россиянами и прятался по лавкам и дворам. Полиция, усиленная казаками, приобрела мужество для

охоты по дворам и лавкам, врываясь и в квартиры. Потребовалось несколько часов кавалерийских атак и «гарцований», чтобы «навести порядок», но установить тишину так и не удалось. С наступлением сумерек полиция и казаки не решались углубляться в рабочие кварталы, и до глубокой ночи там слышались революционные напевы.

Выступлением руководили коллективы нашей партии. Эти события происходили как раз во время приезда президента французской буржуазии господина Пуанкаре, и власти были озабочены организацией встречи. Ко дню приезда Пуанкаре в самый Питер полиция мобилизовала для встречи в качестве фигурантов «русского народа» — дворников. Полицию и казаков также стянули туда, и на мостах, соединяющих окраину с городом, были поставлены патрули, чтобы не пропускать рабочих демонстрантов.

Стачка протеста против насилий над рабочими, против избиений и арестов перебрасывалась с Нарвской и Выборгской сторон на Васильевский остров, в Коломенский район, за Невскую заставу, разливаясь мощным потоком по всему городу. Газеты разносили эти известия по всей России, и следовало ожидать отклика провинции на это могучее движение. Начиная с 6-го и до 12-го июля забастовка имела почти всеобщий характер, число стачечников достигло 300,000 чел. Всюду происходили митинги, демонстрации, кое-где воздвигались баррикады. Рабочие повсюду искали оружия, скупали револьверы, ножи, чтобы быть хоть чем-нибудь вооруженными для борьбы с набегами полиции и казаков. По городу и окраинам двигалась конница — казаки и конные городовые. Начались массовые аресты по домам и на улицах. Газеты были закрыты, сотрудники арестованы. В нашей «Правде» обычно собирались передовые рабочие, приносили туда и получали там новости и известия. Там же бывали и члены Петербургского Комитета. Неожиданным набегом и засадой полиция арестовала большое количество партийных работников, рабочих-передовиков. Эти аресты опустошили руководящие ряды петербургского пролетариата, но не приостановили начавшееся движение. Каждый день рабочие приходили в обычный час на заводы и фабрики, устраивали митинги и демонстрировали по улицам. Особенно боевой характер носило это движение в Выборгском районе. В утро при-

езда французских гостей в Питер, почти все рабочие района собрались на Б. Сампсониевском проспекте, заняв улицу во всю ширину от завода Н. Лесснера до полицейской части по той же улице. Солнце весело улыбалось двадцатитысячной толпе, в которой замешались работницы, жены рабочих с детьми и т. п. Полиция и казаки отсутствовали. То там, то сям из толпы выступали ораторы и призывали к демонстративной встрече гостей. «Заявим им, — говорил один рабочий, — «что у нас в доме непорядок и нам не до гостей». Зазвенели звуки «Варшавянки», и рабочие стройными рядами двинулись по направлению к городу. Но вот позади раздается крик—«казаки». Оборотились, и видим мчащийся от фабрики Ландрина казачий отряд. Рабочие, работницы, дети бросились в переулки, во дворы и наутек, кто как мог. Пьяные казаки засажали в переулки, во дворы и там избивали демонстрантов. Выбежала из своей засады и полиция. Мостовая и тротуары много часов после этого носили следы крови. Так было на Выборгской, но, за исключением некоторых деталей, то же происходило и в Коломенском районе, где избивали портовых рабочих и рабочих Франко-Русского завода.

Стычки на Выборгской стороне происходили весь день, и с суши были перенесены на воду. Рабочая молодежь забралась на баржи, стоявшие по реке Невке, и там распевала песни. Полиция должна была усмирять, но к большому удовольствию жителей никак не могла пройти на баржи, так как рабочие разобрали мостки и шестами не подпускали городовых. Да и последние на воде действовали не так уверенно, ибо это должно быть делом «речной» полиции.

Я воспользовался своим «иностранным» положением для путешествий по всему городу, особенно же по рабочим районам. Всюду наблюдалось необыкновенное возбуждение, чувствовалась большая глубина переживаемого, напоминавшего красные 1905 годы.

На Выборгской стороне рабочие решили организовать оборону своего района от казачьих налетов. Появились лопаты, пилы, молотки, топоры и т. п. шанцевый инструмент, рабочие начали валить телефонно-телеграфные столбы, устраивать переплеты, проволочные заграждения. От клиники Вилье до завода Айваза были спилены столбы, снята проволока. Все эти работы производились самой массой, инструкторами

явились московские металлисты, бывшие участники или свидетели декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году.

Под вечер рабочие группами, по несколько сот, направлялись к проволочным заграждениям. В районе фабрики Лапдрина рабочие останавливали ломовых извозчиков, отпрягали лошадей и отдавали их возчикам, а телеги валили поперек дороги, сплетали проволокой, делали баррикады. Редко у кого были револьверы, главная же масса рабочая была вооружена одним только энтузиазмом.

Под вечер демонстранты собрались около клиники Вилье, где два огромных столба составляли основу баррикады, а проволочные заграждения в переулках и впереди парализовали движение конной казацкой и полицейской силы. Лавочки, пивные, трактиры были закрыты. У ворот дежурили дворники, которым был отдан приказ не пропускать посторонних, а за своими жильцами следить.

Столкновение около клиники Вилье имело характер организованного сражения; при этом обороняющиеся были почти без оружия и пользовались баррикадою и проволочными заграждениями, как прикрытием, из-за которого осыпали полицию и казаков камнями. Собиранием камней, дерганьем их из мостовой занимались дети и приносили их рабочим в подолах своих рубах. Только револьверной и оружейной стрельбой удалось полиции и казакам взять баррикаду и очистить площадь.

Поздно ночью, возвращаясь из обычного обхода городских районов, я попал на площадь Вилье через несколько часов после битвы. Кругом в улицах была зловещая тишина. Не видно было ни жителей, ни прохожих, ни полицейских. Площадь усеяна камнями, сломанными фонарными столбами, висящими обрывками проволоки, а поперек дороги лежали два телеграфных столба, еще спутанные проволокой. В стенах зданий следы пуль. Гулко разносился звон моих шагов по плитнякам, и вдруг донесся до меня далекий оклик «стой, ни с места»! Стал, жду. С противоположной стороны шагали ко мне две белые тени, приблизились, наводя на меня револьверы. —Est-ce que je ne puis pas passer par ici? (Разве я не могу пройти здесь?).—спрашиваю я. Услышав иностранную речь, городовые опустили револьверы. Я еще раз спрашиваю их по-французски: Quel danger y a-t-il?—(Какая опасность там?)

я т. д. Городовые, наконец, заявили, что не понимают. Тогда я, слегка ломая язык, объяснил, что я—француз, иду домой. «Француз! — радостно воскликнули городовые,—только что приехали?» И пара тяжелых рук опустилась на мои плечи. Я сказал, что приехал уже давно, а теперь, иду к себе на квартиру. Разве опасно пройти, спрашиваю я, не делая никаких попыток к «франко-русскому» братанию. Руки городовых опустились и, показывая на револьвер, они заявили, что «мы вот прошли с этим». Я решил попробовать без «этого» и направился в глубину рабочих сумерек.

Едва прошел пару сотен шагов, как слышу другой окрик—«стой, не подходи, стрелять будем!» И вслед за этим несколько сот стальных подков зазвенели по мостовой, и из переулка, за богадельней для увечных воинов, выехала, преграждая мне дорогу, целая сотня донцов, под командою двух офицеров. Я крикнул по-французски: «Attendez tirer que je marroche!»—Подождите стрелять, я подойду ближе. — Навстречу мне спешились и подошли два офицера. Спрашиваю, говорят ли они по-французски, и получаю ответ, что нет. Опять слегка ломаю язык, говорю, что иду домой, но не могу добраться, так как все время натыкаюсь на вооруженных, пьяных городовых. Офицеры уверяют меня, что городовые не пьяны, а устали, так как встреча гостей и беспорядки очень утомили всю полицию. По отношению ко мне были очень внимательны, а всех проходящих обыскивали и учиняли допрос.

Из мрачных глубин Б. Сампсониевского проспекта доносились звуки гармоники, революционные песни и выстрелы. Там, вдали, в рабочих кварталах кипела жизнь, готовность к борьбе, и это чувствовали казацкие души. Они предостерегали друг друга от приближения к стенам—забору сахарного завода, боялись каждого шороха в саду.

Офицеры всячески отговаривали меня от путешествия в эту «страшную и опасную тень», где меня могут подстрелить. Предлагали остаться с ними, они были уже готовы к возвращению в город, где обещали дать мне на ночь комнату, а утром благополучно вернуться к себе. Я благодарил за любезность, но считал лишним беспокоить столь занятых людей, к тому же до квартиры в М. Сампсониевском переулке была всего пара улиц. Наконец, один из них предлагает другому проводить меня до дому всей сотней. Я очень благодарил за

это, но в душе было очень неприятно приехать домой под эскортом казаков. Однако, второй не поддержал предложения проводить меня в «эту опасную темноту», а дипломатично внимательно всмотрелся в темную, шумливую даль и окрикнул сотню, «берегись»... Было ясно, что они трусят, и я был рад, что смогу итти один. Мимо пробегает девица. Ее останавливают, но не обыскивают. Спрашивают, далеко ли М. Сампсониевская и знает ли она эту улицу. Девица ответила утвердительно, и тогда офицеры предложили ей проводить меня. Мы тронулись в революционную темь, они покинули район.

IV.

В то время, когда маклеры империалистической буржуазии подготовляли свои последние поты, когда Тройственный Союз кивал на тройственное Соглашение, петербургский пролетариат, а также рабочие многих других промышленных центров России были целиком поглощены делами внутренней борьбы.

Июльские события в Петербурге всколыхнули дремавшую провинцию, и стачечная волна катилась буквально «от хладных финских скал, до пламенной Колхиды»...

Уличные выступления петербургских рабочих закончились к 11—12 июля, но еще значительная часть из 300-тысячной армии стачечников на работу не стала. Общество фабрикантов и заводчиков решило наказать «рабочую вольницу» легеньким локаутом.

Многие фабрики, а также почти все частные металло-обрабатывающие заводы назначили полный расчет всем своим рабочим.

Однако, приближение «критической развязки», т.-е. начала военных действий, заставило правительство во избежание «сюрпризов» внести «мир» в жизнь столицы. Вывешенные объявления о локауте, под видом «расчета», были вдруг переделаны на открытие заводов, вместо угроз—рабочих всячески приглашали занять их прежние места. Многие из рабочих, предчувствуя затяжной конфликт, повыехали в деревни и об открытии фабрик и заводов узнали значительно позднее. Дня за два до мобилизации рабочая жизнь Петербурга вошла в обычную норму.

Настроение рабочих было очень бодрое, несмотря на разгул репрессий, отсутствие газет и двухнедельную безработицу. Всех радовала и бодрила последняя стачка, которая сплотила могучую армию труда в одном ярком порыве негодования. Эту солидарность не могли разбить ни полиция, ни «славнсе» казачество, ни угрозы голодной смертью со стороны коалиции предпринимателей.

Первый рабочий день весь прошел в обмене впечатлениями о последних событиях в столице. После этих дней все чувствовали, что решительный бой во всероссийском масштабе не за-горами.

Кровавые операции на австро-сербской границе уходили на задний план. Но за ходом переговоров между странами рабочие следили.

Панславистские круги однако уже принялись за «работу». Уличная и полулиберальная пресса подготовляла почву для патриотических манифестаций. Последние ждать себя не заставили и стали «стихийно» рождаться в центральных частях города и заканчивались, в первые дни, у сербского посольства.

Ядром этих манифестаций были дворники, торговые служащие, интеллигенты, дамы «общества» и ученики средних учебных заведений. «Стихийно» выносились заранее спрятанные флаги, плакаты, портреты царя, и под охраной усиленного наряда конной полиции совершали хождение по «союзникам». Снимание шапок являлось обязательным, и первые дни в центре города все были терроризованы этими хулиганствующими патриотами. Данную им «свободу» они довели до логического конца, т.-е. погрома здания немецкого посольства и др. частных предприятий по совету «Вечернего Времени», но за это были лишены «права манифестаций».

Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. повел перед этим агитацию среди рабочих за превращение манифестаций из патристических в революционные, и следует отметить, что подобные попытки были уже сделаны и кончались схватками. «Отмена» их, последовавшая от градоначальника, помешала дальнейшему развитию контр-манифестаций.

От манифестаций до их запрещения не было проходу. Малейший успех на фронте—манифестация. Вступление в войну новой страны—манифестация. Отношение обывателя.

служащего, питерского интеллигента к хулиганствующему патриотизму было подленькое, покорное приниженье.

Интерес к событиям со стороны петербургской рабочей демократии стал особенно проявляться с момента германского ультиматума России. Экстренные выпуски газет и вечерние телеграммы читались нарасхват. Конечно, все газеты старались использовать этот ультиматум для того, чтобы поддержать «честь» и «достоинство» России, как «великой державы». На следующий день лозунгом справа налево был—«на нас напали».

Журналисты настроились уже на патриотический лад, и гнев негодования против «подлой Германии» стал ежедневной пищей петербургской демократии. Рабочая пресса была разгромлена, и среди шакалов шовинизма не было ни одного голоса, который напомнил бы им, что они сами готовились к этому же, и две недели назад, в момент приезда Пуанкарэ, реакционные газеты уже грозили «прусскому кулаку», что через два года они будут готовы посчитаться с ним.

За такие «услуги» отечеству они, т.-е. эти журналисты, получали ордена французской республики.

События развились так быстро, что организованных рабочих застали врасплох. Хотя принципиально все были противниками войны, но сложность ситуации была выше сознательности многих, а потому было очень много «частных мнений».

Всеобщая мобилизация Петербургского округа (как и всей Европейской России) была объявлена 19-го июля ст. ст., с шести часов утра. Полицейские участки работали всю ночь, разносили по домам призывные ведомости.

Утром по всему городу красовались темно-красные объявления о мобилизации и белые листки с расценкой за приносимые мобилизуемыми вещи, как, например,: сапоги, белье и т. д. Около листков—кучи людей, толковавшие на все лады о событиях; тревожно-унылое настроение сковывало всех. Около полицейских участков, превращенных в сборные пункты, толпились сотни семей рабочего люда. Женщины плакали, причитали и проклинали войну.

В мастерских фабриках и заводах мобилизация произвела большие опустошения. От тисков и станков было взято до 40% рабочих. Пустотой и унылостью повеяло всюду. За-

водчики потребовали у власти, чтобы им были возвращены их квалифицированные рабочие, иначе они не могли выполнить казенные заказы. Их просьба была уважена: через несколько дней все мобилизованные металлисты, работавшие на заводах, имевших казенные заказы, были возвращены, но считались на «учете» у воинского начальника.

Когда рабочие пришли на работу утром в день мобилизации, о работе никто и не думал. Не раздеваясь сходились по мастерским, сговаривались и выходили на улицы под звуки революционных песен. На некоторых заводах были общие собрания с присутствием мобилизуемых, с которых рабочие брали клятвы не забывать борьбы и при первой же возможности, с оружием в руках, добиваться «освобождения славян в самой России»...

И опять, как в дни мобилизации сил труда для протеста против режима угнетения, улицы пригородов наполнялись людьми, и тысячные толпы манифестировали по улицам с пением революционных песен и с криками «долой войну». Нередко и стоявшие около участка заплаканные и убитые горем женщины кричали сквозь слезы: «долой», и призывали кричать других.

Полиция была не так многочисленна и не так груба, пыталась разгонять, как и в июльские дни протеста, но, встретив энергичный протест запасных, считала за лучшее исчезать.

Около полудня потянулись к центральным, городским сборным пунктам первые партии мобилизованных, окруженные слабым конвоем городовых. К ним быстро примыкала толпа, и создавалась манифестация, с красными лентами или плакатами, привязанными на тросточки.

Во время таких проводов бывали случаи столкновения с полицией, но манифестанты, при активном содействии запасных, всюду одерживали верх. Такие сцены происходили в различных частях города и даже в самом городе — в Коломенской части. Из пригородов особенно грандиозный характер манифестации имели за Невской заставой и на Выборгской стороне. В первом случае толпа в несколько десятков тысяч людей провожала запасных с пением революционных песен и красным знаменем вплоть до Знаменской площади, где имела столкновение с патриотами, была рассеяна поли-

цией. На Выборгской в различных частях были манифестации почти весь день.

Одновременно с мобилизацией Петербург был объявлен на военном положении. Железнодорожные пути, мосты, лабазы и др. учреждения охранялись военными патрулями.

Почта, телеграф и военные дороги служили только интересам войны. Петербург в первые дни был совершенно отрезан от всего мира, и, странно, больше от провинции, чем от «заграницы».

Город был полон тревожных слухов. Из уст в уста передавали сенсационные слухи о том, что такая-то княгиня заключена в крепость за измену, бывший градоначальник г. Петербурга Д. был молвой уже обвинен и повешен за продажу «важных документов» по охране Кронштадтской крепости. Приезжавшие из Кронштадта уверяли, что среди поставленных минных заграждений найдено три сотни мин, заряженных песком. Слухи в этом роде очень подрывали доверие к власти и ее умению «организовать оборону». Патриотически настроенные мелкие буржуа, лавочники, служащие и крестьяне, признававшие необходимость войны, считали, что во всех дефектах виноваты немцы, которые захватили власть в стране в свои руки. Имена Ренненкампфа и др. «истинно русских» разом потеряли доверие даже у своих вчерашних коллег.

V.

С момента объявления войны Германией России до выступления Англии против Германии, настроение петербургского буржуазного общества было весьма невеселое. Считали, что если Англия займет нейтральное положение, участь Петербурга будет решена. Все ценное уже начали вывозить, и некоторые музеи начали упаковку ценных произведений.

Нетрудно себе представить ту радость, с которой была встречена весть об объявлении войны Англией Германии. В ресторанах и театрах аплодировали, пили тосты, а вечером на улицах «сколотили» патриотическую манифестацию с хождением к английскому посольству.

Среди сознательных рабочих в первые дни войны было убеждение, что западно-европейская демократия, во главе с организованным пролетариатом, не допустит до войны, до

взаимного самоистребления рабочих и крестьян. Из сложившейся международной ситуации, как она нам поддавалась учету, было ясно, что германское правительство явилось инициатором, было первым, которое спускало курок. Из этого мы делали заключение, что на немецкий пролетариат падает ответственная задача проявить инициативу решительной борьбы против кровавого замысла империалистов.

То же, что узнавали мы, поражало нас своей дикостью. Телеграммы, газетные статьи говорили о том, что вожди немецкой социал-демократии оправдывают войну, голосуют за военные кредиты. Первая мысль была, что правительственные телеграммы ложны, что нас, русских социал-демократов, хотят «обработать»... Но явилась новая возможность поверки— сотни бежавших из Германии и возвращавшихся из других земель подтверждали.

Как ни чудовищна была сама по себе эта новость, но пришлось считаться с нею, как с реальностью. Рабочие осаждали нас вопросами о том, что же означает поведение немецких социалистов, тех социалистов, которых мы рисовали всегда, как модель для себя. Где же мировая солидарность?

Особенно тяжело было узнать, что немецкая армия, насчитывающая столько организованных рабочих, разоряла Бельгию, что бельгийские солдаты защищали свою страну под звуки «Рабочего Интернационала».

На все эти вопросы и тяжелые обвинения приходилось давать ответы, необходимо было указать, что вожди немецкой социал-демократии изменили рабочему делу, изменили интернациональному социализму. Для полноты сведений мы указали, что в последние годы германским рабочим движением руководили реформисты или «ликвидаторы» в переводе на русский язык.

Эти «похороны немецких вождей» нам доставались не легко, так как у широких, идущих за социал-демократами кругов появлялись идеи «не быть для России хуже, чем немцы для Германии». Сознательным рабочим стоило большого труда разъяснить, что измена одних не должна вести всеобщую измену, так как от этого выиграют только капиталисты. Необходимо восстановить интернациональную связь рабочих через головы вождей.

По мере развития конфликта русское правительство само-много сделало для «прояснения» затуманенной ситуации. Едва только закончили мобилизацию в Петербурге, как уже начали кампанию против «внутреннего врага». На рабочий класс посыпались новые репрессии в виде арестов, высылок; по случаю военного положения закрытия союзов, клубов и оставшихся корпоративных журналов. Так правительство решило «объединить все классы и национальности».

Мобилизованные, но оставленные при заводах рабочие подвергались притеснениям. Предприниматели решили использовать это состояние, превращая рабочих-солдат в крепостных, своего рода «военно-обязанных». На заводе Л. Лиснер сбавки расценок и злоупотребление сверхурочными часами уже в первые недели привели к протестам. Были случаи протеста у Эриксона, Вулкана и в других металлообрабатывающих предприятиях.

Мелкие предприниматели и подрядчики широко пользовались военным положением, чтобы посредством участка избавлять себя от беспокойного элемента или от уплаты рабочим заработной платы. У петербургской адвокатуры было немало советов по таким делам.

Поражение русской армии у Мазурских озер было большим толчком для всех склонявшихся в пользу сложения оружия борьбы с правительством. Из этого поражения рабочие массы сделали вывод, что русское правительство так гнило и бездарно, что достойно одной только «поганой метлы». С этого момента начинается критическое отношение к «оборонительным» способностям реакционного правительства. И в этой критике было очень много общего с тем отношением к войне, которое проявлялось во время русско-японской кампании.

Рассказы солдат о кражах, о плохой еде и о дурной организации подтверждали лишь одно из утверждений французской и английской прессы, «что русская армия многому научились после японской войны», — научились лучше прятать концы в воду.

Даже среди крестьян эти слухи в ходу, и о недоверии их к «вождям русской армии» можно судить по уверениям, что скоро русской армией будут командовать японские генералы, и тогда можно будет разбить немцев.

Когда в печати появились письма Плеханова, Бурцева, Кропоткина и других, призывавших к временному «перемирию» и помощи правительству в «борьбе с германским милитаризмом», — русские демократы-революционеры, даже патриотически настроенный элемент, были немного разочарованы, так как ожидали, что они призовут прежде всего к победе демократии, а затем — к борьбе с внешним врагом. «Перемирие» же только усилило реакцию, при этом не увеличив нисколько т. н. «шансы на успех русской армии», не говоря уже о том вреде, который был нанесен русскому демократическому движению этими проповедниками «перемирия». Вокруг их имен танцовали самые официальные заправилы черносотенного патриотизма.

В самом начале войны по городу и среди рабочих стали усиленно распространяться слухи о готовящихся реформах, об амнистии и о кадетском министерстве. Некоторые из этих слухов потом попали в печать, вызывая «толки» и предположения. Источником этих слухов или, вернее, «кадетских вожделений» были либеральные круги. Отказавшись сами от всякой борьбы с правительством, призвав к этому и других и не получив за это ничего, они очень огорчились и пробовали было намекнуть об этом правительству, но «Речь», уплатив за это 5 тыс. руб. штрафа, замолчала и положилась на «внешние силы»: был пущен слух, что английское правительство прислало русскому «совет» о смягчении режима. Но время шло, а влияния западно-европейской демократии заметно не было, если не считать принятия «Марсельезы» в число обязательных гимнов.

Вся петербургская печать много сделала для того, чтобы разжечь народный шовинизм. Некусно раздувались «немецкие» зверства над оставшимися у них русскими стариками и старицами. Но можно все-таки констатировать, что рабочих эта вражда не толкнула на путь эксцессов и национализма.

Редкий факт требования удаления «немца» от должности, как это было, например, на одном паровозно-строительном заводе, касался инженера, заведующего мастерской. Он был так «нужен» для эксплоатации рабочих, что администрация выхлопотала ему разрешение свободно жить в России. Рабочие же «учли момент» и пожелали избавиться от одного из своих врагов, потребовали его удаления.

Могли быть случаи требования удаления немцев, как известных «желтых», приехавших в Россию для замещения стачечников. Ненависти русских рабочих к немцам на этом основывать, как это делали газеты, было нельзя.

Следует также признать, что «литературный шовинизм» значительно превышал действительное настроение даже мелкобуржуазных кругов.

Отношение к войне со стороны угнетенных национальностей России мало отличалось от общего всем сторонникам теории «защиты национальной независимости страны».

Еврейская буржуазия в Петербурге устраивала «чисто-еврейские» патриотические манифестации. В синагогах служили молебны о даровании победы. Либеральные газеты «Речь», «День» старались это подчеркнуть, чтобы господа положения не могли упрекнуть евреев в нелюбви к отечеству. И господа положения Марковы, Пуришкевичи—так были тронуты, что снизошли до похвал и лобызаний евреев.

В местностях, близких к войне, евреям приходилось однако очень тяжело. Там они жили в условиях перманентных погромов как со стороны черни, так и со стороны военной администрации. По условиям военного времени печатать об этом было воспрещено, но косвенным путем попадали известия об этом и в печать, в форме сообщений об арестах громил с награбленным имуществом. Патриотические манифестации в этих местностях имели характер «предупредительный от погромов».

Мусульманско-татарское население также было вовлечено в патриотические излияния чувств любви к родине. В петербургской мечети также были службы и от имени «магометан» посылались депутации.

Чехи, поляки и другие славяне призывались иногда через полицию в дружины священной борьбы за освобождение.

Петербургские патриоты устроили шествие к Зимнему дворцу, падали на колени при появлении царя на балконе, кричали «ура».

Развилась эпидемия хамства, грозя затопить собою все поры русской и без того бедной общественной жизни,

так как со стороны демократии слышались только одни пожелания «примирения». Но здоровый пролетарский инстинкт спасал от этого угара рабочий элемент столицы.

VI.

Административные и полицейские репрессии, посыпавшиеся на петербургский пролетариат в июльские дни, все-таки не разрушали нелегальных ячеек соц.-демократической партии. Массовые аресты и обыски однако сильно обессилили партийные организации в качественном отношении. Организация, в данном случае Петербургский Комитет, лишилась лучших своих работников, но все же поддерживала связи и работала нормально.

Особенно острая нужда была в интеллигентных работниках. После провала в «Правде» у Пет. Ком. не было человека, могущего написать листовку. Значительную долю первого дня мобилизации мне пришлось провести с представителями Пет. Комитета от Выборгского района, в частности с т. Моховым, который очень сетовал на отсутствие сил и просил меня написать листовку об отношении к войне. Я написал и передал в тот же день в районный Комитет. Последний выпустил ее на гектографе.

В момент объявления войны, в первую же неделю мобилизации, наши рабочие организации заняли позицию враждебную войне.

Еще до собрания Государственной Думы, Выборгский районный Комитет Р.С.-Д.Р.П. выпустил гектографированный листок против войны, в котором предупреждал пролетариат от правительственной лжи, будто оно объявило войну во имя независимости Сербии и освобождения Галиции. «Русское правительство,—говорилось в прокламации,—держащее собственный многомиллионный народ в рабстве и невежестве, не может считаться освободителем славянства».

Прокламация указывала истинного виновника войны—конкуренцию эксплоататоров, которые в своей погоне за рынком организуют эту бойню. Роль русского правительства в этой войне называлась «авантюристской», а его цели—«желанием» найти удовлетворение за свои поражения на Дальнем Востоке в победах на Ближнем. Действительным врагом войны счи-

тала пролетариат и, указывая на его антимилитаристскую борьбу за последние годы, призывала пролетариат к «войне с войной».

Созыв Государственной Думы застал большинство наших депутатов в провинции, где развивалось стачечное движение. С.-д. думские фракции имели перед собранием Думы несколько заседаний, на которых была принята известная всем декларация. При выработке ее обнаружились также две тенденции по отношению к этой войне. Среди депутатов правого крыла меньшевиков были сторонники защиты «русской культуры».

Это — частности, официально же bon gres, mal gres, с.-д. фракции в этом вопросе шли вместе.

Смелая, краткая по форме декларация была «большая» по содержанию и явилась среди шовинистического кваканья действительным камнем в стоячем болоте. Правые встретили ее свистом. Но с большим удовлетворением услышал, верно узнал о ней рабочий класс.

Об отношении к войне других социалистических секций Интернационала мы узнавали из ежедневных буржуазных газет. Первое известие из Парижа, которое с радостью было подхвачено всей реакционной прессой, гласило, что «французские социалисты и синдикалисты оставили свою критику действий русского правительства». Военная цензура, запрещавшая печатать о погромах, арестах и обысках, пропускала очень любезно все телеграммы о действиях социалистов других стран. Мы знали о голосовании военных кредитов немецкими «ортодоксами» социал-демократии. Были хорошо осведомлены о деятельности нового министра-социалиста Вандервельде. «Биржевка», «Вечернее Время», «Копейка» и т. п. посвящали этому событию все свои статьи и помещали его портреты. Реорганизацию французского министерства в «кабинет национальной защиты» и вступление социалистов в министерство вся наша пресса приветствовала, как гениальную меру. Русским либералам из «Речи» и др. это дало один лишь лишний повод к вздохам, что у нас не как у людей, все остается по старому.

Послание министра Вандервельде к русским социалистам было получено депутатом Чхеидзе через министерство иностранных дел.

Рабочие узнали об этой телеграмме значительно позже ее получения, через буржуазную прессу. Потом уже появились на заводах рукописные и стбитые на пишущей машинке копии.

Несмотря на то, что «европейская демократия» очень плохо поддерживала демократическое движение нашей страны, а ее официальные представители помогали только ее подавлению, петербургские рабочие были чутки к положению бельгийского пролетариата. Однако, мало было таких, которые оправдывали бы вступление Вандервельдэ в королевское, буржуазное министерство. Мы находили, что Вандервельдэ покинул пост, который при данной ситуации был гораздо более важный, чем министерский портфель в клерикальном кабинете.

Военное положение все-таки очень стесняло петербургское «право массовок» в пригородных лесах: всюду было очень много военщины и шпиков. Кроме того, значительная часть рабочих была мобилизована, а это обязывало к сверхурочным работам и многих пугало. Поэтому обсуждение ответа на телеграмму Вандервельдэ происходило по заводам.

Организованным рабочим не столь важен был сам ответ, сколько связанный с ним вопрос об отношении к войне. Между организованными рабочими по вопросу о «перемирии» было полное единодушие. Все социал-демократы, как большевики, так и плехановцы и ликвидаторы, стояли за продолжение борьбы с русским правительством. В этом вопросе рабочие-ликвидаторы расходились со своими ближайшими советниками и советчицами—служащими больничных касс, патриотически настроенными элементами. В оценке же самой войны были отдельные мнения франкофильства, но в массе отрицательное отношение преобладало.

В укромных уголках мастерских появились любопытные надписи: «Товарищи, если Россия победит, нам лучше не будет, нас будут еще сильнее давить». По этим надписям можно было судить, какие опасения имеют рабочие, которых так все старались убаюкать и «объединить» с их заклятыми врагами.

Отношение к войне примыкавшей к социал-демократии интеллигенции было гораздо «сложнее», чем отрицательное отношение рабочих. Все начинали с того, что они являются

принципиальными противниками войны. Но вслед за этим появлялась цепь из союзов «но»... Как по волшебству исчезла былая «грамотность», которую обычно социал-демократы проявляли до войны. Война бралась вне связи с предыдущей политикой правительств, а как «факт», перед которым мы внезапно очутились.

И вот к этому «факту» отношение интеллигенции было до крайности туманно и сбивало многих рабочих с верных занятых ими позиций.

Самым распространенным мнением было, что эта война несет раскрепощение России от политического и экономического гнета Германии. В результате победоносного окончания ее для Тройственного Соглашения, Россия получит свободный выход через Дарданеллы, и ее новый торговый договор создаст возможность быстрого развития производительным силам страны.

Такая «марксистская» постановка вопроса мало соблазняла рабочих. Их интернациональную солидарность нельзя было усыпить будущими «благами» «после «побед». На собраниях интеллигентам отвечали, что для Германии вопрос также идет о «возможностях дальнейшего развития производительности сил»... Выход из этого узла капиталистических конфликтов рабочие находили в международной солидарности. Высказывались за необходимость международных сношений между рабочими организациями. Это считалось условием, которое могло бы значительно облегчить активную борьбу с войной со стороны русских рабочих. Известия о социал-шовинистах Германии, об их расчетах на революционное движение и на активное содействие со стороны революционеров планам германского генерального штаба и пресловутая «борьба с царизмом» путем расстрела русских крестьян и рабочих, поддерживаемая немецкими социал-демократами, очень стесняли нашу пропаганду. Все это казалось нам чудовищной провокацией по отношению к нашему движению.

Однако, не взирая на столь трудное положение, наши организации продолжали вести свою антимилитаристическую работу. В начале сентября Петербургский Комитет Рос.-С.-Д.-Р.-П. выпустил листок против войны (печатный), в котором говорилось, что «как бы ни кончилась эта война — все тяжести ее падут на плечи рабочего класса». В том, что война

E22 237

разразилась—«виноваты были и крестьянские и рабочие массы, слишком апатично относившиеся к делу демократии», указывал листок. Заканчивался он призывом «запасаться оружием». Из других мест России доходили известия, что местные организации—на Кавказе, в Польше, Литовском крае—выпускали также листки против войны. Выпуск листка в Петербурге сопровождался обысками и арестами. Было арестовано одновременно в различных частях города более 80 человек.

В Польше, несмотря на обещания, что «нет больше подъяремных народов», политика правительства по-прежнему оставалась реакционной. В некоторых городах, лежавших близко от театра военных действий, как Лодзь, Варшава и др., политический курс менялся в зависимости от того, приближаются немцы к данной местности или удаляются от нее. Приближение немцев к Варшаве вызывало к жизни «свободы», —аресты прекращались, администрация бежала, и жизнь города предоставлялась «самой себе». Это вызвало в жизни «общественную самодеятельность» в виде «обывательского комитета», который организовал в городе милицию. Кроме того, этот комитет содействовал устройству дешевых и бесплатных столовых для безработных, которых в этом районе было весьма много.

Вопросы о различных видах помощи вставали много раз и перед петербургскими рабочими. Предприниматели повели агитацию за отчисление известного процента в пользу Красного Креста, но это учреждение не пользовалось доверием не только среди рабочих, но даже у «общества». Вычеты по примеру «Русско-Японской войны» без спроса рабочих вызвали протесты (напр. у Путилова). Помощь «красному» или другому кресту не прошла. Рабочие указывали, что государство должно обеспечить как раненых, так и их семьи, так же, как оно это делает по отношению к офицерам. Своим же долгом рабочие находили необходимым помогать жертвам, которые населяют сибирские тундры и тюрьмы русского «освободителя» европейской демократии, царя Николая.

Однако, легально такой широкой помощи провести было нельзя, и многие подумывали об организации особых заводских ячеек «помощи жертвам войны», в число которых входили бы заключенные, безработные и семьи товарищей, ушедших на войну. Но такую помощь решили проводить через больничные кассы и в общегородском масштабе. Сборы на

этот предмет уже производились (зав. Семенова, Невский суд), но средства еще, за исключением Невского района, который передавал их местному попечительству о бедных,—никуда не отдавали, а хранили до выяснения.

Среди «легалистов» появилось настроение использовать «благотворительность», в смысле легализации партийных ячеек, но эта идея дальше интеллигентских пожеланий не пошла.

Интеллигенция, в роде Финн, Дюбуа и К°, вела в патристическом духе работу в «Вольном Эк. Обществе». Наши товарищи пытались использовать это учреждение в интересах местной социал-демократической организации, но по своему характеру деятельность этого общества была слишком далека от социалистической.

VII.

В первые недели войны я имел свидание с нашими депутатами Госуд. Думы, т.т. Петровским, Бадаевым. Дело было уже после их выступления (26 июля) в Государственной Думе и демонстративного ухода из залы заседания. Помню, как их глубоко поразило поведение немецкой социал-демократии. Отношение французской партии их печалило меньше, так как все с.-д. того времени «учились у немцев» быть социалистами. Лично я уже с 1912 года, после нелегального житья и работы там (также в качестве французов, гр. Густава Бурнь), внес значительные поправки в свои «верования» в германскую социал-демократию.

Товарищи депутаты и бывшие несколько рабочих гостей долго искали ключа к объяснению поведения немцев. Некоторые высказывали мысли, что решающим моментом, вероятно, была угроза царизма, а известно, что даже Энгельс в свое время желал войны с царской Россией. Но, каковы бы ни были причины, все сходились на одном: подобное поведение знаменует измену всем завтам революционного социализма. В решительный момент немцы с.-д. почувствовали, что они ближе, роднее со своей буржуазией, чем с рабочими других стран. Национализм оказался сильнее социализма.

Выступление наших депутатов в Думе было встречено рабочими с большим удовлетворением. Но иначе отнеслась к

нему интеллигенция. В этой среде уже тогда начались колебания. В первые недели войны было устроено специальное собрание марксистской интеллигенции, в каком-то клубе по Басковой ул. (или переулок). Там были несколько адвокатов, литераторов и др., как Сколов Н. Д., Н. Н. Крестинский, Блюм, Иорданский и др. Из обмена мнений, отличавшихся большой нестротой и колебаниями, уже тогда можно было определить будущих социал-патриотов. Однако, большинство присутствовавших еще стыдилось связывать социализм с военной колесницей.

Тезисы В. И. Ленина об отношении к войне, развитые потом в «С.-Д.» № 33, появились в Питере в августе месяце. Их привез, кажется депутат т. Самойлов. Все они отвечали и настроению и мышлению тогдашних партийных работников, но вопрос о «поражении» вызывал недоумения. Товарищи не хотели свою тактику связывать со стратегическим положением армий, но в то же время искренно никто не желал ни малейшей победы Николаю II, так как всем было ясно, что победа означала бы усиление отвратительнейшей реакции.

В конце августа наши с.-д. (б-ские) организации начали оживать и оправляться от ударов, нанесенных июльскими арестами и мобилизацией. Был окончательно воссоздан и укреплен Петербургский Комитет и работа стала налаживаться.

Мое положение в Питере, как француза, было весьма шаткое. Все французы, начиная с 4-го августа по н. ст., были мобилизованы и готовились к отправке по Черному морю, до Марселя. Я продолжал работать у Эриксона, рассчитывая, что французское консульство не догадается мобилизовать своих граждан через русскую полицию, а мой адрес в посольстве и консульстве, как я предполагал, известен не был. Однако, переходить из одного предприятия в другое, как я мечтал, было уже рискованно, и я решил дожить до срока визы паспорта, до обязательного в России обмена на вид градоначальства, на одном месте, а потом покинуть пределы России. Срок этот был в сентябре.

Партийная работа на заводе Эриксона шла хорошо. Ежедневно около моего станка происходили споры и дискуссии по всем вопросам рабочей политики. С патриотизмом рабочих

тогда мало приходилось сталкиваться, так как волна социал-шовинизма, начавшаяся в интеллигентских кругах, еще не докатилась до рабочих масс. Познакомился со всеми передовыми рабочими района. На заводе Эриксона товарищи, руководившие местной работой, приходили ко мне совещаться прежде, чем проводить какую-либо кампанию. Из рабочих у Эриксона, ведших партийную работу, а также в Больничной кассе, были следующие: т. Каюров, Назаров, Григорьев, Сладков. Я вскоре приобрел кличку «француз-большевик», а вместе с этим и глубокую нелюбовь меньшевиков, особенно интеллигентов, работавших в Больничной кассе. После известной встречи Вандервельдэ, некоторые из них, зная меня по Парижу, делали у Эриксона предательские намеки насчет моей действительной родины. Но товарищи рабочие быстро поставили эту публику на свое место, заявив через представителей в Больничную кассу, что если с французом случится неприятность, то говорившие будут объявлены провокаторами.

По мере развития военных действий усиливалась и работа патриотов. Шовинизм буржуазии и ее газетных лакеев доходил до неистовства и погромов. Черносотенные громилы добавляли к немцу еще и «жида», и националистическая вражда прививалась систематически. Не поддавались этому лишь рабочие круги. Это я наблюдал не только на Выборгской стороне, но и в других районах.

За Невской же у меня произошло столкновение с черносотенцем, при чем активное сочувствие рабочих было всецело на моей стороне. Дело было так. Направляясь к родным на «Стеклянный», я устроился на империале Невского паровичка. Уже тогда началось переполнение трамваев, которое стало обычным в наши дни. Пассажиров, главным образом, рабочих, было много. Разговор вращался около войны. Один юркий господин, типа участкового писаря, завел речь об арестах немцев и выразил пожелание об аресте и «жидов», так как, по его мнению, все они были шпионы. Я не выдержал и спрашиваю, почему же он хочет арестовать евреев, когда последние являются русскими гражданами? Тип отпустил несколько ругательств по адресу евреев, а мне заявил в ответ, что, очевидно, и я жид, иначе не стал бы защищать жидов. Видя, что передо мною злостный черносотенец, я ре-

шил его наказать. Вынимаю свой паспорт и предъявляю ему и его соседям. Дав прочесть, я отпустил ему одну пролетарскую пощечину и сел на место. Весь вагон был на моей стороне. Наскочившего на меня черносотенца выпроводили с верхнего этажа вниз сами пассажиры. В это время подъехали к остановке, и антисемит поспешил за помощью городового, прося о составлении протокола за оскорбление. Городовой учтиво просит меня сойти, но пассажиры-рабочие не пускают, объясняют городовому, что в участок нужно отправить самого жалобщика. У последнего, подкрепленного городовым, появилась храбрость, и он вступил в ругань с рабочими. Городовой же не решился итти против пассажиров и иностранца, видя, что жалобщик ругается, отказался поддерживать его, кондуктор дернул сигнальную веревку, и «конка» тронулась. Я слез на следующем разъезде, хулиган уже сидел в углу, смирнехонек. Двое рабочих сошли со мною и проводили сотню-две шагов, потом вернулись.

Не такое настроение было в центре. Патриотический хулиган пользовался неприкосновенностью, избивал прохожих, не желавших снимать шапки при встрече с манифестацией, поющей «Боже, Царя храни».

Помню, как проезжая по Литейному от Невского, мы повстречали уличную толпу—дворников, гимназистов, студентов, чинуш и всякий сброд, певший «Б. Ц. Х.». Как только в вагоне заслышали звуки царского гимна, все заблаговременно и под различными предлогами сняли головные уборы. Остался один я в своем котелке, возбуждая свою соседку, которая заметив мое отношение, отбивала в такт «шапку снять, шапку снять». Я, не обращая внимания, читал газету, но патриотка обратилась с жалобой к пассажирам: «Господа, он не снимает шляпу». Все смолчали. Вагон затормозил, врезался в жидкую толпу манифестантов. Моя соседка вскочила к двери и, как оскорбленная патриотка, обратившись ко мне с возгласом: «стыдно», намеревалась, очевидно, пригласить манифестантов для расправы со мной. Оторвавшись от газеты, я спрашиваю ее по-французски: «Mais pourquoi ça?» Почему это? Эффект необыкновенный: дама бросилась ко мне с рукопожатиями и громкими восклицаниями: «Вы француз» и начала болтать о своем знакомстве с французами и т. д. Я торжественно отвел ее поползновения к братанию и француз-

ским «Fichez moi la paix» (нечто в роде—«идите к чорту»), усадил на прежнее место. Дама всячески желала загладить свою бестактность и поправить себя перед оживившейся публикой, но не выдержала и на первой же остановке сошла.

Подходил конец сентября и одновременно конец моему мятежному, вольному житью иностранцем в родной мне стране. Никогда за всю мою жизнь я не пользовался на родине такой свободой, неприкосновенностью личности и даже уважением дворников, как в эти шесть месяцев жизни в Питере в качестве французского гражданина. И эти шесть месяцев пролетели, как солнечный майский день, оставив лучшее воспоминание о рабочей борьбе, солидарности, готовности к жертвам.

Но хотелось и думать о том, что нужно опять ехать скитаться по «заграницам», приспособляться к новым условиям, отрываться от непосредственной ежедневной борьбы русского пролетариата. Но мои друзья пролетарии ставят вопрос о международной связи, о связях с нашим заграничным Центральным Комитетом. Все эти задачи мог легче, чем другие выполнить я, и товарищи предлагают мне взять это дело на себя, не искать русского паспорта, а использовать мои заграничные привилегии для поездки за границу.

Петербургский Комитет, а с ним и думская фракция постановили отправить меня в качестве их представителя, за границу. Денег у наших организаций было тогда очень мало и на мою работу за границей смогли ассигновать всего 25 руб. На дорогу и на месяц жизни там я успел уже заработать в Питере, оставить даже некоторую часть своей старушке матери. От думской фракции получил ряд определенных поручений и письмо-ответ на телеграмму Вандервельдэ, напечатанную в № 33 «Социал-Демократа». Общая просьба была—информировать, присылать заграничные литературные новинки.

Под вечер одного из последних дней сентября 1914 года благополучно миновал русско-финскую границу и жандармский контроль паспорта.

По пути решил заехать в Мустамяки, повидаться с жившим там т. Каменевым. Маленький вейка быстро домчал меня до поселка, где жили товарищи, и ждал там моего возврата.

Т. Каменев получил уже тезисы об отношении к войне Ц. К. нашей партии, высказывая некоторое несогласие с ними. Там же встретился с Иорданским, уже настроенным патристически, и т. Стекловым, вернувшимся из Германии, где ему пришлось много перенести, но все же он был настроен под Иорданского, хотя иногда и с другой стороны. По его мнению, Франция в этой войне расплачивалась за свой союз с Россией. В экономическом могуществе Германии он видел неизбежность победы Германии над своими противниками. Дальше этих предположений он пока не шел.

VIII.

Дорога до Торнео была сплошным отдыхом. Ранняя осень так красива среди озер, лесов, мягких холмов и равнин. К границе приехал до утренней зари. Переправился по указанию жандарма на другую сторону реки Торнио-Йоки, переночевал, оставив в жандармской караульной свои вещи, а утром, когда разрешался переход через границу,—сопровождаемый добрыми пожеланиями и любезной помощью жандармов, перешел по длинному деревянному мосту в пограничный шведский поселок Ханаранду. Железнодорожный путь тогда был проложен только до Карунги, километрах в тридцати на север от Хапаранды. С открытием военных действий на западе, все сношения с заграницей начали совершаться через эту границу. В городах по обе стороны границы появились уже гостиницы, а сообщение с Хапарандой и Карунги поддерживалось предприимчивым автомобилистом. Край также был на военном положении, в стране велась усердная агитация за вступление Швеции в войну против России. Ко мне, как «французу», отношение было хорошее, доверчивое, а русских побаивались, подозревая в шпионстве. На границе в ожидании поезда я провел несколько часов в Карунги, в гостинице, в беседе со шведскими офицерами. Они были заняты работами по укреплению своей границы от ожидаемого нападения России. Все офицеры были проникнуты восторгом по случаю победоносных действий немецких войск. Они восхищались немецкой тактикой, вооружением и общей организацией армии. О России имели весьма смутное представление, но в поражении ее армии не сомневались.

Путь от Карунги до Стокгольма пролегал сначала среди непроходимых, незаселенных болот и лесов, среди гор и оврагов. В районе виднелось много войск, строились наспех казармы. В Бодене,—крепостном районе Северной Швеции,—за проезжими иностранцами был установлен надзор, за город путешествовать не позволялось. Недалеко от города были рудники. Вообще район славится богатством залежей железных руд. По пути встретили много специальных вагонов, груженых рудою. Вся она направлялась в Люлеа, шведский порт в Ботническом заливе, где грузилась на германские суда и отправлялась в металлургические печи. Промышленные рабочие и рабочие подземелья в этом районе поддерживали левое крыло шведской партии, так называемых «молодых социалистов». Во многих городах имелись свои социал-демократические газеты, свои народные дома, где помещались клубы, столовые и рабочие организации.

В Стокгольме меня встретили знакомые по Берлину эмигранты т. А. М. Коллонтай и др. Многочисленная русская колония меньшевиков из Берлина переселилась в Скандинавию. В Стокгольме в то время из меньшевиков были: Ларин, Ю. М. Лурье, братья Левины, Урицкий, Зейдлер и др. Эмигрантов из России было мало, главным образом солдаты и матросы из Финляндского гарнизона, бежавшие после известного восстания в Свеаборге в 1906 году. В Стокгольме существовала общая для с.-д. меньшевиков и большевиков организация. В эту организацию вошли и все русские переселенцы из воюющих стран.

Из меньшевиков того времени на позиции международного социализма стояли: А. М. Коллонтай, М. С. Урицкий, печатник Н. Гордон (бундовец). Рабочие-эмигранты, жившие в Стокгольме, были все на стороне меньшинства шведской с.-д., а впоследствии вошли в состав стокгольмской группы с.-д. (б-ков).

Тотчас по прибытии в Швецию приступил к выполнению возложенных на меня поручений. Установил связь с заграничной частью Ц. К., переслал в Ц. О. «Социал-Демократ» письмо-ответ на телеграмму Вандервельдэ и вступил в переписку с В. И. Ульяновым и Г. Зиновьевым, осведомил их о положении дел в России. Написал несколько корреспонденций, помещенных в нашем «С.-Д.», а также и в других

газетах за границей. Получил информации и указания оттуда для пересылки в Россию.

Связался со шведской социал-демократией, которая в то время, несмотря на раздиравшие ее разногласия, имела единый организационный аппарат. Познакомился с великолепнейшим товарищем Фридриком Стремом, секретарем партии, членом Верхней Палаты (нечто в роде Государственного Совета) и лидером молодых с.-д. Объяснялись с ним, мешая немецкий язык с французским. Познакомился в течение короткого времени и с другими вождями «молодых», как там называли левых с.-д., как-то: тов. Цета Хоглундом, любимцем шведских революционных с.-д. рабочих, бургомистром Стокгольма—Карлом Линдхагеном, Карлом Чильбумом, с даровитым языковедом Ханесом Шельдом и др. Все они были очень заинтересованы революционным движением в нашей стране. Мои сообщения о том, что большинство русских с.-д. рабочих стояло на антимилитаристской позиции, было встречено ими с большим удовлетворением. Сами лично готовы были оказать самое активное участие и помощь моей работе по связи с Россией.

Однако в их антимилитаристской идеологии было много буржуазного «миротворчества». Крайним лозунгом левых с.-д. Скандинавии было «долой оружие», стачка новобранцев и т. п. толстовство. Отчасти это диктовалось и состоянием этих чрезвычайно маленьких стран, буржуазия которых, несмотря на это, была настроена, особенно в Швеции, крайне милитаристски. Армия в этих странах особенно ярко показывала, что она служит не столько для ограждения страны от нападения с Севера, сколько для целей внутреннего характера.

С большим интересом и любопытством я пошел на свидание с Яльмаром Брантингом, старым вождем скандинавской социал-демократии и столь же старым оппортунистом II Интернационала. Первое знакомство с ним произошло в Barnhus gatan, 16. Встретил его во время заседания Централь-Комиссии. Высокий, седовласый, с добрым, но решительным выражением лица, густыми бровями над глубокими, умными глазами, он производил располагающее впечатление. Мое деловое предложение — опубликовать письмо, — ответ нашей думской фракции на телеграмму Вандервельдэ, а также способствовать к пересылке его в другие страны, было в тот

же день поставлено на обсуждение Центрального Комитета и принято. Официально сделал Центральному Комитету шведской с.-д. сообщение о положении в нашей стране, о взглядах и отношениях на войну различных общественных классов и группировок. Из обмена мнений легко было заключить о взглядах на переживаемые события и самого Я. Брантинга. Наше отрицательное к войне отношение, отказ от какой бы то ни было поддержки военной колесницы царского правительства—Я. Брантинг «понимал», но он не хотел понимать и разделять нашей критики и нашего отношения к партиям Германии, Австрии, Франции, которые изменили международным решениям и всему духу социалистического учения. Он стоял на точке зрения «обороны». Теоретическое отношение к войнам нашего времени он подчинил вопросам стратегии. Кто первый выстрелил, перешел черту, называемую границей,—тот и нападающий», тот и есть виновник войны. Я. Брантинг осуждал немцев за их поведение, но в то же время и старался «понять» их положение и легко верил тому, что германские с.-д. действовали под впечатлением угрозы нашествия царских войск. Позиция его была безвыходная, не дававшая пролетариату возможности действовать сообща, а дипломатам от социализма давала «принципы» для отыскания, «виновника» войны. В своей стране, однако, Брантинг вел усиленную борьбу с германофильством буржуазии и стремлениями втянуть в войну Швецию. Но в этой борьбе не было основы—борьбы с шовинизмом, а стремлению побороть шовинизм-германофильство, заменив его франкофильством. Несмотря на разделявшие нас разногласия, мою резкую критику оппортунистов, мы все же дружески расстались. При этом Я. Брантинг также обещал всяческое содействие моей работе для России.

Работа вождей скандинавских социалистических партий, оставшихся «нейтральными» стран (Голландии, Дании, Норвегии, Швеции) сводилась к дипломатическому посредничеству между «дравшимися братьями». Они всячески старались влиять на свои правительства, чтобы последние официально выступили с предложением мирного посредничества. Однако, капиталисты воюющих стран скоро дали понять, что они воюют серьезно, до полного разгрома один другого. И нейтральные страны стремились всячески проявить свою «ней-

тральность», избегая прогневать ту или иную из воюющих коалиций. Эта общая опасность объединила маленькие страны в военный и дипломатический союз.»

IX.

Благодаря большому количеству возвращавшихся в Россию эмигрантов, подлежащих мобилизации и дельцов, сношения с Петербургом были сносны. Первое время удавалось передавать письма непосредственно через пассажиров пароходов, курсировавших между Стокгольмом и финляндскими портами Або и Раумо, но по мере развития военных действий и к наступлению зимы, этими способами сношений пользоваться было нельзя. На границах также начались строгости, пассажиров тщательно обыскивали. Все это приходилось принимать во внимание и изыскивать для сообщений более надежные пути.

В поисках возможностей организации транспорта знакомлюсь с деятелями профессиональных союзов Швеции. Профессиональные союзы Швеции строились по типу немецких и в своей тактике были родственные последним. Профессиональное движение было значительно и имело уже богатый боевой опыт. Познакомился с председателем их центра, с металлистами, кожевниками и транспортными рабочими. Представитель последних, большой поклонник английского союза транспортных рабочих, тред-юнионист по виду и по характеру, — Карл Линдлей, сказал мне большое содействие в организации связи с Финляндией. У него были знакомства с рыбаками и моряками по всему Ботническому заливу, и мне удалось выяснить возможность устройства транспорта путем контрабанды, через залив, которую можно было поставить очень широко, требовались только деньги. Сообщил об этом П. Комитету и думской фракции, но от них получил грустное известие, что такой суммы (по тогдашнему курсу) рублей 300—500 в месяц они дать не в состоянии. Даже высылка на мою жизнь для них была в тягость и выслав, мне однажды 100 рублей, товарищи рекомендовали устраивать все своими средствами. О поступлении на работу не приходилось и думать, так как эти первые месяцы войны вы-

звали большую безработицу в Швеции, заводы работали по несколько дней в неделю. Изыскивать средства в местной колонии, где хотя и было много спекулянтов-торгашей, не представлялось никакой возможности. Заграничный Ц. К. нашей партии был слишком беден, чтобы уделять на это дело такую сумму. Чтобы не остановить работу, прибегаю к займам и отправке известий от случая к случаю.

В первых числах ноября по новому стилю вышел 33 номер «Социал-Демократа», и нужно было думать о его доставлении в Россию. Тут я и решил использовать свои знакомства с сапожниками.

В виду обысков на границе, возвращавшиеся в Россию отказывались брать что либо компромегирующее, и приходилось задумываться над сокрытием. Способов скрытой упаковки было много: в чемоданы, переплеты книг, платье, зонтики, трости, обувь и т. п. Я облюбовал обувь. Взяв свои ботинки, отдал их сапожнику, специально рекомендованному, работавшему в строгой тайне, предложил вырезать пустоту в каблуке и подошве и заполнить ее тонкими номерами «Социал-Демократа». Обуви, полученной от сапожника, делал «обноску», чтоб не казались свежечиненной. В первую пару вошло небольшое количество номеров, которые и были отправлены окольными путями Г. И. Петровскому, в Петербург. Впоследствии товарищ-сапожник так хорошо приспособился, что укладывал до 20 номеров в каждую пару обуви.

Появление печатного органа нашей партии со статьями руководящего характера, определявшими позицию революционной с.-д. по отношению к войне, а также распространение в скандинавской прессе известий из России и ответа думской фракции на телеграмму Вандервельдэ расшевелило все враждебные русской революции силы. В среде эмигрантов того времени в Стокгольме были заядлые враги нашей партии, господа ликвидаторы—1) Ларин (М. Лурье) представитель «О. К.» и корреспондент «Русских Ведомостей», 2) Левин (Далин) и др. Эти люди питали ко мне лично глубокую ненависть и недоброжелательство, хотя я знаком с ними не был. Все мои сообщения о России, все известия, получаемые непосредственно из Питера, встречались этими людьми с непонятной злобой и враждой. Они ходили, особенно Ю. Ларин, по шведским партийным товарищам и систематически под-

рывали доверие к нашей партии, к нашим нелегальным организациям в России. Но их старания не увенчались успехом. Молодые с.-д. быстро поняли, с кем имеют дело, и не придавали никакого значения интригам Ларина. Часто я удивлялся такой преданности и услужливости оппортунизму со стороны этого больного человека.

В конце октября 1914 года в Стокгольм прибыл матерый оппортунист Трельстра, вождь голландских социал-демократов. Он приехал с особой дипломатической миссией, порученной ему, несомненно, немецкими с.-д. Поручение заключалось в том, чтобы добиться согласия на перенос Международного Социалистического бюро в Амстердам, а также разъяснить колеблющимся симпатиям оппортунистического скандинавского социализма, что немцы были правы «защищая свое отечество».

Трельстра передал через шведскую партию пожелание повидать меня, представителя Р.С.-Д.Р.П. Я согласился. Свидание состоялось в гостинице, оно было известно и представителю «О. К.» Ю. Ларину, который также прибыл туда в сопровождении Далина. Пришли также т. Коллонтай и др. Я поделился сведениями о России, передал наш «Манифест» о войне, письмо Вандервельде. Трельстра просил дать ему, в виде письма, отношение питерских рабочих к войне, а также объяснение, почему русские революционеры относятся к теперешней войне иначе, чем это было в эпоху русско-японской войны. Эти письма у меня сохранились в черновиках, как по 1-му, так и по 2-му вопросам, и я привожу их: «Дорогой товарищ!» Вы просите написать вам, что думает Петербургский пролетариат по поводу немецкой постановки вопроса о «борьбе с царизмом». Прежде всего, дорогой товарищ, я должен заявить вам, что объявление войны застало нас, рабочих Петербурга, Москвы, Риги, Баку и др. промышленных центров, в момент активных экономико-политических выступлений. В Петербурге, за несколько дней перед этим, были баррикады. В дни мобилизации протестующие рабочие массы ходили по городу с красными знаменами, провожая запасных к сборным пунктам. В возможность войны нам, петербургским рабочим, в первые дни как-то не верилось. Мы знали, что по ту сторону границ, в свободных странах, есть

могучие кадры организованных рабочих, которые не допустят, не позволят толкать себя на кровавые взаимные столкновения. В нашей готовности к самопожертвованию мог ли сомневаться кто-либо из Интернационала?

«Но к нам приходили грустные вести. Мы видели, как изменила социализму и международной солидарности Великая германская социал-демократия. До нас доходили известия о том, что германский генеральный штаб рассчитывает иметь свои победы над русскими войсками при содействии нашей революции. Мы знали также, что бывшие наши учителя (Каутский и К°) изменнически облекли германский империализм в тогу «освободителя» русского народа. Мы слишком хорошо знаем природу этой войны, чтобы поверить и вступить в сделку с буржуазным правительством той или иной страны. Наше правительство выступает также в роли «освободителя» славянства, держа собственный многомиллионный народ в невежестве и бесправии. Но, как ни ужасны условия нашего существования теперь, при полном отсутствии своей прессы, наш рабочий класс, за исключением отдельных личностей, далек от шовинизма, как далек и от доверия царскому правительству.

«Нас глубоко возмущает лобызание французской «демократии» с русским царизмом и бесконечно радует, что там, далеко, в стране, отрезанной морями, есть часть партии английских социалистов, которая среди всеобщего разврата не забыла азбуки социализма, борется всеми силами против увлечений английского империализма. Вас удивляет, что «русское общество» и русские революционеры изменили свое отношение к войне, предпринятой теперь царизмом, в особенности вам непонятно противоречие, которое существует между отношением «русского общества» к войне с Японией, против которой оно поголовно протестовало и наоборот совершенно якобы успокоилось и примирилось с царизмом в этой несчастной мировой драме.

«Прежде всего, дорогой товарищ, я должен вам сказать, что принципиальное отношение к войне у русских социалистов осталось одно и то же, но в нашей стране значительно изменилась ситуация. Прежде всего мы пережили революционную эпоху, в которой ярко обнаружилась контр-революци-

онность и трусливость русского либерализма Русско-японская война была встречена русской буржуазией отрицательно, потому что Манджурия и др. дальне-восточные земли при своей отдаленности и слабости населения не имели для капитала никакого интереса, и поэтому та война рассматривалась, как династическое предприятие, как авантюра царской, спекулирующей лесами камарильи. Теперешняя война, во имя свободы Галиции, во имя Французской республики и бельгийской демократии, имеет для русского царизма также династический интерес, а для русских землевладельцев и капиталистов — экономический. Царизм в идее «Великой России» ищет спасения от надвигающейся революции, а капитализм и землевладение—проход через Дарданеллы и пересмотр торгового договора между Германией и Россией, интересы которой в пользу германского капитализма были запроданы дипломатами царя в 1904 году. Только этим и можно объяснить «перемену» в русском т. н. обществе, из которого следует исключить, однако, пролетариат.

«Удивление немецких социалистов тому, что мы не радуемся объявленной ими в союзе с их правительствами «священной войны русскому царизму», есть не более и не менее, как лицемерное прикрывание перед массой собственной измены по отношению к интернационалу и социализму.

«Мы всегда были рады принять руку помощи в нашей тяжелой борьбе с царизмом от всех товарищей по труду и идеям, но мы никогда не требовали и не ожидали содействия русской революции со стороны немецкого феодализма, императора Вильгельма II, реакционного советника и друга русского царя.

«От борьбы с русским царизмом мы не отказываемся, в этой борьбе мы рассчитывать только на наши силы.

«Мы просили бы германских с.-д. не посылать нам на помощь Вильгельма II и его 42 сант. орудия, а постараться использовать этот материал против своих феодалов, как мы надеемся на использование наших против русского царизма.

«На этой же точке зрения стоят и наши братья по труду— финны, которые ответили также отрицательно на все заигрывания империалистического воинственного капитализма Германии.

«Российский революционный пролетариат, вместе со всеми угнетенными национальностями, надеется выйти победителем, не входя с сделки с какими-либо, безразлично, правительствами.

С товарищеским приветом А. Беленин.

Во время обмена мнений стало ясно, что Трельстра представляет из себя распространенный вид социал-шовиниста, германофила. Усиленно подчеркивал освободенческую, по отношение к России, роль германской с.-демократии. Я отказывался признать освобожденческое действие 42 сант. снарядов на русских рабочих и крестьян. Рекомендовал пустить эти совершенства против своих помещиков и буржуазии, а мы в такой помощи не нуждаемся. Просил передать глубокое возмущение наших рабочих Питера и др. мест подобной освобожденческой провокацией и привет К. Либкнехту и идущим с ним товарищам.

Ю. Ларин во время свидания всячески старался показать, что они, меньшевики, троцкисты, плехановцы, бундовцы и т. д. «совсем наоборот», чем большевики. Тут он рассказал о том, что в Варшаве создан особый комитет, в который вошли представители: 1) Польской Социалистической партии (левой группы), 2) с.-д. Польши и Литвы (варшавская оппозиция) и 3) Бунда. Главная задача этой организации, по его словам, была «борьба с австрофильским влиянием в польском обществе».

На самом деле этот междупартийный рабочий совет был организован для совершенно иной цели.

Наши польские товарищи были очень далеки от того руссофильского шовинизма, который был им приписан Ю. Ларинным. Они стояли на родственной нам позиции, не покладая рук боролись с милитаризмом. Сообщение Ларина как нельзя лучше укладывалось в теорию «защиты отечества». В противовес моему враждебному отношению к шейдемановскому «Форштанду» (Центр. Комит. Гор. С. Д:), он просил передать привет «Форштанду» от имени думской фракции Чхеидзе и заверить в солидарности и т. д. Трельстра несказанно был рад подобной декларации—и тщательно записал ее. Остальные меньшевики были как-будто немного шокированы.

В результате совещаний скандинавских вождей с. Трельстра, решено было организовать на декабрь съезд «социалистов нейтральных стран». Социалистические партии «воюющих стран» получили приглашение представить письменные отчеты. Американские социалисты также дали свое согласие на участие в этой конференции, и, чтобы иметь их на конференции, последняя была отложена до 17 января 1915 г.

В конце осени 1914 года за некоторыми русскими социалистами начинается полицейская слежка. Меня лично вызывали в полицию для «прописки», как мне объяснили. Около квартиры я наблюдал посты местных охранников. Собрания в Народном доме также подвергались наблюдению. Реакционные газеты, особенно германофильские и издаваемые на средства германского посольства, вели усиленную кампанию против русских социалистов, подозревая их в шпионстве, обвиняя в заговорах и т. д. Тов. Коллонтай, принимавшая довольно активное участие в работе левых с.-д. («молодых»), а также в женской организации, подверглась третированию стокгольмского реакционного листка, удостоилась особого доноса в полицию. За доносом последовал ее арест, полицейский суд, тюрьма и высылка в Данию.

Мне приходилось быть сугубо осторожным, чтобы не потерять право жительства и свободы передвижения по Швеции. В деле Коллонтай пришлось искать помощи у Брантинга. Он был как будто сердит на жертву шведской полиции и повторял с видимым неудовольствием, что она не слушала его совета не вмешиваться в шведскую жизнь,—теперь сама виновата. Левые же уверяли меня, что высылка Коллонтай не противоречила желанию самого Я. Брантинга. В это время я вел переговоры с Я. Брантингом относительно возможности переезда в Стокгольм заграничной части Центрального Комитета. Мне дали уверения, что все русские социалисты, за коими нет террористических поступков, могут свободно проживать в Швеции. Случай с А. М. Коллонтай расходился с данными мне обещаниями, но Брантинг добавил к этому еще условие, чтобы прибывшие «не вмешивались в местную политическую борьбу».

23 ноября 1914 года открылся съезд шведской партии. Я решил выступить с приветствием, в котором осветить размах русского революционного движения накануне войны и

во время ее, а также оттенить отношение организованного пролетариата к войне. Это мне удалось сделать в привет-ствии такого рода:

«Уважаемые товарищи!

«Я приношу вам привет от организованного пролетариата России, от его классовой организации, Р.С.-Д.Р.П. Я желаю шведской с.-д. рабочей партии успеха в ее работе. В настоящий момент всеобщего распада, когда буржуазия почти всей Европы, западной и восточной, под видом «национальной самозащиты» ведет вооруженную завоевательную политику, мы, социалисты, должны высоко поднять наше интернациональное революционное красное знамя и не позволить разлиться волнам реформизма, который во время настоящей преступной войны на практике применяет свою теорию «единения классов».

«Мы, русские, и в частности петербургские рабочие, с большой радостью следили за вашей борьбой с течением, которое хотело вовлечь шведский народ в мировую войну, и в высшей степени радовались, что все попытки в этом направлении со стороны комми-вояжеров милитаризма потерпели полное фиаско в вашей дружественной стране.

«Позвольте мне сказать несколько слов о нашем рабочем движении, которое, начиная с 1912 года, пережило время подъема и ознаменовалось необычайно сильным ростом стачечного движения, особенно ростом так называемых политических массовых стачек. Чтобы иллюстрировать мою мысль, приведу некоторые цифры, касающиеся нашей борьбы.

«В 1911 г. все число стачечников в нашей обширной стране достигало 105.000, год спустя (в 1912 г.) число стачечников достигло 1.070.000, из которых 855.000 приходится на политические стачки. В 1913 г. стачечное движение носило не менее широкий характер: в течение его в стачках принимали участие 1.185.000, из которых на политическое движение падает 821.000, при чем официальная статистика фабричной инспекции не полна, так как она не касается мелкой промышленности и казенных предприятий.

«Жестокости и преследования со стороны правительственной власти и организованного капитала не могли сломить солидарности русского рабочего класса. Текущий год

может служить тому наглядным примером. В этом году борьба рабочих обострилась до крайности. Все экономические и профессиональные столкновения, благодаря правительственным репрессиям быстро переходили в политическое движение. Рабочий класс вновь заявил о своей готовности бороться за республику, учредительное собрание, за 8-ми часовой рабочий день.

«В июле политическая борьба вспыхнула с необычайной силой. На кровавую провокацию правительства рабочий класс Петербурга ответил всеобщей забастовкой, охватившей в одном лишь Петербурге свыше 250 тыс. рабочих. Улицы города во многих местах покрылись баррикадами, и пролилась рабочая кровь. Движение уже перекинулось в провинцию и охватило прибалтийские губернии, Польшу, Кавказ, Москву и юг.

«Именно в тот момент, когда наша борьба дошла до этого пункта, на нас надвинулось чудовище войны. Буржуазия забила тревогу, ее отечество, отечество денежного мешка было в опасности. Потянулись к границам солдаты в серых шинелях — сыновья крестьян и рабочих.

«В дни мобилизации рабочие Петербурга бросили работы и громко протестовали против войны. Под звуки революционных песен, с красными знаменами и лентами провожали рабочие своих мобилизованных товарищей до пунктов сбора.

«Мы, сознательные рабочие, не верили в возможность мировой войны. Мы обращали, наши полные надежды взоры на Запад, на наших организованных братьев, немцев, французов, австрийцев. Мы ждали, что там мы найдем поддержку и услышим могучий призыв к борьбе с дьявольским заговором буржуазии. Но горькая действительность принесла нам нечто иное. Правительственная пресса и буржуазные газеты, а также бежавшие из-за границы соотечественники осведомили нас об измене со стороны лидеров сильной немецкой с.-демократии, а затем также и многих других, которые рассматривали дело «с точки зрения национальной самозащиты».

«Но нашу с.-д. рабочую партию не охватил всеобщий пожар, она не забыла истинных причин теперешней войны, к которой привела проводимая буржуазными правительствами всех стран империалистическая политика. Думская фракция верно выразила волю организованного пролетариата, отка-

завшись голосовать военный бюджет и подчеркнула свое отрицательное отношение к войне тем, что покинула зал заседаний. Многие местные организации издали нелегальные листки о войне (Петербург, Москва, Рига, Варшава, Кавказ и др.).

«Ц. К. нашей партии и его центральный орган, «Социал-демократ», вступил в борьбу с интернациональным оппортунизмом и призывает все пролетарские революционные элементы всех стран к этой борьбе во имя общих интересов всемирного пролетариата.

«В заключение я желаю успешных занятий конгрессу нашей братской партии. Да здравствует шведский пролетариат и его классовая партия, социал-демократия! Да здравствует Интернационал!»

Речь эту, из опасения полицейских преследований, по совету молодых, я написал, а один из них, т. Х. Шельд перевел и прочел ее съезду. Приветствие вызвало бурное столкновение двух направлений, выступление Брантинга и протест Хеглунда. Привожу справку об этом из протоколов съезда.

«*Брантинг* берет слово по вопросу, по которому он считает необходимым принять решение. Он только теперь ознакомился с текстом той части приветствия, исходящего от одной русской партии, где говорится об измене со стороны немецкой партии». Оратор указывает, что конгрессу не подобает высказывать осуждение по адресу других партий, и считает необходимым, чтоб единогласно и без прений было принято выражение сожаления по поводу этого абзаца, вставленного в приветствие. — *Хеглунд* (Стокгольм) считает, что не следует, чтобы конгресс принимал подобное постановление, потому что даже внутри нашей партии фактически находятся товарищи, которые считают поведение немцев изменой. Предлагаю, чтобы конгресс не выносил никакого суждения, а удовлетворился занесением в протокол заявления Брантинга.—*С. Винберг* (Стокгольм) считает, что мы только должны заявить, что высказанное суждение остается на ответственности русских. — *Брантинг* повторяет свое требование и полагает, что иначе может произойти недоразумение, будто члены конгресса солидаризуются с вышесказанным сужде-

нием.—Происходит голосование предложений, причем предложение Брантинга получает большинство».

После голосования конгресс пожелал голосовать контрпредложение Винберга.

Конгресс 54 голосами против 50 провалил предложение Винберга и принял предложение Брантинга.

Я лично присутствовал на конгрессе, и Брантинг счел своим долгом объяснить мне свое заявление, как вынужденное резкой постановкой столь важного вопроса, как отношение к защите отечества. Я ответил, что это не мой личный взгляд, а принципиальное отношение и нашего центра и громадного большинства организованных рабочих России. Вообще у нас с ним установились «рыцарские отношения». Я. Брантинг давал мне свой адрес, оказывал мелкие услуги. При его содействии мне удалось получить от французского консула паспорт, годный для проезда во Францию и т. д.

На конгрессе Ларин произнес приветствие от имени Плеханова, Троцкого, Аксельрода и др. Вот оно:

«Дорогие товарищи!

«Мы приветствуем вас от имени О.К.Р.С.-Д.Р.П., который объединяет еврейский с.-д. рабочий союз, союз украинских с.-д., кавказскую с.-д-тию с русскими организациями, вождями которых являются Плеханов, Аксельрод и Троцкий и который состоит в организационных отношениях с польской и литовской объединенными социал-демократиями. Как ни велики материальные и моральные потери, которые развившаяся в Европе война может принести с собою, мы смотрим в будущее с надеждой. Жизнь не кончается ни этим днем, ни этим годом, и великое дело рабочего класса, несомненно, в конце-концов преодолеет все внутренние и внешние препятствия на своем пути. И очень может быть, что и во время настоящей войны и ее дальнейшего развития явятся исходные пункты для сильного подъема энергии и солидарности в рядах международного рабочего класса.

«Теперешний серьезный и ответственный момент требует от рабочего класса каждой страны особенно сильной энергии и решительности перед лицом будущих случайностей и событий. Мы, русские социал-демократы, которые по личному опыту знаем горькие плоды партийного раскола, желаем на-

шей братской шведской партии победы и процветания и надеемся, что и в будущем во всех вопросах дня она будет высоко держать свое знамя солидарности и пролетарской активности и свое организационное знамя, составляющее для партии высшее благо и обеспечивающее ей дальнейшее развитие и окончательную победу.

Да здравствует шведская социал-демократия!

Да здравствует интернациональная социал-демократия!

По поручению О.К.Р.С.-Д.Р.П. Ларин».

Во время конгресса шведской с.-д. мы получили сообщение об аресте нашей думской фракции в Питере. Арест очень затруднял дальнейшую мою работу, т. к. все связи были около депутатов. На съезд это событие произвело сильное впечатление. Была принята резолюция протеста. По всей Скандинавии прошла полоса протестов против зверств царизма. У меня нашелся портрет т. Петровского и он обошел многие с.-д. газеты Скандинавии.

Арест крайне затруднял сношения и информацию нашей партии в России. Перед этим мне удалось наладить пересылку кратких обзоров международного положения, информации о положении дел в Скандинавии, ожидавшейся конференции социалистических партий нейтральных стран и переслать несколько писем от В. И. Ульянова, а также литературу (С.-д. №№ 33, 34). Из России же известия приходили очень туго.

В середине ноября был получен в Стокгольме ответ меньшевиков на телеграмму Вандервельде. Документ был получен представителем О. К. Ю. Ларшным и хранился в строгой тайне, но мне все же удалось получить самый оригинал, с нанесенными на нем рукою Ларина поправками. Привожу его целиком:

Министру Вандеревельде, Бельгия.

«Дорогой товарищ! До нас дошла ваша телеграмма, пропущенная военной цензурой. Мы приветствуем бельгийский пролетариат и вас, его представителя. Мы знаем, что вы, как и весь международный пролетариат, энергично противодействовали войне, когда она подготовлялась господствующими классами великих держав. Но против воли пролета-

риата война началась. В этой войне ваше дело есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны аггресивной политики прусского юнкерства. Независимо от тех целей, которые ставили и ставят себе великодержавные участники этой войны, объективный ход событий поставит на очередь дня вопрос о самом существовании той цитадели современного милитаризма, какой является прусское юнкерство, тяжелой пятой придавившее также и освободительную борьбу германского пролетариата. Мы глубоко убеждены, что на этом пути *его устранения* социалисты тех стран, которые вынуждены участвовать в этой войне, встретятся со славным авангардом международного пролетариата — германской социал-демократией (и помогут ей в деле политического и социального переустройства Германии). Но, к сожалению, пролетариат России не находится в том положении, в каком находится пролетариат других стран, воюющих с прусским юнкерством. Перед ним стоит несравненно более сложная и противоречивая задача, чем перед его западными товарищами. Международное положение осложняется тем, что в настоящей войне с прусским юнкерством участвует другая реакционная сила — русское правительство, которое, усиливаясь в процессе борьбы, может при известных условиях стать средоточием реакционных тенденций в мировой политике. Эта возможная роль России в международных отношениях тесно связана с характером того режима, который безраздельно господствует у нас. И даже в настоящий момент, в противоположность своим западным товарищам, пролетариат России лишен всякой возможности открыто выражать свое коллективное мнение и осуществлять свою коллективную волю: те немногие его организации, которые существовали до войны, закрыты. Печать уничтожена. Тюрьмы переполнены. Это лишает социал-демократию России возможности занять в настоящий момент ту позицию, которую заняли социалисты Бельгии, Франции и Англии, и, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства как перед страной, так и перед международным социализмом. Но несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта, так и активное участие в

нем социалистов передовых стран, дающее нам основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне. Мы считаем однако нужным обратить ваше внимание на необходимость теперь же готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса народа, населяющего присоединяемую область».

В оригинале взятое в скобки зачеркнуто рукою Ларина, а подчеркнутое надписано. Получен в Стокгольме 15 ноября.

Германофильское чувство Ю. Ларина не могло вынести пункта о «помощи» Германии в деле политического и социального преобразования. Он лично полагал, что такую же «помощь» объективно выполняет Германия по отношению ко всем остальным странам, воюющим с ней. Эта поправка была, очевидно, принята в заграничном органе О.К., так как он был опубликован в «ларинской» редакции.

Вскоре начали «сказываться» плоды информационной работы представителя О.К. Ю. Ларина. Из России стали поступать «протесты» против искажения истины, допущенной кем-либо из лидеров скандинавского оппортунизма. Последние становились втупик, не понимая, в чем дело. Так было с Трельстра, которого Ларин информировал при мне. Варшавские социалисты прислали последнему не лишенное интереса опровержение, на французском языке следующего содержания:

Варшава 2 декабря 1914.

Товарищу Трельстра.

Дорогой товарищ!

Некоторое время тому назад, газета «Русские Ведомости», выходящая в Москве, опубликовала статью, касающуюся отношения социалистов различных (нерусских) национальностей в России к войне. Автор этой статьи, говоря о социалистах Польши, ссылался на интервью, которое он имел с Вами.

По его словам, Вы его осведомили, что рабочий комитет, состоящий из партий: 1) Польской Социалистической Партии

левицы), 2) Социал-Демократии Польши и Литвы (варшавская оппозиция) и 3) Бунда (еврейская рабочая организация).—основался в Варшаве, имея задачу «бороться с австрофильским влиянием» в польском обществе. Действительно, в первые дни объявления войны основался в Варшаве Междупартийный рабочий совет, состоящий в самом деле из перечисленных партий, но имеющий совершенно иные цели.

Совет должен выработать общую платформу, определяющую отношение рабочего класса Королевства Польского к современному международному конфликту и согласовать политические действия партий, входящих в Совет.

В изданиях Совета было доказано, что сознательный и организованный пролетариат Польши энергично отвергает, как австрофильскую ориентацию, так и русофильскую. Пролетариат не связывает свою судьбу с победой какой бы то ни было из сражающихся сторон, воюющих за свои династические и империалистические интересы. Он надеется только на свои и международные силы рабочих.

В виду того пролетариат Королевства Польского чужд всякой политической ориентации буржуазного происхождения, которая не соответствует социалистической тактике.

Примите наши братские и социалистические пожелания и приветствия за Совет N».

XI.

Гонения на русских, а также полицейская слежка лично за мною побудили меня временно покинуть Швецию. Было несколько случаев высылки уже после нашумевшего случая с А. М. Коллонтай. Я. Брантинг и Ф. Стрем также находили весьма целесообразным мое временное отбытие из Стокгольма. Постоянной, налаженной связи с Россией не было. Приходилось пользоваться услугами проезжающих эмигрантов, а также финскими товарищами, упаковывать дорого стоящими средствами. У различных торговых и промышленных фирм был хорошо налажен контрабандный товарный и людской транспорт. Во главе некоторых из этих учреждений стояли русские инженеры со славою «бывших» социал-демократов, но эти господа боялись потерять теплые местечки, не хотели

и пальцем пошевельнуть в деле помощи революционной работе в России.

Российские социал и прочие патриоты неоднократно высказывали свои грязные подозрения на счет «германских» денег, на которые якобы создавалась литература, организовался транспорт и т. п. в революционной с.-д. работе. За время войны значительная доля этой работы проходила при моем непосредственном участии, и в ходе воспоминаний я не забуду и этой, чрезвычайно тяжелой для нас стороны.

Денежных получений из России не было. В Стокгольме, благодаря малочисленности русской колонии, средств добыть было неоткуда. Приходилось сокращать работу до минимума и прибегать к займам. Ц.К. Шведской с.-д. партии одолжил мне 400 крон, у некоторых товарищей удавалось перехватывать около этого, малая толика поступала от нашего заграничного Ц.К., — вот и все ресурсы прихода 1914 и весны 1915 г. На эти средства удавалось лишь нащупать способы переправы людей и пересылки литературы, но не использования самых путей. На российских работников досада была огромная. Отсутствие средств приводило меня в отчаяние, толкало на различные изыскания, но даже самому работы невозможно было достать, не говоря уже о средствах для такого неспекулятивного предприятия, как революционная работа в России.

В декабре месяце я перебрался в столицу Дании — Копенгаген. Дешевизна жизни здесь была поразительная. Это привлекло сюда большое количество спекулянтов всех национальностей, эмигрантов из России, жен немецких буржуа, приезжавших на поправку и дезертиров. Немало русских эмигрантов работало в учрежденном Парвусом «институте по изучению последствий войны». Некоторые находили себе работу при Р. О. Кр. креста по заботам о военнопленных. Кишел Копенгаген также шпионами и корреспондентами всех стран. Во время войны отсюда выходили все мировые сплетни, выдумки и «пробные» шары.

Датская с.-д. партия готовилась к международному съезду. Наш заграничный центр, совместно со швейцарской и итальянской с.-д. партиями, отказался участвовать на съезде. Мне оставалось только информироваться о той дипломатической стряпне, которую подготовляли скандинавские оппортунисты.

В самой Дании, стране мелкого крестьянства, социализм был лишен и тени революционности. Страна считалась демократической, хотя и имела короля, но без «претензий», как говорили о нем. Полуостровное существование ставило сельское хозяйство и производство продуктов скотоводства Дании в выгодное положение по сбыту, представляя дешевый водный транспорт для вывоза продуктов в Англию и Германию. Во время войны ценность на эти продукты, по мере развития голода в воюющих странах, баснословно поднималась, и датские собственники наживали изрядные доходы.

Накануне войны датские рабочие и крестьяне боролись за всеобщее избирательное право («четырех-хвостку») для женщин. На выборах социал-демократы и радикалы, стоявшие за предоставление избирательного права женщинам, одержали победу, получив большинство в «фолькетинге». С.-д. партия получила наибольшее количество мест в парламенте и, согласно обычаю, должна была составить министерство, но она отказалась, и эту задачу взяли на себя либералы. В задачи этого министерства входила выработка и проведение в жизнь новой конституции Дании, и с.-д. обещала либералам «лояльную поддержку». Однако, небольшое реакционное большинство в сенате воспользовалось войной и приостановило всякие прения о новой конституции. И либеральное министерство, поддерживаемое социалистическим большинством в парламенте, подчинилось этой реакционной воле и приостановило реформаторскую работу.

Главною заботою министерства было сохранение мира, и в интересах его социалисты пошли на «священное единение» со своей буржуазией. И, конечно, они всеми силами «поддирали» правительство, голосовали за военный бюджет и т. д.

Профессиональные союзы тоже были «счастливы» отсутствием конфликтов между трудом и капиталом. Это объяснялось отнюдь не сошедшим в рабочие кварталы «счастьем» улучшением условий быта, отнюдь нет. Война вызвала в этой нейтральной стране колоссальную безработицу. Из 120,400 организованных рабочих 13,900 были без работы. Помощь безработным оказывали Союзы, государство. Коммуны со своей стороны, оказывали некоторую помощь непосредственно неорганизованным субсидиями союзам.

Нейтралитет датчане предполагали соблюдать очень стро-

то. Даже выражение симпатий или негодования по поводу того или иного акта воюющих приравнивалось к нарушению нейтралитета. Однако это не мешало капиталистам сбывать свои продукты тому, кто дороже дает, не разбирая, воюющий это или нет.

Поддержка социал-демократами либералов к моему переезду в Копенгаген уже перешла в тесное сотрудничество. Датская с.-д. партия приняла активное участие в министерстве, Стаунинг вошел в состав правительства. Спешу выяснить позицию вождя скандинавской с.-д. Стаунинга по отношению к войне и интернационалу. И тут получился совершенно неожиданный, но характерный для мещанской психологии датских социалистов казус. Стаунинг все время уклонялся от предложенных мною вопросов и даже избегал встреч. Это заставило меня обратиться к нему «официально», т.-е. письмом на нашем партийном бланке. Тут уже и он «не мог» уклониться и назначил мне специальное свидание в помещении Ц. К. датской с.-д. партии. И здесь в беседе заявил мне, что свое мнение об отношении к войне он высказать не может, так как это будет нарушением нейтралитета, и он объявить его может лишь по окончании войны. Однако, будучи учеником немецкой с.-д., поклонником, как и многие другие, немецких организационных и тактических методов борьбы, Стаунинг был и в вопросах войны сторонником немецкой с.-д. И «отношение» к войне у него совпадало с выражением симпатий к одной из воюющих коалиций, что было недопустимо для сторонника нейтралитета. Об интернационале, как органе действия, он мыслил лишь «после войны». Интернационал, по его мнению, является орудием мирного времени. В момент величайшего для рабочего класса кризиса, Международный Рабочий Союз прекращает свое действие, и «социалисты-вожди» удовлетворены... надеждами на грядущее после кризиса. Такие экземпляры в социалистических партиях всех стран не были редкостью.

К 17 января 1915 года в Копенгаген приехали представители на Международную Социалистическую Конференцию из Швеции — Брантинг, Стрем; Норвегии — Кнудсен, Голландии — Трельстра, и еще один редактор, от Дании был Стаунинг. Другие страны отказались от участия. Заседания Конференции происходили при закрытых дверях. Между

съехавшимися глубоких разногласий не было. Столкнулись лишь две линии «симпатий», германофилы Трельстра и Стаунинг, с франкофилом Брантингом и англофилом Кнудсеном. Договориться при таких разногласиях было не трудно. В результате двухдневного заседания была принята, между прочим, следующая резолюция:

Резолюция протеста по поводу русского насилия.

«Социал-демократической Конференции в Копенгагене стало известно, что 5 человек российской Государственной Думы, которые собрались для составления доклада для настоящей конференции, подверглись вследствие этого аресту. Конференция выражает свое сочувствие пяти арестованным партийным товарищам, энергично протестуя в то же время против такого обращения с законными представителями рабочего класса».

Откуда извлекли они сведения о том, что наша фракция собиралась дать им доклад — не знаю. Нашу резолюцию, предложенную по этому случаю, они не приняли, а составили свою.

Почти в то же время происходила в Лондоне другая конференция социалистов стран согласия: Франции, Англии, Бельгии, с участием каких-то представителей России. Эта конференция пыталась опереться на прошлое интернационала, признавала борьбу двух империализмов, но брала под свою защиту империализм «обороняющийся». Германский империализм, «напавший» на Бельгию и Францию, поставил этих социалистов на сторону «своих» капиталистов. Лучшие силы II интернационала были направлены на «защиту отечества». Представители социалистических партий стран согласия вошли в архибуржуазные министерства, запряглись в колесницу войны. Исключением была итальянская социалистическая партия, ставшая с первых дней войны на почву решительной борьбы с ней и со всеми, кто «признавал» эту войну. Резолюции лондонской конференции распространялись правительствами стран согласия.

На именах и выступлениях вождей II интернационала, принявших войну на стороне своих правительств, играли все реакционеры, все плуты и спекулянты, наживавшиеся на человеческой бойне.

Социалисты стран германской коалиции не отставали от своих «братьев-соперников» в настраивании своих народов на «защиту» отечества, на взаимное истребление пролетариев. Шовинизм праздновал победу по всем фронтам. Капиталисты могли гордиться такими социалистами.

XII

После скандинавской социалистической конференции направился вновь в Стокгольм. Там встретил приезжих из России, передавших кое-какие сведения, пересланные мною в наш Ц. О. «Социал-демократ». Принялся за укрепление рабочей группы большевиков в Стокгольме и приучение некоторых из пролетариев к конспиративной работе по транспорту литературы, по упаковке и т. п. Питерцы не проявляли никакой инициативы по организации связи, посылке сведений за-границу и получений литературы. Моя деятельность в этом направлении встречала препятствия в отсутствии средств. Пересылка через границу с людьми обходилась очень дорого, а денег у меня не было, и надежды на получение—никакой. Приходилось ограничиваться кустарничеством. Это было далеко не удовлетворительно, особенно если принять во внимание, что при наличии суммы до 500 руб. в месяц, я имел возможность засыпать литературой наши рабочие организации в России, иметь регулярную ежемесячную связь со всеми концами страны. Но не хватало такой ничтожной суммы, и дело стояло.

В феврале в Стокгольме ко мне явился странный господин, рекомендовался бывшим большевиком Финн-Енотаевским. Ларин, к которому он попал, осведомил его о моей работе. Питерцы, по его словам, будто тоже откровенничали с ним обо мне, и он приехал «убеждать» меня в ошибочности нашей тактики. Был ярым патриотом, сотрудником «Современного Мира» Иорданского, «верил» в неизбежность победы России и т. д. Навязчивость и хвастовство этого человека были беспредельны. Был очень рад, когда он уехал. Все его ссылки на поручения, полученные им от некоторых питерцев, оказались ложными. При позднейших свиданиях с товарищами удалось установить, что никогда не могли бы они дать какого-либо поручения Финну.

В самом начале моей работы в Стокгольме, мне пришлось познакомиться с целым рядом финских, эстонских, сионистских работников, занимавшихся ранее революционной работой в России, а в это кровавое время державшихся несколько странной ориентации на германский генеральный штаб. Один, эстонец, явившийся с явками эстонской с.-д. из Швейцарии, некто Кескула, предлагал чрез посредство различных лиц средства, оружие и все нужное для революционной работы в России. Все это предлагалось такими путями и через таких лиц, что источник мог казаться надежным. Однако, будучи всегда настороже, мне удалось установить, что за этими деятелями стоит стратегический маневр милитаризма. Все подобные предложения мною и моими товарищами всегда отвергались. Товарищам, оставленным мною для работы по транспорту литературы, секретарю нашей с.-д. (большевистской) группы в Стокгольме Богровскому и др., строго наказал не принимать никаких средств от кого бы то ни было, кроме партийных организаций Швеции.

В этот приезд мне удалось установить, что русская политическая полиция имеет в Стокгольме свою агентуру. За нашими организациями был установлен надзор, за некоторыми отдельными лицами также. Были следы перелюстрации писем, и это давало указания, что шведская полиция, при всей своей национальной предубежденности по отношению к России,—помогала охранке. Пришлось поставить в известность Брантинга, и последний запрашивал мин. внутренних дел, но, конечно, получил уверения, что сама «официальная» полиция не участвует, но за частные сыскные бюро ручательства не давал. Лично меня призывали в участковое полицейское бюро для регистрации, как иностранца. Эта была простая, нисколько не стеснявшая пребывания в Швеции формальность.

Устроив дела с группой, я решил двинуться в Христиа́нию (Норвегия), где полицейских интриг было меньше и жизнь была значительно дешевле, а это имело для меня большое значение, так как мои средства приходили к концу. В Норвегии предполагал скорее найти работу на каком-либо механическом заводе.

Страну Ибсена нашел покрытой роскошным зимним убором. Лесистые холмы, осыпанные снегом, искрились под лучами мартовского солнца. Запушенные деревья рощ и

лесов походили на царство снеговых колонн, усеянных сверкавшими на солнце сосульками. Кругом разливалась бесконечная, все поглощающая тишина.

Христиания, столица Норвегии, сжимаемая холмами, раскинулась по берегу незамерзающего фиорда, убегала в равнины и поднималась концами окраин на холмы. По ночам, с одного из холмов - Хольменколлена - открывался на город волшебный вид. Миллионы электрических лампочек мигали в ночной дали, как звездочки, сливаясь в «млечные пути», у подножия гор дробились, уходя в пространство, сливаясь с небесными звездами. И казалось, что с этой горы открывается вид на ту часть ночного неба, которая скрывается от наших глаз горизонтом.

Норвежские товарищи приняли меня любезно. Из всего Ц.К. только один Видиес редактор «Социал-демократа», центрального органа партии, владел иностранными языками. Норвежская с.-д. партия была несколько левее своих скандинавских сестер. В вопросах войны Ц.К. стоял на интернациональной позиции и защищал нейтралитет своей страны, но часто колебался в сторону англофильства. «Молодые» соц.-демократы были солидарны со своими шведскими товарищами. Они также имели свой орган «Классовая Борьба», проводивший линию революционной борьбы против войны, но также уклонявшийся в сторону «миротворчества» с лозунгами «долой оружие».

Мои поиски работы не дали желанных результатов. Промышленность в этой стране была захвачена кризисом войны и в начале 15-го года только еще начинала оживать. Незнание норвежского языка также служило помехой. Приходилось задумываться о дальнейшем. У меня возник план о поездке для заработка в Англию. Паспорт «заграничный» мне удалось уже добыть раньше, у французского консула в Стокгольме. Не без труда удалось добиться согласия нашего партийного заграничного центра. Денег на поездку добыл, оставалось только получить согласие британского консула. Мой благонамеренный вид и многочисленные удостоверения от французских заводов быстро склонили его в мою пользу и, взяв с меня соответствующую плату, он поставил визу на французском паспорте. С собой я взял еще свой личный русский паспорт (билет) от 1907 г., красный, на всякий случай, и в начале апреля двинулся в путь.

XIII.

В Англию.

Сообщение с Англией во время войны поддерживалось пароходами от Бергена до Нью-Кэстля, с риском наткнуться на мину, встретиться с германской подводной лодкой или военным судном и т. п. Однако эти опасности и трудности только повышали стоимость пассажирского билета, фрахта и давали добавочную прибыль владельцам судов.

Путь до Бергена по железной дороге считается одним из красивейших во всей Северной Европе. Железная лента путей вьется по горам, ущельям, проходит по берегам озер и глубоких обрывов, ныряет в подземелья и поднимается в полосу вечных снегов. Тысячи туристов ежегодно отдают дань этим красотам Норвегии.

Маленький, но весьма оживленный портовый город Берген приютился у подножия гор, по берегу бергенского фиорда—залива Атлантика. Несмотря на войну движение судов было большое. Вся портовая жизнь, особенно отправление судов за пределы Норвегии, находилась под неусыпным контролем англичан.

Перевозкою почты и пассажиров занимались несколько небольших, малоуютных пароходов, водоизмещением до 2.000 тонн. Посадка пассажиров совершалась под контролем, и помимо визирования паспорта, требовалась еще личная явка к особо уполномоченным для контроля над пассажирами англичанам. Там учинялся допрос и осмотр отъезжающего и, если последний казался подозрительным, отказывали в пропуске на пароход. Этот контроль я прошел благополучно.

Отбытие парохода обставлялось некоторым секретом. По прибытии к берегам Англии выход на палубу пассажирам был воспрещен. Вход в устье реки Тайн был минирован, и всю дорогу по реке до Нью-Кэстля пассажиры сидели по каютам. Через сорок часов пути от Бергена пароход причалил к пристани в Нью-Кэстле.

Здесь опять небольшой осмотр паспортов и багажа и после всех формальностей—свободный выход в город. Направился на железно-дорожную станцию и среди многочисленных лестниц, входов и выходов нашел поезд, идущий в

Лондон и через несколько десятков минут, без особой суеты, шума и звона, обычных в нашей стране, поезд плавно отправился в путь. Вагоны только первого и третьего классов, построены с удобством и рассчитаны на быстроту посадки и выхода. Каждое купэ имеет свою выходную дверь непосредственно на платформу. Вагоны скользят без шума и тряски. Путь выверен, опасность от быстрой езды сведена к нулю. Всюду чистота, удобство и отсутствие суеты людской. Чрез несколько часов прибыл в Лондон.

В Лондоне я был несколько раз перед войною. Работал в авиационном парке (Хендонском аэродроме), ходил без работы и хорошо изучил закоптевшую от древности столицу Британии. Война еще не чуствовалась на улицах Лондона. Только в ночные часы Лондон не блистал, как раньше, огнями: на фонари были надеты колпаки или они были покрыты краской и давали свет лишь вниз,—едва заметным пятном. Но всюду уже виднелось большое количество солдат.

Отыскал старого приятеля—«папашу» Харрисона—Литвинова. Устроился при его содействии и услугами одного старика эмигранта на квартиру и сейчас же пустился в поиски работы. Утром брал газету «Daily Chronicle», где помещались требования на рабочие руки. Написал открытку и на старое место в Хендон. Направился по одному требованию токарей в Wembley (Вемблей), на автомобильный завод, отделение итальянской фирмы Фиат. Там встретил заведующего швейцарца, владевшего французским языком, а также несколько итальянцев слесарей и одного англичанина, говорящих по французски. Мое предложение своих знаний было принято, и на другой день я начал работать. По испытании я получил работу и станок «first turner» — первого токаря и шиллинг поденной платы в час. Первые дни я ездил на квартиру в Лондон, но это отнимало пару часов ежедневно, и мои новые товарищи по заводу нашли в этом же месточке комнату с обстановкой и пансионом, всего за 18 шилингов в неделю. Рабочий день в нашем заводе равнялся 52½ часов в неделю, т.-е. пять дней по 9 с половиною часов и в субботу пять часов. Работать было очень вольно. Англичане работали не торопясь, но споро и погони над собой не любили. Отношения у меня со всеми с первых же дней были великолепные. Все рабочие узнали, что я революционер, что я

противник войны и часто у нас между станками происходили несложные споры, иногда с участием переводчика. Большая часть рабочих была членами «Объединенного Общества Инженеров», Amalgamated society of Ingeneers, т.-е. союза рабочих механиков. Слово инженер там вовсе не означает дипломированного человека, а служит общим названием рабочих механиков. Доступ иностранцу в этот союз до войны был чрезвычайно труден. Руководители английских тред-юнионов были большими националистами и хотя формально союзы входили в производственные международные объединения, но это участие и подчинение решению съездов было весьма платоническим.

От заводского представителя союза я потребовал включения меня в члены союза и предъявил свои членские книжки союзов других стран. Товарищ съездил в свою «brauch»— отделение в г. Чизвике и приехав разъяснил мне, что моя «знание ремесла и рабочих обычаев» дает мне право на вступление в союз, и предложил мне, в ближайшую субботу явиться на собрание для окончательного приема. Неделю спустя отправляюсь в Чизвик, в отделение союза. В одном из городских ресторанов союз занимал несколько комнат. В одной из них в особом сундуке, хранились дела, книги, документы и пр. ценности союзного отделения. В другой, большой, — происходили собрания. Около полусотни товарищей сидели по местам, ожидая открытия. Несколько новичков ожидали торжества приема. Открыли собрание и председатель объявил о желании вступить в союз новых товарищей. Первым кандидатом был я. Представитель нашей мастерской заявил, что я знаю хорошо свое дело, рабочие порядки и соблюдаю союзное постановление о минимальной высоте заработной платы. Председатель добавил, что я состоял уже много лет членом союзов Франции и Германии, но не смотря на это, они должны меня ознакомить с обязанностями вступающего. Собрав у стола всех вновь вступающих, — председатель открыл маленькую листовку и прочел «наставление» об обязанностях, долге и правах членов союза. После этого торжества новички становятся правомочными членами союза. Во всей обстановке торжественного приема, с намеками на таинственность, сквозила глубокая старина «компаньонажа», когда ремесленные работники «подмастерья» составляли свои тайные объединения против мастеров-хозяев.

В среде английского пролетариата, организованного в Социалистические Партии: 1) Британскую Социалистическую Партию и 2) Независимую Рабочую Партию, а также в тред-юнионы, война вызвала то же отношение, то же разномыслия и раскол, как и в других странах. Любимый вождь Независимой Рабочей Партии Кейр-Харди, известный у нас в России, как «оппортунист», оказался ярым и серьезным пропротивником английской военной партии. Он умер в начале войны, на славном посту борца против войны, и эта потеря была чувствительна для английских рабочих. Другой вождь, известный в России как «единственный марксист», в Англии, аристократ Хайдман, стал отъявленным националистом и шовинистом. Некоторые русские товарищи, имевшие с ним дела еще в эпоху 1905—1908 лет, отзывались о нем, как о двуличном политикане. Товарищ Мертенс, с.-д., работавший в Англии, эмигрант—инженер, имел данные о том, что Хайдман состоял акционером и членом правления одной пулеметной и ружейной компании. Таким образом его «воинственное» настроение оправдывалось и некоторым «военным» доходцем.

...

Огромную антивоенную работу выполняла Английская Независимая Рабочая Партия. Помимо своих парламентских выступлений, эта Партия развивала большую энергию вне парламентских стен. В самом начале А.Н.Р.П. выпустила «манифест» об отношении к войне, в котором выразила свою пацифистскую и антимилитаристскую позицию, но не смогла дать или хотя бы наметить практический выход для рабочих из создавшегося положения.

Еженедельный журнал партии «Вождь Труда» проводил неуклонно пацифистские лозунги против войны. Издательство партии, выпустило несколько десятков названий книг, брошюр и памфлетов против войны, в которых изобличалась виновность британского правительства в бойне народов. Особенно ценной была книга «Секретная дипломатия», разоблачавшая целый ряд англо-французских махинаций против Германии. За эту работу буржуазная пресса травила независимых, обвиняла их, что они продались немцам и т. д. Правительство арестовывало журнал, брошюры, и налагало запрет на типографии, но это не останавливало независимых от дальнейшей работы. Организовывались ими и публичные

собрания. Полиция всячески стремилась их срывать, мобилизовались и подсылались хулиганы, сыщики и т. п., чтобы шумом и прочими путями не давать говорить.

Деятельность Британской Социалистической Партии была менее ярка. Однако же и она выпускала не мало листовок для борьбы с отечественным шовинизмом. Обе партии изыскивали всяческие способы для организации международной связи.

С помощью т. Литвинова, одного из старейших эмигрантов, я познакомился с одним членом Парламента, независимым социалистом Андерсоном. Он ознакомил меня с той внутри - парламентской борьбой, которую вела их партия, а также с их общей работой. Товарищ проявлял большой интерес к революционной работе в России и просил меня написать для них статью или брошюру, рисующую современное положение нашей страны.

XIV.

В вопросах войны профессионалисты Англии, в значительном большинстве случаев только верхи, стали на сторону своего правительства. Генеральная Федерация трэд-юнионов выпустила свой манифест лакейского содержания. Под ним имеются подписи нескольких федераций. Счастливым исключением является Amalgamated Socity of Ingeners, подпись — «Объединенного Общества механиков - металлистов», отсутствовала.

Среди металлистов не было такого «опьяненного» национализма. Но работая на заводе, сталкиваясь в кабачке и союзе, я был очень поражен низким уровнем политического сознания даже английских металлистов массовиков. Когда я пришел в мастерскую после 1-го мая, который я не работал, несколько товарищей приходило ко мне справляться, не был ли я болен, так как они не видели меня на работе. Я объяснил, что не работал по случаю первого мая. Некоторые из молодежи были очень удивлены и обратились ко мне с вопросами о том, какое значение имеет первое мая. И такие рабочие живут и работают в самом центре рабочего движения Англии,—в Лондоне!

XV.

Русская эмиграция, обретавшаяся главным образом в Лондоне, значительно увеличилась за время войны. Туда приехали многие из Бельгии. Притеснения со стороны французского правительства в отношении всех русских военнообязанных побудило многих покинуть и Францию. Эмиграция дробилась на ряд партийных группировок, имевших своим «съезжем», «Народный дом им. К. Маркса» по улице Шарлотты. Там же помещался и беспартийный кружок им. Герцена.

Наша партийная организация потребовала от меня доклада о положении дел в России. Собравшиеся с большим интересом выслушали мои сообщения о летнем выступлении питерцев (1914) и о первых месяцах войны. Пришлось несколько раз повторять доклад на других собраниях национальных секций.

Живя около Лондона, приходилось каждодневно по газетам и настроению жителей воочию наблюдать ловкость английской буржуазии в обрабатывании «общества». Для создания сухопутной армии английская буржуазия удачно использовала свою якобы «неподготовленность (unpreparednes) к войне. Эта же «неподготовленность» позволяла Ллойд-Джорджу спекулировать на «миролюбии» английского правительства. Налеты цеппелинов, немецких аэропланов и судов на побережье Англии и Лондон вся пресса старалась использовать для разжигания ненависти к немцам, и успешно.

Стачечное движение, благодаря политике «единения», проводимой верхами трэд-юнионов, значительно ослабло. Этому ослаблению способствовала также уступчивость правительства и фабрикантов, наживавших колоссальные суммы. Но в лето 1915 года мне пришлось быть свидетелем ряда стачек (трамваи и др.), а также и самому участвовать в требованиях прибавки жалования. Предприниматель согласился повысить заработную плату всех рабочих на требуемое рабочими одно пени в час (4,8 коп.). Перед этим мне удалось добиться индивидуальной прибавки в одно пени, т.-е., мой дневной заработок был уже 1 шиллинг и 2 пенса в час, поденно. Благодаря английской дешевизне, мне удалось очень скоро восстановить порядок в одежде, обзавестись бельем и т. п., сильно потрепанным за время нелегальных скитаний. Я начинал

подумывать об изыскании средств на возвращение в Россию и для нелегальной работы.

Просьбу русских и английских товарищей написать статью о положении России мне удалось выполнить. Одновременно я получил такую же просьбу и из Америки. Переписав на машинке, я отдал один экземпляр товарищам для англичан, а три экземпляра послал в Норвегию, Швейцарию и Америку. Результат посылки был совершенно неожиданный. Надо мною было установлено шпионское наблюдение, а один сотрудник английской тайной полиции пришел к хозяйке моей квартиры, чтобы через нее познакомиться со мною.

Однажды по окончании работ, хозяйка попросила меня войти к ней в гостиную, где меня ожидал молодой человек. Хозяйка таинственно сведя нас, поспешила затворить дверь и оставить одних. Передо мною был англичанин, рослый малый, интеллигентный на вид, опрятно одетый. Он начал с извинений и откровенно заявил, что получил от начальства поручение, совершенно необычайного характера: следить за мною и выяснить мою личность на основании написанной мною какой-то статьи. Его очень заинтересовала эта статья, арестованная военной цензурой в двух экземплярах, посланных в Швейцарию и Норвегию. Третий же—в Америку—прошел. Он получил лишь выдержки из статьи и увидел, что она направлена против царя и против войны. Я подтвердил, что это верно. Статья написана против царя и против войны. Я спросил: берет ли на себя английское правительство «защиту царя»? Сыщик поежился, сказав, что этого он не предполагает, и в получасовой беседе старался внушить мне доверие к английскому правительству. Я заявил протест по поводу ареста моих рукописей, потребовал их возврата или уведомления меня официальным путем о причинах ареста пересылаемой корреспонденции. На это сыщик заявил, что согласно закону о защите королевства, военная цензура имеет право ареста без всякого объяснения. Я подал на почту иск об уплате за недоставленные рукописи, и будучи уже в Швеции, получил уведомление почты, что рукописи задержаны военной цензурой.

В местечке Вемблей, я познакомился с т. Л. К. Мертенсом, состоявшим там под надзором, как «немец». Т. Мертенс родился в России от немецких родителей, принимал участие

к революционном движении и за это был выслан в Германию, где попал на два года в солдаты, а после этого уехал в Англию. Там работал над разными изобретениями для «боевых задач» русской революции. Перед войной работал конструктором на моторном заводе. Летом 1915 года некоторые из служащих предприятия повели против него, как «немца», компанию; и директор, чтобы не показаться анти-патриотом, согласился уволить его. С женой и ребенком остался товарищ без работы, окруженый негодованием и враждой мещанских патриотов местечка. Только товарищи из русской колонии поддерживали с ним сношения. Благодаря хлопотам и полурусскому происхождению, товарищу Мертенсу удалось выбраться из Англии в Нью-Йорк.

В Лондоне встретил старого бывшего партийного агитатора и литератора Станислава Соколова (Вольского). Он пробивался уроками и был патриотически настроен. Было очень грустно видеть ценного работника, уходящего от революционных путей. Я долго спорил с ним, ездил в Брайтон, чтобы поколебать его социал-патриотизм.

Там же в Лондоне было много и других работников и литераторов: Керженцев, работавший где-то «на оборону»; Капсукас—у литовцев; Берзин, Петерс—у латышей; Чичерин, разорвавший с ликвидаторством, Петров, ставший большевиком в Британской Социалистической Партии. Из ликвидаторов там был Майский и др.

В средине лета мы получили сообщение, что из Швейцарии через Францию и Англию направляется товарищ Бухарин Н. И с женой. В день его приезда в Лондон я и т. Литвинов отправились на вокзал для встречи. До этого я с Бухариным знаком не был и в лицо его не знал. Литвинов тоже. Однако, мы предполагали, что все-таки найдем, встретим. На вокзале все и вся было забито солдатами, их семьями, отъезжающими и провожающими. Из подошедшего поезда выходят сотни пассажиров. Все не «они», не «русские». Но вот, наконец, идет пара растерянных русаков, озирающихся по сторонам. Мы решаем, что это должны быть Бухарины. Подходим, здороваемся,—и, действительно, это были они. Товарищи были очень удивлены, что мы отличили их среди тысячи пассажиров. Но секрет был прост. Мы узнали их по блуждающим взорам, по растерянному виду и по узел-

кам под мышками. Взяли их в свое местечко Вемблей и поместили у т. Мертенса. Н. И. Бухарин ехал по паспорту еврея М. Л. Долголевского и благодаря этому натерпелся много обидного от французских и английских антисемитов. С Н. М. Бухариной отправил целый ряд поручений в Россию. На пути товарищи претерпели немало мытарств, но все же благополучно доехали до Стокгольма, а Н. М. и до России.

Руководители нашей партийной работы в Лондонской колонии приняли близко к сердцу мои поиски средств для возвращения в Россию и налаживания нелегального транспорта и связи. Товарищ Литвинов получил возможность ликвидировать финансы кружка и группы и выручил от этого около 1000 шиллингов для моей работы. В августе я был готов к выезду из Англии, но это требовало некоторых формальностей. Мой заграничный паспорт, полученный от французского консула в Швеции, был годен только на проезд до Парижа, но обратно силы не имел. Тогда я решил использовать свой старый красный паспорт от 1907 г. выданный мне Муромским Мещанским Старостой. Приложил к нему свою фотографию и пошел в Русское консульство. «Моя истинно» русская физиономия не вызвала подозрений, и на паспорте моем наложили штемпель на выезд из Англии в Россию. С этим документом было уже легко получить билет и сесть на пароход.

Простился с оставшимися товарищами, завидовавшими моему путешествию и отправился по красивой знакомой дороге, среди полей и городов до Нью-Кэстля. Вечером того же дня был уже на пристани. Посадки еще не было; пассажиры ожидали в багажном амбаре. Среди едущих было много русских, в том числе бежавших из Германии через Голландию военно-пленных. Появился английский военный контроль, проверявший документы пассажиров. Пришлось взять на себя некоторую заботу о пленных, так как их консульский проводник исчез, и без языка русаки были в большом волнении. Устраиваю их. Английские служащие таможни и контроль осматривали багаж и кошельки отъезжающих, работали не торопясь, обмениваясь шутками. О войне разговора не было; больше всех волновал начавшийся рост цен на предметы питания. Вступаю в беседу с одним, говорящим по-французски, который охотно знакомит с промышленно-

стью района, положением рабочих и т. д. От него же узнаю, что накануне ночью неподалеку был налет германского цеппелина, разорившего несколько зданий в поселке. Благодаря этой беседе мои вещи не осматриваются, на пароход я попадаю значительно ранее других.

В полночный час пароход тихо отходит. Пассажиры сидят по каютам. Утром разрешили выходить и на палубу мы были уже вдали от берегов Англии. Все жили страхами встречи мин, подводок и т. п. Команда объясняла пассажирам, какие каюты к каким ботам-катерам должны подниматься в случае опасности. Всякий темный предмет, плывущий впереди судна, всякий шест, торчащий из воды, всякий дымок на горизонте вносили тревогу в сердца пассажиров. Пароход шел медленно, делал не более 9—10 узлов в час. Безбрежная морская равнина наполняла души едущих бесконечным страхом. Море казалось населенным злодеями, стерегущими жертву за каждым гребнем волны.

Разговорился с бежавшими из плена русскими солдатами. Они были все унтер-офицеры; с гордостью говорили о трудностях побега. В Лондоне один какой-то князь из семьи Романовых одарил каждого из них наручными часами, но настолько плохими, что у некоторых уже в пути «подарки» сломались. Разговорились о войне. Перенесенные ими тягости настроили их враждебно к немцам. Заинтересовываю их «целями войны». Очевидно, что люди думали уже на эту тему, говорили, что Россия вступилась за Францию и т. д. Даю почитать нашу литературу, объясняю действительный характер войны. Делаю это не навязчиво, а лишь постольку, поскольку сами заинтересованные идут на беседу. Это выбивало у них всякое недоверие, и по прибытии в Норвегию мы дружески расстались и на прощанье обменялись адресами. Почти двое суток ехали до Бергена. Оттуда—знакомая дорога на Христианию. Устраиваюсь с дневным поездом так, чтобы иметь возможность любоваться роскошью природы.

В Христиании встретил А. М. Коллонтай, которая уже активно оказывала содействие партийной большевистской работе: помогала в организации связи и т. п. В районе Христиании образовался «Союз русских рабочих», нечто вроде политического клуба. И странно: как только у русских создавалась организация, сейчас же появляются склоки, интриги

и т. п. «политика». Стоило много усилий, чтобы освободиться от назойливости интригующих от безделья и бездарности «сторон», желавших вовлечь меня в их «работу» в качестве судьи.

XVI.

За мое отсутствие связи с Россией ослабли, транспорт остановился. Но на этот раз я считал дело поправимым, так как были деньги. Я решил использовать имеющиеся средства для выяснения всех путей, могущих служить делу транспорта, а также переправить через границу возможно больше нелегальной литературы, устроить в районе финско-шведской и норвежско-русской границ несколько складов, откуда наши партийные организации в России могли бы легко добывать всю необходимую литературу и передавать сообщения, корреспонденции и отчеты нашему заграничному центру и центр. органу.

Выяснив, какими путями пользовались наши революционные организации в расцвет подполья 1900—1905 г.г. Значительная доля этих путей находилась в районе военных действий, на границе Австрии и Германии. Оставалась одна Финляндия. Трудности были огромны, так как все границы зорко охранялись с обоих сторон. Заманчивы были летние пути от севера Норвегии в Архангельск. Было известно, что там, на далеком берегу Северного Ледовитого океана, жители границы России и Норвегии установили между собою добрососедские отношения, и русские рыбопромышленники и мелкие торговцы частенько по водным путям, бывают в Норвежских портах, спускаясь до Нарвика и Трондхейма. На небольших дощаниках русские жители заглядывают до Варде, островного городка на Северном берегу Норвегии. Между Мурманским берегом (Кола, Александровск) и Норвежскими портами — Варде, Киркенес. Вадзе было пароходное, почтово-пассажирское сообщение. Несколько русских пароходов поддерживали регулярное сообщение с Варде. Было очень заманчиво использовать эти пути для транспорта.

Из Христиании отправился в Стокгольм. Там нашел горы литературы, а также тов. Н. И. Бухарина и новоприбывших Г. Пятакова и Е. Б. Бош. Партийная группа значительно

увеличилась. Т. Бухарин и Пятаков познакомились со всеми вождями шведских (молодых) левых социал-демократов и принимали активное участие в их работе, воздерживаясь, однако, от публичных выступлений. Писали статьи для сборника «Коммунист», а также листовки для России. Знакомлю их со своими планами о налаживании связей, о транспорте и подготовке поездки для себя. Товарищи одобряли все мои предположения, предлагая полное свое содействие. Они перебрались из Швейцарии в Стокгольм исключительно ради близости к России и для помощи в постановке революционной работы там. Я уже чувствовал себя много сильнее, так как на случай въезда в Россию — здесь, у границы оставались люди, могущие обслужить нужды связи.

Взял накопившиеся в Стокгольме номера нашего ц. о. «Социал-демократа» и направился к границе Финляндии. Благодаря знакомству с соц.-дем. Северной части Швеции, а также союзам моряков и речников, получил целый ряд связей в Люлеа и Хапаранде. Через Люлеа можно было бы направлять литературу и людей в Улеаборг, пользуясь финскими и шведскими рыбаками. Из Хапаранды и окрестностей было много путей в Финляндию. Самый желанный и скорый был бы — переправа в Торнео, а оттуда по железной дороге прямо в Питер. Но это был самый трудный путь, так как находился под наблюдением жандармов, контр-разведки, пограничников и таможенной стражи. Все же пытаюсь использовать этот путь и завожу знакомства. В Хапаранде у меня был знакомый соц.-демократ, мелкий торговец сапожным товаром, а у него было много знакомых по ту сторону границы, среди финнов. Он связался с финской соц.-демократ. группой в Торнео и нашел там одного товарища-рабочего; имя его было в переводе на русский — «Голос Пустыни». Я познакомился с некоторыми, но объясниться не мог, так как они владели лишь финским и шведским языками. Товарищ «Голос Пустыни» брал на себя транспорт и с увлечением слушал, через переводчика, мои советы. Его интриговала работа по одурачиванию жандармов и прочих царских слуг. Он уже мечтал об организации особого телефонного сообщения через границу и фантазировал об устройстве особой переправы литературы через реку Торнео-Йоки в герметически закрытой посуде. Чувствовалось, что человек берется за это

дело с большим увлечением. Оставил ему в квартире-лавке всю литературу, просил все обдумать и подготовить к половине октября путь для людей. Покончив в этом углу, поехал через крайний север Швеции в Норвегию, на берега Северного Ледовитого Океана, в островной городок Варде.

Перед самым отъездом в Хапаранде встретил знакомое лицо. Разговорились, и я вспомнил, что видел его у Н. Д. Соколова, который рекомендовал его, как польского с.-д. Его фамилия Козловский, прпсяжный поверенный. Ехал в Копенгаген, а потом обратно в Питер. Воспользовался им, чтобы передать через Н. Д. Соколова питерцам о том, что переправляю литературу, и чтобы они, со своей стороны, приложили усилия к ее получению. О своих делах Козловский говорил неохотно, но было очевидно, что его поездка не имеет ничего общего с работой польской с.-д.

Обратно доехал до Бодена и там пересел на поезд до Нарвика. Дорога на север проходит среди лесистых и пустынных равнин, а по мере приближения к границе Норвегии переходит в холмистую, а затем гористую местность. Значительная часть железно-дорожного пути электрифицирована. Добрался до Нарвика. Маленький портовый городок построен по гористому берегу фиорда. Население занято рыбным промыслом и судовой службой. В городе имеется социал-демократическая газета и очень сильная партийная организация. На севере Норвегии нередко были местечки, где социалисты оказывались во главе управления городом и т. п. От Нарвика мне предстоял большой водный путь, сначала на маленьком пароходе до Ледингена, а оттуда нужно было попасть на пароход, идущий из Бергена до Киркенеса. Было начало сентября; север выглядел по осеннему. Перепадали дожди, лохматые тучи редко освобождали небо. И все-же путешествие было чрезвычайно интересное, среди могучей красоты севера, по причудливым извилицам фиордов, то сжимаемых горами, нависавшими над водой, то уходящими вдаль склонами, с широкими бассейнами воды. Пароходик, переполненный пассажирами и товарами вез еще и почту. Частенько приставал к береговым мосткам поселков, приветствуемый ожидавшей публикой. В Ледингене сел на сравнительно крупный пароход. По мере продвижения на север, за Тромзе и Хаммерфестом, природа становилась суровее, а под Норд-

Капом приняла величественно-грозный вид. Уже не видно было зелени, леса. Черные, серые скалы глядели со всех сторон. Порывистый ветер с мелким дождем дополнял картину. Через несколько суток пути по фиордам и Ледовитому Океану пароход причалил в Варде.

На небольшом островке, на песке и камне построен городок, имеющий около 3,000 жителей, занимающихся главным образом рыболовством. Нахожу там с.-д. газету «Финмаркен»,—название этой части Норвегии. Один из работников—Осман Нюгорд, владел русским языком и открыл мне склад нашей литературы, оставшейся с 1906—1907 г., а также кассу русского шрифта. Брошюр было тысяч десять. Тут были сборники революционных песен, брошюры о палугах и т. д., а также газета «Помор» и другие листки к выборам в Государственную Думу.

Переправлять литературу и людей здесь было возможно, но путь был очень долгий. Летом до Архангельска или Мурманской железной дороги, зимой только до последней,—или путь на лыжах, оленями по-полярным дебрям. Переход через границу легкий, но трудности начинаются дальше. Этот путь мог служить «запасным», на случай затруднений на финско-шведской границе. Однако, т. Нюгорд взял на себя заботу по устройству связи с пароходной командой русских судов. Литературу мы привели в некоторый порядок; но благодаря устарелости многих брошюр и трудности переправы, решили оставить ее в Варде, у т. О. Нюгорда.

Большинство рабочего населения этого городка было социалистами. На выборах голоса свои рыбаки отдавали партии с.-д. Имелся и профессиональный союз, и библиотека, и кинематограф. Городок сравнительно с российскими был культурно обставлен: имелось электрическое освещение и водопровод.

В столовой гостиницы пришлось ежедневно встречать русского консула и английского консульского представителя. Каждая встреча сопровождалась жестоким спором о войне. Ну, конечно, официальные представители думали так, как хотело их правительство. Русский чиновник был глубоко потрясен моим недоверием, отрицанием русского правительства,—и мой антипатриотизм, вероятно, послужил ему темой для доноса.

Узнав все, что было нужно, и условившись с т. Нюгордом, отправился в обратный путь. В Стокгольме подготовился к путешествию в Россию, списался с заграничной частью Ц. К.,—с т. Лениным, Зиновьевым и Н. К. Ульяновой. Наметили план работы, план связи и способы транспортирования. Приехавшая тройка новых (Бухарин, Бош и Пятаков) брала на себя поддержание связи по установленным путям. На меня возлагалась большая организационная работа. В задачи мои входило создание Всероссийского центра, постоянно руководящего работой, а также налаживание связей с заграницей и доставка литературы. По всем вопросам было достигнуто соглашение с В. И. Ульяновым (Лениным), Г. Зиновьевым, Н. К. Ульяновой, Н. И. Бухариным, Пятаковым и Е. Б. Бош. Ко времени отъезда вышел давно ожидаемый «Коммунист» № 1—2 и 13 номеров «Социал-демократа». Доставка такого материала в Россию явилась бы большим подспорьем в работе.

XVII.

Во второй половине октября н. ст. 1915 г. простился со Стокгольмскими друзьями и направился в Хапаранду, на финско-шведскую границу. Туда же направил багажом несколько пудов литературы. В Хапаранде меня ожидали шведские и финские товарищи. Им удалось уже установить сообщение с Гельсингфорсом и пересылать из Коми туда литературу через железнодорожников и посылками по железной дороге,—прямо до одной из станций, лежащих на пути от Выборга до Белоострова, кажется до Териок. Через границу переправлял мой голубоглазый товарищ «Голос Пустыни». Для облегчения дружил с пограничными жандармами. Для меня они также обдумали переправу и в один вечер пошли ее демонстрировать.

Хапаранда и Торнео разделялись границей,—рекой. Через один рукав Торнео был построен деревянный, извилистый мост, длиною сажен 350. По середине его стояла будочка: там находились арендаторы моста и получали плату за проход. Мост был открыт от 8 ч. утра и до 8 ч. вечера.

На шведской стороне моста стоял часовой, а у русского конца, так в шагах восьмидесяти, был забор, жандармская

сторожка у калитки, а влево: крестьянские финские постройки. План моих товарищей заключался в том, что я должен был итти с «Голосом Пустыни» вдвоем через весь мост, а там пройдя воду пользуясь темнотой, прыгнуть и бежать или спрятаться под мостом. План был рискованный и мы решили устроить репетицию. В вечерний час, за несколько минут до закрытия границы, отправились в путь. Едва мы начали приближаться к русской стороне, как жандармы, заслышав скрип и шум шагов, направлялись к воротам и устремляли свои взоры на мост. Нам оставалось только повернуть назад, так как прыгать на их глазах было неразумно. Так мы проделали три раза, потеряли три вечера и с одинаковым успехом. Друзья мои были обескуражены и сконфужены. Они не предвидели такой бдительности со стороны русских жандармов. Стали изыскивать другие пути в окрестностях.

Я снял комнату в «Большом Отеле», в самом верхнем этаже, из окна которой был виден мост и часть берега города Торнео. Сидя у окна долгие часы, я изучал дорожки, берег с его избушками и постройками. У меня подготовлялся план. Приведению его в исполнение способствовала наступавшая зимняя погода. Поля покрылись снегом, а рукав реки—тонким льдом. Для успеха плана требовалось продолжение вьюги и мороза. Последний не заставил себя ждать, но вьюга прекратилась, небо очистилось и на нем воцарилась огромная луна, озарившая серебристым светом засыпанные снегом деревья, поля и крыши.

Свет луны был очень некстати; но выжидать уже было нельзя, так как и в Хапаранде существовала охранка, шпионы всех стран. Ознакомил с моим планом товарища «Голос Пустыни» и предложил ему ждать меня вечером от 8 часов, под красным амбаром, недалеко от жандармской будки. Амбар стоял на высоких камнях, и под ним можно было не только лечь, но и сидеть. Ручной багаж, литературу, все это уже переправил в Торнео неутомимый «Голос Пустыни»; он же приготовил мне и квартиру.

Перед восемью часами вечера отправился на мост, прошел шведского часового, безразлично смотревшего по сторонам, подошел к будке, стоящей по середине моста. В будке кассирша была. Под прикрытием этой будки тихонько спустился под мост. Лед был очень слабый, и приходилось держаться

за срубы, служащие поддержкой мостков. Луна щедро бросала свет и мне приходилось искать защиты под тенью высоких срубов. Зорко смотрю по сторонам и жду закрытия границы. Над головою раздаются редкие шаги пешеходов. Наконец все стало тихо. У ворот русской стороны засветился красненький огонек. Это означало, что проход через границу закрыт. Пробую осторожно, по теневой стороне, двинуться вперед. Но, лед был еще так слаб, что как только я упускал сруб, начинал трещать и предательски гнуться. Высматривал полоску поглаже, отталкивался всеми силами от сруба и скользил, как на коньках, до следующего, и временно замирал. Чувствовал, как обострялся мой слух, напрягалось зрение. Русский берег близко... Малейший необычный шум, и мое предприятие погибло! Видел, как за забором ходил жандарм, как он потушил электрическую лампочку у входа в избушку и сам вошел туда. Вот они, много их: сидели в сторожке и изредка поглядывали в окно на освещенную луной окрестность. Скольжение опять и еще, и так до самого берега. В городке тихо, лишь собаки лаяли то тут и то со стороцу границы. Луна поднялась высоко и совершенно скрыла все тени. Мост стал сгибаться к земле, идти было нельзя и я пополз. Наконец он кончился. В сотне шагов от меня жандармы, а дальше, левее—красненький, на каменных ножках амбар. Лежа высматривал врагов,—не находил, и быстро поднявшись убежал к амбарушке. Там радостно встретил меня «Голос Пустыни», жал руки и повел в город. Проходим по дворам на улицу. Кругом тихо, пустынно и морозно. Нашли дом, где жил товарищ, финский с.-д., занимавшийся портновским ремеслом. Семья большая, но в доме чистота и порядок. Встретили радушно. Хозяева не знали русского языка, а поэтому времени для отдыха и соображений было достаточно.

Первый шаг был удачен. Что-то ждало впереди? Мой «Голос Пустыни» был весел и уверен в счастливом конце. Он в тот же день поехал в Кемь. Там также были товарищи, принимавшие живое участие в переправе меня. Приготовили квартиру, обдумали поездку. Под вечер на следующий день меня одели в рабочий костюм, набили карман яблоками, дали местный паспорт и в сопровождении двух товарищей отправили на станцию. Мои временные хозяева пожелали мне всяких успехов. Переехали на пароме через реку, на станции

нашли товаро-пассажирский поезд, идущий до Улеаборга. Прошел жандарм, просмотрел бумажки-паспорта, и поезд медленно двинулся в путь. Часа через три-четыре мы были в Кеми. Там нас встретили; по осторожности ради меня повели одного, путанными дорогами к месту отдыха. В городе стояли солдаты, на станции—пилики и контр-разведка. Добрались до квартиры и здесь мне дали отдельную, чистенькую комнатку. Хозяева очень сожалели, что не знают языков, чтобы побеседовать со мною. Отношение всех было трогательно-милое и товарищеское.

Из Кеми до Улеаборга путь был на обязанности товарища, организатора и руководителя местной социал-демократической работы. Мужественная, открытая фигура товарища располагала к себе. И здесь я уже не сомневался, а был уверен, что доеду благополучно. На следующий день мы были в дороге. Не доезжая Улеаборга, где происходил жандармский осмотр, мы спрыгнули, и верст 6 — прошли пешком, по лесным тропинкам и шоссейной дороге до города. Перешли мост через порожистую реку и достигли дома редакции и конторы улеаборгской с.-д. ежедневной газеты. Тут, в редакционной комнате, меня встретил главный редактор органа, депутат от округа и целый ряд других. Комнату мне предложил т. Ускиля, второй редактор с.-д. газеты. В этот же вечер, маленькой, товарищеской компанией мы отправились в ресторан, взяли отдельную комнату, где мои сотрудники по путешествию и Улеаборгские друзья весело спрыснули мой счастливый путь. Тут же я сделал небольшой доклад о положении дел за-границей, о различных точках зрения на войну. Товарищи во всем были согласны со мною, однако предупредили, что парламентское большинство и большинство членов центрального Комитета Финской с.-д. настроено оппортунистически, а мелкобуржуазные и интеллигентские круги заражены германофильством.

Много тысяч финнов и шведов ушло в Германию, чтобы там, на восточных границах России и Пруссии, сражаться за «освобождение» Финляндии. С.-Д. партии пришлось затратить большую энергию на борьбу с германофильством и так называемым активизмом, т.-е. содействием германскому генеральному штабу в войне с Россией. Положение осложнялось в связи с усилением реакционного давления русского прави-

тельства. За несколько недель до моего приезда были по всей Финляндии аресты, обыски, главным образом в связи с работой активистов, наладивших довольно прочную организацию. В руках активистов находилось особое сообщение и выезд германских военнопленных, а также и шпионаж над русской армией. Финские активисты получали большие транспорты оружия, припасов и вооружали своих членов, ведя агитацию за вооруженное нападение на русские казармы, укрепления, склады и погреба и т. п. Однако эта агитация, встречая сопротивление социал-демократов, не находила сторонников в рабочей массе и среди торпарей, и случаи нападения были единичны.

От Улеаборга до Гельсингфорса обязались меня провожать двое: мой спутник из Кеми, тов. Адам Ляконей и улеаборжец, т. Ханес Ускила.

Пока они подготовляли путь, выясняли и заготовляли формальности, я провел пару прекрасных дней среди милых, радушных товарищей, осмотрел город и «старался приспособляться» к будущей нелегальной жизни в России. Условился с улеаборжцами относительно транспорта литературы и переправы людей и сведений. Заручаюсь их согласием содействовать. Наконец все готово, и мы отправились. На станции они условным знаком указали мне всех русских шпионов и переодетых жандармов. Моя физиономия не возбуждала любопытства, и незамечаемый никем, я не торопясь прошел в вагон. Т. Ускила говорил по немецки, и мы могли столковаться. Втроем заняли купе и со всеми удобствами, без особых тревог, добрались до Гельсингфорса.

Товарищи остановились в гостинице, а меня поместили в «Народном Доме», в здании Центрального Комитета финляндской с.-д. партии, в комнате шведской секции с.-д. Финляндии. Здесь я познакомился с некоторыми членами Центрального Комитета, а также профессионалистами. Отыскал депутатку Персинен, с которой познакомился в Берлине, а также товарища Pohjo, финского рабочего металлиста, хорошо знакомого петербургским сознательным рабочим. При его содействии нашел русского рабочего, уступившего мне за деньги свой паспорт, необходимый для переезда через Белоостров, а также познакомился с городом и его организацией.

Моим постоянным спутником и попечителем по Гельсингфорсу был т. Виик, с.-д. депутат Сейма, редактор с.-д. газеты на шведском языке и заведующий партийным архивом. С ним обошел все предприятия Гельсингфорской Кооперации, огромные молочные, хлебопекарни, оборудованные по последнему слову техники. Народный дом являлся гордостью Гельсингфорских организаций и, действительно, мог бы украсить собой западно-европейскую столицу. Рабочее движение Финляндии было сжато военными тисками. По всей стране расположены войска. В Гельсингфорсе стояли главным образом моряки. Революционная работа среди них велась исключительно русскими силами. Незнание языка и боязнь провокации не позволяли Финской соц.-демократии вести пропаганду среди русских солдат.

Странно было видеть город рабочей культуры всего в нескольких часах езды от столицы царственного башибузука. И вполне была понятна ненависть реакции по отношению к этой маленькой стране, защищающей упорно свою независимость от царской власти. Однако чем дальше, тем труднее было для Финляндии отстоять свою свободу, и судьба этой страны невольно связывалась с развитием революционного движения в нашей стране. Революционные с.-д. Финляндии уже тогда пытались сообразовать свою политику в этом отношении, однако далее некоторых услуг по транспорту, по переправе людей через границу и т. п. дело не пошло.

Перед отъездом условился с т. Виником относительно переправы литературы, обменялись шифром и адресами.

XVIII.

В Петербург.

Путь от Гельсингфорса до Питера провел в кругу морских офицеров и военных чиновников. Благополучно миновал и жандармскую ставку — Белоостров. Пасмурное утро встретило меня в Питере мелким осенним дождем. Филеры, шпики, встречающие на Финляндском вокзале пассажиров, еще не знали меня и мой вид нисколько не смущал их.

Существование в Питере родственников избавило меня от необходимости немедленного скитания по нелегальным яв-

кам. Нежданным гостем нагрянул к своим, непосредственно в рабочий район, за Невскую заставу. Тотчас же получил много сведений о том, что делали и думали рабочие массовики Питера.

Первую неделю-другую, пока не попаду в сети шпиков, решил провести у сестер, живших в районе Стеклянного. Отыскал всех, кого только помнил и знал в партийной работе; но в большинстве это были люди, уже отошедшие от нее.

По явке Петербургского Комитета отыскал буржуазную квартиру «молодого барина» (Старка) и в тот же вечер встретил у него С. Нарвского и В. Шмитта. Они ознакомили меня с положением дел в Петербургском Комитете. Все работники находились тогда под впечатлением победы над социал-шовинистами в вопросе о выборах в военно-промышленный комитет. В свою очередь познакомил их с своими задачами, а также с положением дел заграницею. Работников в Питере к этому времени собралось достаточно. Партийная работа велась во всех районах, но особенно хорошо в Выборгском. В этом районе была создана крепкая партийная организация; обслуживалась она исключительно силами самих рабочих. Из выдающихся работников, с которыми мне приходилось встречаться или узнавать о их работе, были следующие товарищи: «Владимир», он же Зажеский, «Сергей» или «Нарвский»—Багдаев, «Кирилл», он же Орлов, «Юрий», «Костяков»—Лутовинов, «Николай»—Шмидт, «Алексей», «Горин»,—Воробьев, «Александр» он же Дунаев, «Свояк»—Бокий, «Петр»—Фокин, Я. Клинов, Ф. Комаров, Андреев, «Владимиров, (Егор) Антипов, Лобанов, В. Толмачев (Приятель), «Аня»—Костина, и др., имена которых не сохранил в памяти. Из учащейся молодежи оказывали содействие студенты, курсистки Рошаль, Коган Анна и др.

Пленум Петербургского Комитета было собирать очень трудно, а потому я делал свой доклад по частям, каждой группе работников при встрече. Моему приезду и новостям из жизни западно-европейских рабочих товарищи были рады. Предложение Цен. Ком. об организации Бюро Цент. Комитета все, за исключением Л. Старка и «Мирона»—Черномазова, одобряли и приветствовали. Мирон занимался какой-то демагогией на счет заграничников, Л. Старк имел свое предложение—сделать Петербургский Комитет Бюро Цен. Комитета.

Мотив был тот, что по сие время П. К. был действительно центром для нашей партии в России. Однако это мнение не разделялось большинством членов П. К. и ответственными его работниками. Совместительство и П. К. и Б. Ц. К. в одних лицах было неудобно и рискованно.

В вопросах тактических и политических у нас было полнейшее единомыслие. Основная деятельность П. К. сосредоточивалась на руководстве экономическими конфликтами, политическими выступлениями и всюду и везде—на борьбе с шовинизмом и его проводниками в рабочие круги—ликвидаторами. И повсюду наши товарищи выходили победоносно, имея за собой опору громадного большинства рабочих. Самой замечательной работой этого времени была, несомненно, выборная кампания в военно-промышленные комитеты, имевшая место в сентябре 1915 г. К сожалению, в архивах Петербургского Комитета тогда я ничего не нашел по этому делу. И все-таки мне удалось составить сравнительно полную картину этой работы.

Я приехал в Питер недели три спустя после провала гучково - гвоздевской затеи вхождения рабочих в военно - промышленные комитеты. Выборная кампания подготовлялась буржуазией и оборонческими кругами социалистов легально, в течение более месяца. Наши организации также приняли широкое участие в этой работе, но в силу своей анти-оборонческой, революционной и интернационалистской позиции могли действовать только нелегально. Работать приходилось при крайне тяжелых условиях; но из этой борьбы с блоком оборонцев и буржуазии за влияние на питерский пролетариат Петербургский Комитет вышел со славой и честью.

Центральный Военно-Промышленный Комитет возник в 1915 г. в результате кампании за «милитаризацию промышленности». До августа он существовал, как деловая часть при Российской организации локаутчиков, при «Совете Съездов Представителей Торговли и Промышленности» Основной задачей Ц. В. П. Комитета было получение заказов на армию и распределение их между фабрикантами и заводчиками. Этим путем стремились устранить «недобросовестную» конкуренцию промышленников, получение заказов закулисными путями, спекуляцию на министрах, великих и малых князьях и их проститутках при распределении жирных доходов. Ко-

нечно, и помощь армии, стремление обеспечить ее всем необходимым входили в планы учредителей этих организаций. В июле (25—27) 1915 г. был съезд представителей местных и областных военно-промышленных комитетов, который выработал устав. В августе (27) этот устав прошел через Государственную Думу, подписан царем и стал законом в виде «Положения о В.П.К.». И только после этого он снял слова, «при Совете Съездов Представителей Торговли и Промышленности». По закону было уделено там место и рабочему представительству.

Практики-промышленники были не меньше правительства заинтересованы в борьбе с нарастающим революционным движением и надеялись, путем привлечения рабочих, «самих» рабочих, к колеснице милитаризма не за страх, а за совесть, отвлечь их от «большевистской и пораженческой заразы».

Пробуждение революционной активности рабочего класса, особенно петербургского района, где, до самого последнего времени, было сосредоточено более половины производства боевых припасов, очень озабочивало буржуазные круги. Наиболее дальновидные «вожди промышленности» находили вмешательство полиции и охранки в рабочее движение крайне вредным, обострявшим отношения между капиталом и трудом, а также видели в этом вмешательстве одну из причин развития на заводах политических протестов, нарушавших нормальное воспроизведение прибыли. Красный призрак не на шутку пугал «Мининых и Пожарских» нашего времени, отличавшихся от нижегородских купцов старого времени тем, что на «алтарь отечества» они ничего не несли, а наоборот, норовили стащить во имя родины, ее «обороны», лакомый кусочек заказа. Не веря в способность военной диктатуры разрешить рабочий вопрос, промышленники задумали пристегнуть к своему делу самих рабочих, связав их участием в деле войны, подчинить таким путем все рабочее движение своим видам.

В приглашении к выборам рабочих представителей Центральный В.П. Комитет, так определял задачи рабочих делегатов: «Участвуя в трудах Центрального Военно-Промышленного Комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут наилучшему выяснению условий повышения производитель-

ности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны». Интересы «обороны отечества» требовали от рабочих ровно столько, сколько было нужно и желательно предпринимателям для наилучшего обеспечения прибыли.

В первую голову буржуазные защитники отечества повели свою избирательную кампанию в Питере, надеясь удачным проведением ее здесь заставить весь российский пролетариат пойти за столичным и сложить перед организованным капиталом все средства классовой самозащиты. В своей кампании предприниматели из В.П. Комитетов нашли верных союзников в среде «социалистов», принявших войну. Последние использовали во всю свою близость к рабочим массам, отдали весь свой авторитет на службу империалистическим интересам буржуазии. Самим буржуазным идеологам «великой России» — от Струве до Гучкова и Рябушинского, «обработка» рабочих, даже в малом числе, никогда не удалась бы, так плохо умеют они скрывать истинные интересы войны. Для этой роли были нужны таланты Потресовых, Масловых, Плехановых и других более мелких, которые знают, как следует преподнести рабочему люду националистическую отраву. Весь запас «марксистской» фразеологии был пущен в ход: тут и интересы экономического развития, и освобождение от «немецкого засилья», и интересы «демократии», и «международность» обороны. Новая форма солидарности — патриотическое взаимоистребление пролетариев!

Однако все попытки создать «классовый мир» не удавались буржуазии, так как русские рабочие не склонны были мириться с тем скотским состоянием, на которое обрекали их капиталисты и царская власть. В своей рабочей политике «Общество Заводчиков и Фабрикантов», даже облеченное в защитный «оборонческий» цвет, оставалось по-прежнему реакционным. В своей борьбе с недовольством рабочих оно по старому опиралось на полицию и охранку. В печати и на съездах, в статьях и речах даже «оппозиционных» представителей отечественного капитала мы слышали «ходатайство» об отмене, конечно, с оговоркою «на время войны» — всех ограничений, предусмотренных уставом о промышленности в отношении пользования женским трудом и трудом подростков, а также «отмены на время войны действующих ограничений

в отношении продолжительности рабочего времени и сверхурочных работ». Акулы-углепромышленники Донецкого бассейна и отечественные металлурги юга мечтали только об одном: отменить праздники, увеличить число обязательных рабочих дней до 360 в году и требовали больше, как можно больше дешевых рабочих рук: китайцев и военно-пленных. Нужно было иметь специальную психологию оборонца, чтобы в таких условиях проповедывать классовый мир!

XIX.

Для осуществления своих желаний г. Гучков обратился за содействием к рабочей группе Страхового Совета и к некоторым крупным больничным кассам. Это обращение было получено рабочими представителями в начале августа. Члены рабочей группы Страхового Совета ответили г. Гучкову, что они уполномочены рабочими только по делам страхования и не могут вступать в какие-либо переговоры или в обсуждения вопросов, связанных с выборами в военно-промышленные комитеты. Страховики предложили ему обратиться по этому вопросу непосредственно к рабочим и работницам, на фабрики и заводы. В том же духе ответили и больничные кассы. Таким образом промышленникам не удалось использовать страховые рабочие учреждения для своих шовинистических целей.

После этого Ц.В.П.К. была выпущена особая, подходящая к случаю, патриотическая прокламация и инструкция по выборам. Оба экземпляра были вывешены в мастерских, на фабриках и заводах, а также в виде листовок раздавались по рукам. Таким образом была начата в Питере избирательная кампания. Петербургский Комитет решил использовать выборную кампанию и широко развернуть революционное, интернационалистическое знамя социал-демократии. Эта кампания впервые за время войны открыто и легально ставила перед рабочими вопросы внутренней и международной политики царизма. И рабочие не преминули широко использовать открывшуюся возможность. Партийные организации стремились всеми способами продлить избирательную кампанию. На заводах устраивались собрания, на которых происходила встреча двух мировоззрений,—революционного интернационализма, знавшего одно только отечество рабочего класса—со-

циализм,—и другого, примиренческого оборончества, находившего «отечество» рабочих даже в условиях царизма. Гнусная обстановка внутри страны связывала руки социалистам-патриотам, и поэтому они старались связать свою политику с революционными задачами, стоявшими тогда перед рабочими России.

Буржуазия всех цветов и легальная «демократическая пресса» вели агитацию за участие рабочих в военно-промышленных комитетах и всячески старались разжечь шовинистические страсти. Социал-патриоты или «военно-промышленные социалисты», как их тогда называли, не отставали от буржуазных шовинистов. Они пустили в ход все запасы своего «марксизма» для доказательства того, что принцип «защиты отечества», красующийся на щите в. п. комитетов, не расходится с идеями рабочей международности. Социал-патриотическая газета «Утро», учитывая революционное настроение Питерских рабочих, играла на «боевизме»—приглашала рабочих, «ежели их не пустит туда буржуазия», а буржуазия на самом деле очень усердно их туда заманивала, «мозолистыми руками самим отворить их затворы».

Думская фракция Чхеидзе, обессиленная внутренним расколом—откровенным патриотизмом Чхенкели и Хаустова—занимала в вопросе об участии в военно-промышленных комитетах колеблющуюся позицию. Н. С. Чхеидзе, считавшийся левее других, все же стоял за «вхождение представителей от рабочих в В.П.К.». При личном свидании он очень длинно доказывал мне, что если он и стоял за вхождение, то отнюдь не для органической работы, а в интересах организации рабочих и для организации антиправительственных сил... Социал-патриоты использовали его позицию «за участие», отбросив все прилагательные. Таким образом меньшевистская думская фракция также повинна в том одурачении рабочих, которое происходило около выборов в В.П.К по всей Руси.

О размахе предвыборной работы Петербургского Комитета говорили многочисленные резолюции и наказы, принятые на громадных митингах, организованных на заводах. На гиганте Путиловском был принят особый наказ; на большинстве же других прошли резолюции, в роде следующей, принятой на заводе «Новый Лесснер»:

«Мы, рабочие завода Новый Лесснер, обсудив вопрос об участии в военно-промышленном комитете и о выборе уполномоченных в заводские комитеты, постановили: настоящая мировая война затеяна и ведется исключительно в интересах буржуазно-капиталистического общества. Пролетариат не заинтересован в происходящей войне. Она не несет ему ничего, кроме миллионов павших на поле товарищей, миллионов искалеченных и обнищавших. Одновременно с объявлением войны центральным империям, командующие классы России объявили беспощадную войну всему трудящемуся классу-пролетариату. Они задушили рабочие профессиональные союзы и просветительные общества, уничтожили рабочую печать. Они оклеветали и сослали в каторгу представителей пролетариата в Государственной Думе. И теперь, после 13 месяцев войны, после бесчисленных поражений, убедившись в невозможности победить врага внешнего, не расковав страны, они делают попытку привлечь на свою сторону рабочий класс и только вчера расстрелянных рабочих зовут защищать «отечество». Наш ответ может быть только один: пролетариат будет бороться за раскрепощение и освобождение трудящихся масс населения, к какой бы они национальности ни принадлежали. Всякую деятельность, связанную с поддержкой международной бойни, с поддержкой командующих классов, в течение веков давивших и угнетавших трудовое население, мы отвергаем. Мы признаем, что только полное крушение капиталистического, полицейско-самодержавного строя в состоянии вывести страну из создавшегося положения. Мы требуем немедленного созыва всенародного учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права. Мы требуем немедленного восстановления всех профессиональных и культурно-просветительных организаций пролетариата, требуем свободы печати, свободы собраний и союзов. Мы признаем насущной очередной задачей момента широкую организацию рабочего класса в профессиональные, культурно-просветительные и строго-классовые политические организации. Полицейско-самодержавная власть, толкнувшая страну на целый ряд катастроф, заковавшая в тяжкие арестантские кандалы, до сих пор держит под тюремным замком, в ссылке и каторге наших лучших товарищей,—борцов за наше лучшее будущее.

Мы требуем немедленного освобождения всех арестованных, сосланных и осужденных за политическую деятельность».

О первом собрании уполномоченных у нас сохранилось очень мало материала. Самое подробное описание событий 27 сентября 1915 года сделал, по моей просьбе, тов. Сергей Нарвский (Багдадьев), посланный Петербургским Комитетом на собрание уполномоченных с мандатом Путиловского рабочего Кудряшева. Это письмо мною было отправлено в Ц.О. «Социал-Демократ» и помещение в № 50. Пользуюсь им, как историческим документом, и беру из него интересующие нас выдержки.

В основном, т.-е. в отношении к войне, большинство рабочих стояло на нашей точке зрения. Но при той путанице, которая царит в головах в нынешний период раб. движения, не мудрено, что в правильные в общем резолюции и наказы, которые принимались в большинстве заводов, проникали пункты чуждые, сознательно или бессознательно взятые из идеологии другого лагеря (ликвидаторства). В особенности этим грешили разные «примиренцы» и «объединенцы». Организация последних так-таки не выпесла определенного решения,- итти или нет в военно-пром. комитеты. Они хотели бы еще созвать рабочий съезд и на нем решить этот вопрос. Искусственно соединяя элементы противоположные, они спасовали при первом же серьезном полит. испытании. На собрании уполномоченных они разошлись по своим симпатиям: к нам или к ликвидаторско-народническому блоку. Переходя далее к фактической стороне выборов, т. С. Нарвский пишет:— «На собрание явилось 198 уполномоченных (всего должно быть было около 220). Предварительные собрания удалось нам сорганизовать только для части (около 60) уполномоченных, ядром которой было представительство от одного очень крупного завода. На этих предварительных собраниях была изложена предполагаемая схема поведения партии и ее сторонников на собрании уполномоченных; тут же было указано на необходимость с точки зрения П. К. выставить на собрании таких ораторов, которые могли бы без лишних слов смело и отчетливо изложить точку зрения интернационалистов на происходящую войну, и как следствие отсюда,- неучастие рабочих в воен. промышл. ком. Чтобы привести эти намерения в исполнение, удобнее всего было

провести на собрание в качестве ораторов лиц, не избранных на заводах. Фамилии и адреса уполномоченных были официально зарегистрированы и потому выступление самих уполномоченных с антивоенными и революционными речами могло дать администрации и прокуратуре такие возможности, какие не давали речи «неизвестных лиц»,—это было важное соображение. Таких лиц на собрании было 2, т.-е. вовсе не столько, чтобы можно было сказать, что их голос решил вопрос. Большинство было за нами и без них. Они воздержались бы от голосования, но поднявшаяся на собрании со стороны ликвидаторов злобная и предательская болтовня о присутствии посторонних с угрозами объявить об этом тут же на собрании заставила их «назначенных» товарищей подать и свой голос, впрочем, когда уже были подсчитаны записки и большинство наше было и без них очевидно. Нужно помнить, что вторичное голосование было по списку уполномоченных поименно: и мы кроме того не могли знать, что ждет нас по выходе за двери собрания. Все это великолепно знали и понимали ликвидаторы и их представители в президиуме. Но потерпев поражение, оставшись в меньшинстве не только среди соц.-дем., но даже, несмотря на блок с народниками и беспартийными, эти лживые провозглашатели «единства» повели не только раскольническую, но и предательскую политику».

...С нашей стороны было только 2 оратора, говоривших по два раза. С противной стороны (под видом разных «течений») было произнесено свыше десятка патетических громких речей. Наши ораторы взяли в основу своих речей наказ П.К. и его комментировали. Исходя из этого наказа, они предложили и форму «заявления» в воен.-пром. ком. об отказе итти туда. Заявление это было заранее выработано П.К. и распространено. Сначала мы получили 95 гол., при поименном же голосовании, когда часть тов. уже ушла, думая, что вопрос решен и собрание закончится этим, так как было уже очень поздно (1 час ночи), мы получили 90 голосов, против (ликвидаторско-народнический-беспартийный блок) 81 гол. В начале заседания ликвидаторы были уверены в своем большинстве. Выбор Гвоздева, а не «Кудряшева» в председатели дал им ложный признак. Кудряшев не попал в председатели, во-первых, потому что несколько объединенческих» интернацио-

налистских голосов было подано за Гвоздева еще до входа на собрание Кудряшева, а потом им «неловко было», как они говорили, голосовать за другого при перевыборах; во-вторых, в начале собрания, когда линия борьбы еще была не ясна, многие не придавали значения вопросу о составе президиума. Как бы то ни было, но ликвидаторы, потерпев поражение, растерялись в высшей степени. Не смея производить выборов от себя, они подняли шум и стали уходить. Потребовали ухода Гвоздева, как своего представителя в президиуме; но он отказался, заявив, что голосование, проверенное всеми способами, вполне законно, и он не находит основания к уходу с собрания. Нам предстояло еще поставить на голосование наш наказ, который мы хотели приложить к заявлению. Уполномоченные из Сестрорецка и Ижорского завода заговорили о необходимости им уйти, так как приблизилось время отхода последнего поезда. Атмосфера собрания была к тому же повышена до максимума. (Заседали с 12 ч. дня, ничего не евши). В.П.К. угощал нас чаем, вернее кипятком, но без сахару).

Резолюция социал-патриотического блока до самого конца никому не показывалась, чтобы можно было утверждать о разных течениях и получить право на большее количество ораторов, и чтобы не дать нам возможности разбить ее содержание. В резолюции говорилось многое такое, чего мы не слыхали от их ораторов. На некоторых заводах были арестованы несколько рабочих. На выборах в уполномоченные ликвидаторский блок вписывает этих арестованных, но еще не уволенных с завода рабочих в свой список. Масса голосует за этот список в надежде освободить тем самым этих товарищей. В середине прений на собрании уполномоченных ликвидаторы предлагают обсудить этот вопрос. С своей стороны они предлагают обратиться в Ц.В.П.К. с предложением ходатайствовать за освобождение арестованных. Часть наших, мечтающая продолжить собрание на другой день, думает поддержать предложение отложить собрание до освобождения арестованных. Нам было ясно, что это значит сорвать собрание и разойтись окончательно, не вынеся принципиального решения относительно войны и в.-п. к. Конфликт с властью на подобной, чисто полицейской почве не имел никакого международного значения и лишал всю кампанию

того значения, которое мы ей придавали. Поэтому тов. «Кудряшев» выступил против предложения отложить собрание с требованием освободить арестованных. В случае ареста кого-либо из уполномоченных пролетариат постарается применить все доступные ему меры борьбы. Вместе с тем он требует освобождения уже арестованных. Предложение тов. «Кудряшева» проходит. Те интернационалисты, которые колебались в этом вопросе, поняли опасность срыва собрания.

В заключение собрание уполномоченных 90 голосами приняло следующий наказ-резолюцию, выработанную петербургским комитетом:

«Товарищи - уполномоченные петроградских рабочих должны выразить следующий взгляд их избирателей на задачи и тактику международной и, в частности, русской с.-д. в настоящий момент.

«Переживаемая нами война, принесшая столько бедствий во всех странах, как воюющих, так и невоюющих, война, опустошившая и разрушившая целые страны, война, унесшая и разбившая тысячи и тысячи рабочих жизней,—означает один из величайших переломов в истории человечества. Производительные силы буржуазного общества переросли узкие рамки современных национальных государств. Как в монархических, так и в республиканских странах государственная власть и ее дипломатия подчинены всецело хищническим, империалистическим интересам господствующих классов. В своей погоне за рынками сбыта и за сырьем, за сферами приложения капитала, колониями и концессиями, капитал привел к дележу почти всего мира несколькими «великими» державами за наиболее лакомые куски добычи, за достижение всемирного господства, за создание всемирных империй.

«Кто из них первый напал в этой войне, кто более ловкий и более сильный победителем окажется в ней, вопрос не существенный и не могущий определить тактику пролетариата. Лозунг «защиты отечества» и его разновидности — защита свободы, культуры, национальных интересов, права, морали и т. д., выдвинутый буржуазией воюющих стран и поддержанный оппортунистами в среде рабочего класса и некоторыми его. изменившими социалистическому знамени «вождями»—есть лишь прикрытие хищнических притязаний правящих классов и приманка, при помощи которой рабочий

класс превращается в слепое орудие их империалистических интересов, и разбивается интернациональная солидарность, и внутри каждой страны ослабляется движение и классовая борьба рабочих. Поэтому сознательные рабочие во всех странах должны решительно выступить против этих чуждых их классовым целям лозунгов. Интернациональная пролетарская классовая борьба, против интернационального империалистического истребления народов,—таков социалистический завет настоящего часа. Главный враг каждого народа в его собственной стране. Враг русского народа—это царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистская буржуазия.

«Долг русского народа бороться с этим врагом в собственной стране; объединяясь в политической борьбе против него с пролетариатом других стран, который может направлять свои удары против своих собственных империалистов, против своих правительств.

«В широких слоях населения проявляется стремление к миру. Сознательный пролетариат должен направить это стремление в социалистическое русло и указать им, что не может быть длительного мира, пока существует капиталистический строй. Тем более не может быть мира пока без аннексий, контрибуций и т. д., как хотели бы некоторые «наивные» демократы. Диктовать условия мира пролетариат мог бы лишь в том случае, если бы власть была в его руках, а не в руках тайной дипломатии. На завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены усилия пролетариата.

Лозунг «Долой войну!» пролетариат должен осмыслить и углубить кличем: «Да здравствует социальная революция».

«В передовых капиталистических странах уже созрели объективные предпосылки социалистической революции. В России пролетариат должен еще добиться демократизации государственного строя, т.-е. добиться демократической республики. Революция сметет остатки крепостнической эпохи и, дав тем самым свободу развитию производительных сил, быстрыми шагами приблизит и Россию к условиям чисто социалистического переворота. Однако, в уничтожении царской монархии и его социальной основы,—помещичьего землевладения, — заинтересован не только пролетариат, но и крестьянство и другие слои буржуазной демократии. Поэтому

пролетариат обращается к ним (буржуазной революционной демократии) с призывом поддержать его борьбу с царским правительством. Пролетариат зовет к созданию временного правительства после низвержения самодержавия для созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права без различия пола, национальности и религии.

«Исходя из этой позиции: 1) очевидно, речи быть не может об участии представителей рабочих в Ц.В.Н. комитете.

2) Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.

3) Поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне».

XX.

Отказ петербургских рабочих принять лозунг «обороны» и сотрудничество с Гучковыми и Рябушинскими поверг в большое смущение всех патриотов. Первыми оправились меньшевики-оборонцы и старались доказать «немеждународность» позиции «бойкотистов». Буржуазная пресса всячески поддерживала их, отводила свои страницы мыслям социал-шовинистов.

Оборонцы, наученные неудачным опытом в Питере, пожелали отыграться в Москве и там повели дело хитрее. Выборы там устраивались в молчанку, без предвыборных собраний и какой бы то ни было агитации. Охранное отделение помогало социал-патриотам, арестуя сотнями интернационалистов-большевиков. Таким образом московские промышленники получили послушное большинство отсталых рабочих текстильных и др. фабрик, а значительная доля московских металлистов, несмотря на обман и угрозы, пошла по следам своих питерских товарищей, отказалась от участия в выборах в В.П.К. И здесь ликвидаторы не остановились перед расколом. После Москвы они снова подняли голову и в Питере.

Вскоре появилось известное письмо-донос Гвоздева о «неправильности» выборов. Большинство промышленников

смотрело сначала на повторные выборы скептически. Они знали петербургский пролетариат. Все же Гучкову удалось побороть скептицизм своих коллег и заставить Ц.В.П.К. пойти навстречу Гвоздеву. Локаутчиками из «Совета Съездов» очень улыбалась возможность расколоть питерских рабочих, и они решили «содействовать» Гвоздеву.

О закулисных переговорах гвоздевской кампании с Гучковым слухи ходили по Питеру задолго до их публичных выступлений. Нам было известно, что Гвоздев был частым гостем гучковского кабинета, но однако вся их подготовительная «избирательная комбинация» держалась в секрете. В двадцатых числах ноября в газетах появилось извещение, что выборы в Ц.В.П.К. предполагается совершить 22-го ноября. Чтоб устроить собрание выборщиков, Гучков лично хлопотал перед градоначальником, но последний не решился дать разрешения без совета с мин. Хвостовым. Последний препятствий к устройству вторичных выборов не нашел. Известия о готовящихся выборах появились в печати приблизительно за пару дней. Из этого можно было понять, что Гучков и Гвоздев хотят застать своих противников-большевиков врасплох. Петербургскому Комитету с большим трудом удалось устроить собрание некоторой части выборщиков, обсудить приготовленную резолюцию по отношению ко вторым выборам, которая и была принята 21-го ноября. В рабочих кругах передавали, что в виду недостатка времени, а также для большей «верности», Гвоздев будет сам развозить повестки на автомобиле В. П. Комитета. Как не спешили гучковцы, собрание это на 22-е устроить не удалось, — в тот день не было ни одного свободного зала. Таким образом, помимо воли ликвидаторов, перед рабочими была целая неделя. За эти дни выборщикам интернационалистам собраться в большом количестве не удалось, — за ними усиленно следили. Охранное отделение старалось обеспечить «свободу» гвоздевской кампании. У некоторых товарищей были произведены обыски. Из выборщиков было изъято к этому времени не менее 5 чел. Оставшуюся неделю рабочие некоторых заводов, где победил «ликвид.-народнический» блок, как, напр., у Айваза, устраивали собрания и снимали с выборщиков полномочия участвовать во вторых выборах. Петербургский Комитет повел через районы борьбу с гвоздевщиной.

В день вторичных выборов, 29 ноября, наши товарищи явились на собрание перед его открытием. О том, как проходило собрание, мне удалось добыть самый точный и подробный отчет у представителей прессы. В газетах печатать его мы не могли, и мною он был отправлен за-границу, в наш Ц.О. и напечатан в «Сборнике С.-Д.» № 1. В него тогда я внес только мелкие редакционные поправки, не нарушая смысла и даже стиля речей.

К открытию собрания в зале присутствует 153 выборщика.

До начала собрания в присутствии Гучкова, открывающего собрание, большевики и народники требуют слова для внеочередного заявления.

Один из них сказал: «До тех пор, пока нам не дадут слова для внеочередного заявления, мы открыть заседания не дадим». Гучков (показывая на ликвидаторов): «Эта сторона показывает пример, как следует вести себя на заседании» (Аплодисменты).

Слово предоставляется представителю большевиков, который прочитывает следующую декларацию:

«Мы, рабочие-выборщики заводов и фабрик, считаем своим пролетарским долгом заявить следующее:

1) Созванное сегодня вторично собрание выборщиков считаем попыткой фальсифицировать мнение петербургского пролетариата. Являясь результатом частных хлопот отдельной кучки рабочих, оно не в праве решать тот вопрос, который однажды уже решен и одобрен рабочими массами на заводах.

2) Петербургский пролетариат и по сей день сохраняет свою прежнюю позицию самого резкого осуждения мировой войны и ставит своей задачей в этот критический для буржуазного общества момент расчищение широкой дороги классовой борьбы пролетариата за его конечные цели.

3) Петербургский пролетариат попрежнему считает невозможным входить в те организации буржуазии и двоецарства, которые ставят своей целью спасение русской монархии на костях миллионов крестьян и рабочих, тем более, что центральный промышленный комитет в своих постановлениях обнаружил явное стремление скать в кулак классовое движение пролетариата, дезорганизовать его и лишить его присущей ему солидарности.

4) В виду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места».

Представитель левых народников прочитывает резолюцию, что народники могли бы лишь тогда решить вопрос о выборах уполномоченных в военно-промышленный комитет, если бы такой вопрос был предложен общему рабочему съезду.

После этих двух заявлений уходят большевики и часть левых народников. Другая часть заявляет, что желает выслушать и ту, и другую сторону. Они подчеркивают при этом, что вполне согласны с упомянутой декларацией своих товарищей, но для осведомления своих избирателей желают пока остаться на собрании.

Брейдо (ликвидатор): «Большевики хотят сорвать собрание. Их хулиганское поведение показывает, что они не доросли до серьезной политической деятельности. Но мы, несмотря ни на какие препятствия, должны довести дело до конца. Это дерзкое, я скажу, нахальное поведение»... (поднимаются и уходят остальные левые народники).

Брейдо: «Пусть, уходят, меня не испугает, если уйдет еще десяток человек. Мы сделаем свое дело до конца. Необходимо обсудить все детали и мелочи вопроса, необходимо взвесить всю сущность его и принять решение, соответствующее общей зрелости рабочего класса России. С точки зрения интересов рабочего класса необходимо участие в военно-промышленных комитетах.

В общем ушло 89 человек. На собрании остались ликвидаторы, беспартийные, правые народники; осталось также несколько большевиков для информации.

Гучков: «Война навязана нам дерзким врагом. Нами сделано все, чтобы избавиться от нее, но, когда нам бросили вызов, мы должны были его принять. Нашу армию постигли неудачи. Ей пришлось отступить, отдавая врагу земли и города. Раздались голоса о том, что враг побеждает, благодаря своей технике и мы решили отдать свою технику, свою промышленность делу защиты родины. Мы мобилизовали

нашу промышленность, и в результате нашей работы появились известные успехи на фронте, объясняемые достаточным снабжением снарядами. В этом и наша заслуга. Перед нами теперь стоит громадная задача. Враг ослабевает, и мы должны нанести ему необходимый удар. Самым грозным врагом России является экономическое засилие Германии. Мы должны преодолеть его, для чего нам необходимо стать силой. Из германского плена вернулись не только инвалиды-солдаты, но и сестры милосердия, и они рассказывают о тех ужасах и мучениях, которые приходится терпеть нашим пленным.—На них перевозят тяжести, на них пашут, запрягая по несколько человек в соху. То-же будет со всей Россией, в случае победы Германии. Я знаю: вам живется не сладко. Но если германцы завладеют нами, то эта ваша жизнь покажется тогда вам раем. Я знаю, что у вас есть свои задачи, своя линия; но сейчас, когда враг грозит целости России, мы все же должны отложить наши распри и борьбу. После войны мы опять очутимся в разных лагерях и снова будем вести борьбу. Но теперь мы все должны победить врага и вместе с тем стремиться к самому лучшему устройству внутренней жизни России».

В заключение он сообщил цифровой материал: разослано 213 повесток, вручено 185, выбрано было 218 депутатов, из которых арестовано 5 человек. В конце речи предложил избрать президиум. Единогласно избран председателем Гвоздев. Товарищем председателя—Шилин, секретарем—Гудков.

Гвоздев на положение дел смотрит иначе, чем Гучков: «Для рабочих России нежелателен разгром ни России, ни Германии. Мы стоим на точке зрения защиты и самообороны, но не нападения на Германию. В настоящее время насущной работой является организация всех живых общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом—самодержавным строем. Для достижения этих двух целей необходимо деятельное участие в работах военно-промышленных комитетов. В настоящее время социальная революция не на очереди..... пока власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии. Мы накануне буржуазной революции, к которой мы должны отнестись сознательно. Мы должны обсудить вопрос об общем положении дел и своим решением демонстрировать свою политическую зрелость и сознательность».

Одним из присутствующих предложены следующие вопросы Гучкову:

1) Устойчивы ли военно-промышленные комитеты, как общественные организации?

2) Как будет организована работа и общение избранных членов военно-промышленного комитета от рабочих с их избирателями, и пожелает ли комитет помочь в этой работе?

3) Как будет реагировать комитет на жалобы рабочих на порядки в заводах, поступающие через рабочую делегацию?

Гучков. «Не должно быть никаких половинчатых резолюций и постановлений. Мы призваны для определенных задач борьбы с немцами. Нельзя обольщать себя надеждой, что кроме этой главной цели удастся еще устроить кое-что внутри страны. Положение военно-промышленного комитета неустойчивое и неопределенное. Против него возможны выступления. Военно-промышленный комитет будет всеми силами содействовать общению рабочей депутации с избирателями. Что касается третьего вопроса, то приходится констатировать, что военно-промышленный комитет является организацией, которая по своему существу не может вмешиваться в трения на заводах».

Объявляется перерыв, во время которого проверяются мандаты оставшихся. До перерыва в положительном смысле единогласно решен вопрос о допущении на собрание представителей печати.

Кудрявцев. «Я выборный от трех мастерских Путиловского завода. Когда меня наметили кандидатом, я всячески отказывался от возлагаемой на меня обязанности, но рабочие настояли на моем выборе. Мне самому пришлось кроме того быть в комиссии, проверявшей правильность выборов, и здесь опять я отказывался от возлагаемой на меня обязанности. Это опять таки мне не удалось. Когда были назначены выборы, один из рабочих-путиловцев поехал в Центральный военно-промышленный комитет и получил все повестки. Своей повестки я не получил, и вместо меня попало на собрание другое, мне неизвестное, лицо, которое и надлежало всю эту «злобу дня». По моему мнению, необходимо добиться свободы и дружно работать всем рабочим».

Принимается следующий порядок дня:

1) Обсуждение политической резолюции;
2) Обсуждение наказа;
3) Назначение кандидатов;
4) Выборы.

Емельянов. (Трубочный завод): «Сегодня нам необходимо решить весьма важный вопрос. Подойти к нему мы можем лишь исходя из оценки переживаемого момента. От нашего сегодняшнего решения зависит поворот в рабочем движении Петрограда, и потому к этому вопросу мы должны отнестись весьма серьезно. Два последние месяца в жизни рабочих — мертвая полоса, когда наши силы были еще более ослаблены благодаря расколу. Это произошло оттого, что неправильно поняты были задачи движения, и был выбран неправильный путь. Нам необходимо решить вопрос, выбирать или не выбирать в военно-промышленный комитет, серьезно взвесить всю его деятельность и высказать свое отношение к нему, а это возможно лишь исходя из оценки переживаемого момента. От войны нельзя отмахнуться, она факт, окрашивающий собой все события жизни. Она пережиток варварства, входящий в жизнь общества из тьмы минувших веков. Она достояние варварского общества, но составляет неотделимую принадлежность буржуазного империализма. Война эта, как и всякая другая, ведется исключительно только в интересах буржуазии, а не рабочих. Таков наш принципиальный взгляд на эту войну. И все же наши противники называют нас националистами. Между тем на прошлом собрании выборщиков мы предлагали резолюцию, в которой определенно сказано, что мы противники этой войны, что мы протягиваем руку всем рабочим без различия национальностей, для которых лозунгом момента является «мир». Совещания меньшинства с.-д. выставило этот лозунг, как задачу момента, «объединившую весь революционный пролетариат, и мы лишь вслед за циммервальдской конференцией повторяем: «мир без аннексий и контрибуций». К этому миру мы стремимся в союзе со всей революционной демократией. Как можно достигнуть этого мира? Противники наши не идут с другими классами. Они думают о революционном перевороте, которого они добьются только своими собственными

силами; а между тем достижение этой задачи и мира возможно лишь при мобилизации всех живых общественных сил страны вокруг этих лозунгов... В каком положении находится Россия? Она поставлена на край пропасти и может упасть туда. Привели ее к этому положению не гении армии Вильгельма, а наша собственная власть и наши порядки.

«Об этом нельзя умолчать. Правительство сделало все, чтобы мы зашли туда, где находимся. В этом отношении повлияло и отсутствие свобод демократии, и бессистемное хозяйничанье безконтрольного правительства. Оно как будто задалось целью показать, что вся страна прогнила до мозга костей... И что же мы видим?.. Дороговизну, падение рубля, хаос и пр... Сильнейший и страшнейший наш враг не германская армия, а злейший враг—наше правительство. Реакция окрепла. Она не хочет и думать об организации сил, не разрешает съездов, преследует печать, закрывает кооперативы и пр. Словом, реакция сделала все, чтобы Россия обрушилась в эту бездну. Единственное спасение страны не в технической обороне, не в участии в комитетах и комиссиях по обороне, а радикальное изменение всей нашей жизни в интересах демократии. На очереди борьба во имя гибели отжившего строя и торжества демократии. Правительство это чувствует и преподносит страшные скорпионы... И с ним необходима борьба. Если встать на эту точку зрения, тогда необходима мобилизация всех живых сил страны для демократизации общественного строя. С нашими противниками мы расходимся в оценке действующих сил: они надеются лишь на свои силы в революции,—мы стремимся к сплочению всех тех слоев русского общества, которые могут стремиться к демократизации общественного строя и хотят бороться. Мы разъединены на отдельные течения, но будем бить вместе. Политическая борьба—это не призыв к стачке, не собрание перед заводом, не громкая резолюция или выкрик, а длительная подготовка к борьбе. Мы должны в процессе этой подготовки взвесить и оценить свое отношение к фронту и фронта к нам. Вопрос фронта—весьма важный вопрос. Миллионы демократии находятся на фронте... и о них нельзя забывать. Каковы условия силы революционного движения? Объединение всех революционных элементов, такое-же объединение, какое мы видели в Совете рабочих депутатов. Когда мы,

одни,—мы бессильны. Наша сила в совместных действиях. Мы—авангард революционной армии. Ведь революции нельзя предугадать. Она—взрыв, стихийный взрыв, и необходимо, чтобы этот взрыв произошел тогда, когда авангард не зашел слишком далеко от главной армии... И вот исходя из этих основных предпосылок, мы подходим к вопросу о военно-промышленных комитетах... Наши противники говорят, что мы продаем интересы революции, и говорят это они главным образом за нашу оценку буржуазии. Наша буржуазия не похожа на революционную буржуазию Западной Европы 1848 г. Буржуазия наша значительно подлее, чем западно-европейская. Чем дальше на восток, тем подлее она. Ее тактика исповинчата. Она готова бороться со старым режимом и вместе с тем приспособляться к нему. Она не может примириться с господством помещиков и сама стремится к власти, но стремится трусливо и рабски. Мы будем критиковать ее и толкать на решительную борьбу с отживающим режимом. В окончательной борьбе мы должны надеяться лишь на свои силы; но в борьбе за политическую свободу мы должны итти в контакте с буржуазией. В военно-промышленных комитетах помимо вопросов обороны поднимаются вопросы рабочей политики, причем они оказывают влияние на законодательство, которое теперь ухудшается. Ведь в последнее время отменены правила о женском и детском труде. С другой стороны, наблюдается усиленный подвоз китайцев. При разрешении этих вопросов необходимо присутствие рабочих, которые заявят мнение организованного пролетариата. Главной нашей задачей является борьба за мир, но нам далеко не безразлично положение страны. Все мероприятия, направленные к раскрепощению страны, встретят в нас горячих сторонников. Оно может явиться лишь как результат широкого движения демократических масс с пролетариатом в авангарде. Сочувствие и поддержка буржуазии в этой борьбе обеспечена: ведь ей необходимо защищать свои собственные интересы. В последнее время мы видим оттягивание созыва Государственной Думы, закрытие демократических организаций и пр. Против этого должна бороться демократия... но в этой борьбе мы не должны забывать о специально классовой борьбе и политике. Промышленность пользуется трудом пленов и турок. Она пользовалась этим трудом и раньше. Между тем их

культурный уровень не выше культурного уровня китайцев. В мирное время их были тысячи на Волге, теперь привлечены новые волны их, и они сильно понижают заработки местных рабочих. С течением войны постепенно уменьшалось количество рабочих. Промышленники стремились к замене уходящих женщинами и детьми.... Таким образом, экономическое положение рабочего класса ухудшается. С другой стороны, рабочий класс распылен; его организации надломлены, и пока он не в силах наладить их. Возможностью организовать рабочую демократию является участие в выборах в военно-промышленный Комитет. По всем приведенным соображениям напрашивается единственный вывод, что в интересах рабочего класса участие в комитетах. Наша цель — победа над внутренним врагом, отпор германской армии и мир без аннексий и контрибуций».

Дунаев (правдист). «Военно-промышленный комитет — учреждение либеральной буржуазии — утверждают наши противники — и с ним можно итти рука об руку. Стало-быть, Гучков пойдет с нами против Столыпинских современности? Тот самый Гучков, который вместе со Столыпиным покойником венчал наших товарищей? К нам подвозят китайцев, персов, корейцев. Послушать Гвоздева и Емельянова, то получается, что ввозит их правительство, а промышленники здесь ни при чем. Но товарищи, скажите, кому нужны эти кули и персы? Правительству или кому-другому? Горемыкину и Ко.? Нет.... Кули подвозятся либеральными промышленниками, теми самыми промышленниками, в союзе с которыми вы собираетесь бороться с желтой опасностью. Теперь широко применяется женский и детский труд. Кто добился отмены мизерных прав работниц и детей? Меньшевики? Нет, они и без того пользуются их трудом от зари и до зари. Этого добились Гучковы, Коноваловы, Рябушинские. Фабриканты нажали все кнопки, и права рабочих отменены. Вот кого называете вы революционными элементами и приглашаете итти с ними рука об руку. Все попытки рабочих улучшить свое положение кончались посылкой на фронт по указаниям фабрикантов. Где наши товарищи с Лесснера, Феникса и с других заводов? Их господа либеральные фабриканты послали на фронт и по тюрьмам. Вот почетная кампания! И с помощью ее хотят создать организацию рабочего класса. Противники наши ут-

верждают, что мы надеемся только на свои силы, а ваши, дескать, господа ликвидаторы желают вести борьбу в союзе со всеми революционными силами. Хорошо. Где же вы ищете себе союзников? Вы пошли к крестьянству? Нет, вам нужно другое. Вы идете в военно-промышленный комитет и действуете на задворках буржуазной организации. (Шум, протесты). Вот где вы ищете себе союзников, в хозяйской организации, которая до войны устраивала локауты, а теперь набивает себе карманы на военных заказах (Шум, движение). Вы воспользовались случаем с Кудрявцевым и решили устроить новые выборы. К тому же вы апеллировали? К рабочим массам? Вы пошли на заводы и фабрики и вели агитацию среди рабочих? Нет, вы пошли к Гучкову и где то на задворках, тайно от рабочих, вели какие то темные переговоры. В союзе с Гучковым вы хотите сорвать волю питерского пролетариата. Вы приглашаете к участию в выборах, но я вам докажу, что самые выборы — сплошная подделка.

Предс. Гвоздев. Делаю вам замечание. Прошу не употреблять таких выражений (Оратор отмахивается рукой).

Дунаев. Зовут вас в Центральный Комитет, являющийся представительством всероссийской буржуазии, а проводят выборы не во всероссийском масштабе, а лишь в одном Питере.

Предс. Гвоздев делает замечание и грозит лишить слова.

Дунаев. Здесь на собрании нам зажимают рот. Здесь можно говорить не о том, что нужно рабочему, а чего хочет Гучков и его сподвижник Гвоздев...

Скандал. Оратор лишается председателем слова и чуть силой не сбрасывается с кафедры, который не хочет покинуть добровольно.

Делегат от Айваза. Нам отлично известно, что представляет из себя военно-промышленный комитет, и каковы его стремления. Рабочий класс 9 сентября не сдал экзамена политической зрелости, и это явление не ново. Бойкотизм проявился не только теперь, но и при возникновении Совета Рабочих Депутатов, при выборах в Думу, в комиссию и пр. Мы идем через значительные жертвы и ошибки к победе. Рабочий класс ощупью выходит на правильный путь. Теперь зараза зашла так далеко, что необходимо самыми решительными мерами бороться с ней. Теперь стоит альтер-

натива: — или оздоровление рабочего класса, или еще худший маразм. Чем дальше, тем хуже. Все порывы и стремления наши атрофировались, пока в силе была эта разъедающая нас язва. Западно-европейские рабочие поняли задачи момента и заняли определенную позицию; нам препятствуют в этом и слева, и справа. Политической резолюцией, какую мы примем, определяется наше отношение к другим классам. Мы стоим перед политическим переворотом, который должен совершиться в известном союзе с буржуазией. Мы видим двух заклятых врагов: правительство и буржуазию, которые должны столкнуться в борьбе. Все попытки рабочего класса занять определенную позицию оставались безплодными, вследствие разъедающей нас язвы. Война — совершившийся факт, и все западно-европейские рабочие определили свое отрицательное отношение к ней. Мы должны сделать то же самое. Самодержавие привело страну к гибели; лишь общественные силы могут вывести ее из тупика. И в эту минуту встрепенулись все классы, зашевелилось даже всегда пассивное мещанство. И все это крупное движение совершается под лозунгом самообороны. Рабочий класс может принять этот лозунг лишь тогда, когда коренным образом изменятся внутренние отношения России. Исходя из этой точки зрения, рабочий класс должен развивать борьбу между правительством и рабочим классом, но в этой борьбе у него самый сильный союзник в лице буржуазии. Мы живем накануне великих событий... но Россия интеллектуально не подготовлена к ним. Обыватель не имеет ясного понятия и представления о событиях; лишь один рабочий класс может правильно поставить вопрос о самообороне. В этом процессе рабочим необходимо дрожить попутчиками.

Брейдо (Лесснер). При решении вопроса, итти или не итти в военно-промышленный комитет, мы исходим из оценки момента. Согласны ли мы в оценке его с Гучковым и Коноваловым? Наши противники утверждают, что да, но в этом случае они лукаво мудрствуют. Они не думают обо всех остальных сторонах этого вопроса. Они замалчивают тот факт, что Гучков и Коновалов являются нашими классовыми врагами, с которыми мы ведем повседневную борьбу. В известные моменты политической жизни мы, однако, идем рука об руку с буржуазией. Наши противники подменивают одну

гадию нашей жизни другою и таким образом они допускают недостойные приемы борьбы.... Входя в военно-промышленные комитеты, мы должны поставить известные условия. Мы должны определенно высказать свое отношение к внутренней политике; нас угнетают, в нас заглушили все живое. Между тем, перед нами колоссальные задачи. Мы дезорганизованы и распылены, наши враги организованы; организованы также и наши временные попутчики. В настоящее время крепостники стремятся сменить буржуазные организации. Как мы должны вести себя в этот момент? Нельзя ограничиться выкриком: «мы против всего» в ту минуту, когда решаются вопросы государственного бытия. Это было-бы незрелостью и недомыслием. Если у буржуазии есть хоть проблески стремления к свободе, необходимо ее поддержать. Если буржуазный прогрессивный блок требует свободы печати и слова, неприкосновенности личности, то эти требования столь же полезны и нужны нам, как и им. Если будет дана свобода всем гражданам России, то она не может не коснуться нас. Крепостники цепляются за все, чтобы спастись... Мы должны совместно с буржуазией столкнуть черный блок и революционизировать все общество. Мы должны сделать все для раскрепощения страны... Недобросовестно со стороны наших противников говорить о том, что мы затушевываем противоречия: мы всегда высоко держим пролетарское знамя. Этого упрека поставить нам не могут. Между нами и буржуазией есть известная грань, которую не перейдут наши депутаты. Выбирайте достойных людей, которые умели бы указать правильные пути и подталкивали бы буржуазию влево.

Суворов (Вестингауз). Отличительная черта современного момента состоит в том, что в войну вовлечены все живые силы страны, и что на почве защиты проявляются стремления к объединению. Буржуазия организует промышленность; демократические группы создают лазареты, заботятся о беженцах, о семьях призванных на войну и пр... И всюду правительство оказывает известное противодействие. Политика правительства в этом направлении нисколько не изменилась по сравнению с прошлым. Она все-же пребывает на распутьи. Правительство стремится к подавлению смуты, даже если последствием этого будет поражение армии. Страна

стремится к созданию необходимых условий победы; один пролетариат не принимает в этом участия, оставаясь дезорганизованным и распыленным. Незначительная группа высказывает мнение, что для пролетариата все равно, кто эксплоатирует рабочего: капиталист немецкий или русский. Для пролетариата поражение страны в известных условиях может-де оказаться выгодным. К сожалению, эта точка зрения не встречает должного отпора. В случае победы Германии надолго будут заложены непроходимые препятствия для дальнейшего развития России. И до сих пор темп развития страны искусственно задерживался немцами. Что будет, если Германия победит? Не в интересах ее иметь рядом сильного экономически противника, и потому прямым следствием победы Германии будет экономическое засилье и политическое бесправие. Заключение позорного мира только укрепит позиции реакции, вызвав немедленно создание союза России и Германии. Такие перспективы слишком страшны и опасны для пролетариата, и потому пролетариат должен отвергать проповедь «поражен-чества». Представители рабочих в военно-промышленных комитетах должны:

1) Принять самое деятельное участие в обсуждении всех вопросов рабочей политики и организации, способствуя созданию союзов и пр.

2) Всемерно способствовать раскрепощению страны.

3) Препятствовать увеличению производительности труда за счет увеличения эксплоатации.

Вот основные задачи рабочего представительства в военно-промышленных комитетах. Пролетариат никогда не затушевывает противоречий и различий, не сделает этого и теперь. Опасность сотрудничества с буржуазией, которой нас пугают, есть лишь мираж. Мы отлично знаем, кого посылаем, и знаем, что наши представители будут неуклонно стоять на принципиальной позиции пролетариата.

Кузьмин. Шестнадцать месяцев длится война. Россия на краю гибели. В эту минуту промышленность и буржуазия организовались. В комитетах наши представители должны сказать: «в настоящее время требуется поддержка и усиление не только армии, но и рабочих». Вы требуете усиления производительности труда? Поэтому необходимо усилить и армию рабочих. Запасные и призываемые уходили сво-

войне, зная, что об их семействах позаботятся. Этого нельзя сказать о рабочих. Уходя на завод или фабрику они знают, что их жены вероятно будут стоять на морозе в очереди и может быть, ничего не получат. Получаемых заработков недостаточно. Дороговизна жизни опередила наши заработки. Никто не заботится о том, чтобы люди могли жить удовлетворительно; ничто не спасает от дороговизны. Правительственные агенты грабят деньги, расхищают народное имущество и остаются попрежнему безответственными. В такое время необходима забота об обоих армиях: сражающейся с врагом и изготовляющей оружие.

Я кончил. Рабочие всех стран уже высказали свое отношение к войне. Один только пролетариат России этого не сделал. Резолюции о войне не были даже проголосованы на прошлом собрании. Для правильной оценки войны и для выработки принципиального отношения к ней мы должны стать на точку зрения Интернационала. Интересы рабочих различных стран не противоречат друг другу, в этом смысле формулировали рабочие свое отношение к войне до возникновения этой войны. Абсолютно все предвидели, что война возникнет, не могли лишь сказать, когда она начнется. Пролетариат выработал свою тактику на случай войны. На Базельском Съезде Интернационал ответил предложение ответить всеобщей стачкой на объявление войны, выставляя мотив, что тогда пострадает пролетариат той страны, где он наиболее силен. Бебель в рейхстаге сказал: «мы будем защищать родину в случае, если на нее нападут». Как отнесся Интернационал к этому заявлению Бебеля? Не раздалось ни одного голоса протеста. Его заявление осталось без ответа... Таким образом Интернационал в целом стоял на той точке зрения, что в случае возникновения войны, нельзя бороться всеобщей забастовкой. Во время войны состоялась конференция радикальных элементов с.-д. в Циммервальде, которая высказалась за прекращение войны, за мир без аннексий и контрибуций. Как мы можем относиться к разгрому той или другой стороны? Среди немцев мы видим шовинизм и милитаризм. Но нельзя же стать на точку зрения разгрома Германии! Немецкие с.-д. заявили: «мы хотим иметь свое место наряду с другими народами». К тому же выводу приходим и мы все. Мы тоже хотим иметь свое место на-ряду с другими

народами. Мы не сочувствуем войне, которая началась без нас, помимо нашей воли. Мы оказались после ее объявления безсильными помешать ей... и все растерялись. Неправильна будет политика, которая не сумеет уничтожить будущих войн. И потому рабочие должны ликвидировать ее, подорвать в корне самую идею войны. Единственным средством в этом отношении может быть заключение мира без аннексий и без контрибуций, что покажет, насколько безплодны эти миллионные жертвы.

Воронцов. (Был ранее против участия в военно-промышленных комитетах). В случае победы, буржуазия воспользуется всеми плодами общей работы; в случае поражения всю вину так или иначе свалят на пролетариат. Входя в Центрально-военно-промышленный комитет не спасем страны Сам по себе ведь комитет неустойчив. Об этом заявил нам сегодня Гучков. В борьбе за реформы внутренней жизни мы не должны надеяться на помощь буржуазии. Комитет бессилен сделать что-нибудь. Разве не в руках военно-промышленных комитетов урегулировать дороговизну голодовки? И однако ничего в этом отношении не сделано. Нельзя отстраняться от участия в войне. Ведь, отмахиваясь от войны, мы умываем руки. Если мы отвергнем участие в ней, могут раздаться голоса, что мы сыграли в руку немцам и реакции, а потому необходимо войти туда, если буржуазия пойдет нам навстречу в борьбе.

С.-Р. В декларации ликвидаторов мы находим упоминания о рабочем съезде. Пока насущные вопросы жизни не будут разрешены на рабочем съезде, вы должны заявить, что мы против участия в самообороне. Ведь так только может быть разрешен этот сложный и большой вопрос. Мы должны противопоставить свои организации организациям буржуазии и черносотенцев, окончательным завершением чего может быть лишь этот съезд. В последнее время замечается полевение буржуазии; она поддерживает запросы в Думе, касающиеся рабочей жизни. Именно в эту минуту мы должны итти с ней рука об руку и подталкивать ее на более решительные выступления на пользу демократии. В военно-промышленные комитеты мы можем пока итти лишь как представители петербургских рабочих и идем туда не для выделки снарядов, а для организации народных сил.

Кузьмин (Трубочный). Высказано уже все, что хотелось высказать. Сказано уже и то, что мы идем в Комитеты не для изготовления снарядов, а для организации страны. Кажется, уже все права отняты у народа, и реакция уже должна бы начать побеждать немцев при этих условиях, а между тем нас бьют... Заводы работают полным ходом, мы все делаем все, что можем, и однако нас бьют. Оттого, что мы войдем в Комитеты, не увеличивается количественно производство снарядов. Туда мы идем за чем то другим. Мы идем, чтобы сорвать спячку, чтобы страна перестала молчать, чтобы организовать ее. Нам говорят: вы возлагаете надежды на Гучкова и К°—это неверно. Если бы мы возлагали надежды на них, мы бы проиграли. Мы надеемся только на свои силы и стараемся вывести их из состояния распыленности. В этом смысле уже многое удалось сделать в течение выборной кампании. Например, на Трубочном заводе, где работает 15.000 человек, отношения заметно изменились к лучшему. Выборные должны докладывать рабочей массе обо всех вообще делах. Должны требовать собраний и докладов, должны возродить рабочую печать и работать для создания организаций.

Игельзон (Беспартийный). Черный блок теперь сила. Он, как грозовая туча, навис над землей. И действия его ужасны. Правительственные агенты продают Россию по частям немцам. Я могу доказать, что они продали Ригу... И все это делается для заключения позорного мира. Противодействовать покушению правительства может лишь прогрессивный блок всех радикальных и революционных элементов.

Прения об общей резолюции окончены.

Гвоздев берет себе слово, предоставляя председательствование Шилину.

Гвоздев. Прежде чем приступить к выработке резолюции, мне хотелось бы сказать несколько слов... Необходимо формулировать то, что есть в стране, что мы переживаем. У рабочих нет организаций, нет печати, нет возможности даже работать в других организациях. Мы делаем попытки выбраться из подполья, куда нас загнали насильно, и которое душит нас всех. Мы, представители рабочих, решили выбрать своих представителей, которые были бы центром, объединяющим нас, и решили заставить буржуазию высказаться по всем наиболее важным вопросам. Самым важ-

ным центральным вопросом жизни является вопрос о замене власти помещиков властью буржуазии. Слабость России в отсутствии организованности. Давно уже вся организаторская роль в руках буржуазии, но не у нее политическая власть. Совершенно чуждые промышленной жизни страны элементы (крепостники-помещики) не могут упорядочить жизни России. Промышленники и с ними мы все отлично понимаем, чем объясняется их слабость. Ведь эти элементы по своему положению не могут быть организующей силой и не могут использовать всех громадных возможностей. Старые и мощные прежде классы теперь постепенно теряют свою силу. Экономически теперь сильнее всего буржуазия; она должна получать соответственную силу политическую... Сильна ее база, должна быть сильна и надстройка. Теперь этот вопрос поставлен весьма остро. Уже созрели все предпосылки для перемены существующего политического строя, что диктуется и непреложной логикой всей жизни. Во время настоящей войны побеждает лучше технически организованная страна, и потому Германия расправляется с нами. Мы можем избавиться от этого, когда власть будет захвачена буржуазией и демократией. Другого выхода быть не может. Германия воюет за экономическое господство и после своей победы постарается возместить понесенные ею потери. Резкая конкуренция государств Европы вылилась в европейскую войну. Поражение России весьма остро отзовется в первую очередь на положении рабочих. Там, где буржуазия у власти, она выставляет требование свободы для развития промышленности; и в этом смысле она является прогрессивной силой. Для развития страны необходим режим, при котором шире всего проявляется самодеятельность народа. Мы живем в эпоху смены отжившего строя новым. При малейшей поблажке со стороны правительства, ему будет нанесен первый удар. Старый режим старается удержать всю власть в своих руках, и нам необходимо помочь реакции в торжестве над буржуазией. Мы должны сказать теперь, на чьей мы стороне: на стороне-ли буржуазии, или отживающего режима, готовы ли мы поддержать ее положительные, прогрессивные требования, или мы отказываемся от этого? Ответ ясен: старой власти придется считаться не только с буржуазией, но и с рабочими,

как с союзом врагов. Старой власти кажется, что она уже расправилась с рабочими, и что теперь время нанести удар буржуазии. Выбором в военно-промышленные комитеты рабочие покажут, на чью сторону они положат гирю своей силы. Если буржуазия одна, тогда она действует, исходя лишь из своих эгоистических стремлений, и тогда победу она использовала бы для своих классовых целей. Необходимо, чтобы в решительную минуту рабочие были налицо и использовали бы всю эту борьбу в интересах рабочего класса, демократии и дальнейшей революции.

Прения по общей резолюции закончены.

Дунаев. Нам зажимают глотку, и мы, оставшиеся в зале большевики, протестуем и покидаем собрание.

Несколько человек еще выходят из залы.

Оглашается резолюция: «Мы, представители петроградских рабочих, считаем своим долгом заявить перед рабочим классом и перед всем народом, как смотрим на современное положение.

1) Рабочие России всегда боролись со всякими попытками правительства командующих классов втянуть страну в войну. Они всегда признавали и признают, что интересы трудящихся масс одни и те же во всех капиталистических странах, и что не братоубийственная бойня народов приблизит день освобождения международного пролетариата от народного рабства.

2) Рабочие с самого начала войны считали ее вредной для дела раскрепощения страны и для освободительной борьбы рабочего класса, отрицая за ней всякое право на название войны освободительной. В глазах рабочего класса эта война — война командующего класса капиталистического общества за захват новых рынков, за порабощение небольших и отсталых народов, за мировое господство.

3) С самого начала войны сознательные рабочие видели исход из создавшегося положения в международной борьбе пролетариата за скорейшее окончание войны, за мир без аннексий, заключаемый не безответственными дипломатами, а самими народами, на основе признания за всяким народом права на свободное самоопределение и на основе международного соглашения о разоружении. Оставаясь на своей международной позиции, сознательные рабочие России не могут

быть безразличны к нынешнему положению страны. Кровно, более, чем имущие классы, рабочий класс заинтересован в спасении страны от разгрома и гибели.

4) Русское безответственное правительство, приняв участие в этой войне, в то же время вело и продолжает вести беспощадную войну с собственным народом, чем и привело страну на край разгрома. Мы заявляем, что виновником всех бедствий является безответственное правительство; но мы считаем также необходимым заявить, что доля ответственности падает также и на Государственную Думу, и на политические партии, составляющие ее большинство, которые в течение целого года поддерживали режим военной диктатуры и скрывали от народа правду, а когда замолчать об было невозможно, не нашли у себя мужества искать в народе опоры для решительной борьбы с режимом, ведущим страну к гибели. Поэтому мы считаем очередной задачей рабочего класса, всей демократии и всех искренних сторонников спасения страны—борьбу за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права, за немедленное осуществление всех гражданских свобод: слова, собраний, печати, союзов и коалиций, за отмену всех национальных ограничений, признания за населяющими Россию народами права на национальное самоопределение, за немедленное переизбрание всех городских и земских учреждений на основе четырехчленной формулы, за широкое социальное законодательство, за 8-ми-часовой рабочий день, за землю крестьянам и за немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам.

5) Ведя решительную борьбу за указанные требования, рабочий класс, как всегда, будет поддерживать всякий действительный шаг буржуазных кругов по пути раскрепощения страны, энергично критикуя в то же время всякую проявленную нерешительность, половинчатость и соглашательство либеральных позиций и толкая ее на более решительную борьбу с режимом».

Резолюция принимается единогласно при 6-ти воздержавшихся.

Ставится вопрос—«избирать или не избирать представителей в Центральный и Областной Военно-Промышленные Комитеты».

За избрание—95 человек при 8-ми воздержавшихся.

Объявляется получасовой перерыв, во время которого намечаются кандидаты по политическим группам.

На частном совещании ликвидаторов решено ни в коем случае не прибегать к выбору представителей по районам, а единственно по их уменью отстаивать рабочие интересы и судя по их интеллектуальному развитию.

Баллотировка шарами: в выборах принимают участие 95 человек.

Выбраны в Центральный Военно-Промышленный Комитет:

(Ликвидаторы):			Избират.	Неизбират
1) Абросимов	зав.	„Промет"	72	21
2) Емельянов	„	Трубочный	69	24
3) Брейдо	„	Лесснер	87	8
4) Кузьмин	„	Трубочный	60	33
5) Комаров	„	Обуховский	64	29
6) Гудков	„	Лебедева	83	12
7) Аносовский	„	Пороховой	56	34
8) Яковлев	„	Путиловский	67	26
9) Яковлев	„	Трубочный	73	21
10) Гвоздев	„	Эриксон	90	5

В Областной Военно Промышленный Комитет:

1) Ершов (нар.)	зав.	Балтийск.	65	25
2) Остапенко (нар.)	„	Пороховой	53	36
3) Качалов (нар.)	„	Путиловский	59	30
4) Васильев	„	Айваз.	36	36
5) Шилин	„	Металлич.	55	35
6) Полеволин (нар.)	„	Нобель		

Оглашается наказ: «Избирая вас своими представителями в Ц. В.-Пр. К., мы поручаем вам следующее:

1) Довести до сведения Ц.К., как смотрят рабочие Петербурга на современное положение страны и на условия ее спасения.

2) Заявить Комитету, что рабочие Петербурга не берут на себя никакой ответственности за работу Комитета как в виду его состава, так и в виду невозможности при настоящих

политических условиях рабочему классу брать на себя ответственность за оборону страны.

3) Заявить решительный протест против порядка избрания представителей от рабочих, скопированного с уродливого избирательного закона 3-го июня.

4) Довести до сведения Комитета, что для правильной организации всероссийского представительства рабочего класса и для действительного выяснения его отношения к стоящим перед страной огромным задачам, требующим для их разрешения активного участия всего рабочего класса, необходим созыв всероссийского съезда, который и решит окончательно также вопрос об участии представителей рабочих в работе Ц. В.-Пр. К.

Вместе с тем обязываем вас руководствоваться в своих дальнейших шагах следующим:

1) Выбранные нами временные представители должны организоваться в самостоятельную рабочую группу; все выступления должны носить согласованный характер, сообразоваться с общей политической резолюцией и наказом, принятыми на настоящем собрании, и быть основанными на подчинении меньшинства большинству.

2) Вы должны добиваться сохранения коллегии выборщиков, как постоянного учреждения, контролирующего и направляющего вашу деятельность и поддерживающего тесную связь и общение с рабочей массой путем устройства собраний и организации постоянных заводских комиссий.

3) Вы должны приложить все усилия к немедленному возрождению профессиональных и культурно-просветительных организаций и рабочей печати.

4) Вы должны приложить все усилия к созыву всероссийского рабочего съезда, не ограничиваясь постановкой вопроса о нем в Ц. В.-Пр. К.

5) Считая вас до окончательного разрешения вопроса об участии представителей рабочих от Ц.В. - Пр.К. на всероссийском рабочем съезде представителями временными, предлагаем по выяснении отношения Ц.В. - Пр.К. к вопросам, которые мы поручили вам, созвать собрание выборщиков, которое и решит о ваших дальнейших действиях».

Открываются прения по докладу.

Васильев. Не дожидаясь общероссийского съезда, нам необходимо пойти в комитеты и обратить внимание на организующую роль их. Это лишь дает возможность выбраться из тупика, в котором находится Россия. В грозную минуту мы придем к буржуазии, когда против нее сгущается грозовая туча. И в эту минуту нельзя требовать от буржуазии созыва съезда, так как это не от нее зависит.

Горев. Мы говорим депутатам: «Идите с наказом и делайте то, что в нем сказано». Как же они должны поступить, когда там им скажут: «Делайте снаряды и не занимайтесь политикой»?

Пиленц. Созыв съезда весьма желателен, но к съезду нельзя сразу подойти. Требуется очень длинная подготовка. К участию в съезде необходимо привлечь и крестьянство, которое так же распылено, как и пролетариат, и так же страдает от войны и общей неурядицы. Что касается вопроса, итти ли нам в комитеты, или не итти, то этот вопрос уже решен в положительном смысле. Наши представители пойдут туда и узнают, что там сделано и что еще можно сделать, а, главным образом, привнесут элементы организованности. Правительство не оправдало возлагаемых на него надежд, теперь очередь за буржуазией. Лучшие ее представители указывали буржуазии правильный путь. Это были Бакунин, Герцен, Чернышевский и др., но буржуазия не слушала их... Теперь сама жизнь должна указать ей новые пути.

Гвоздев. Наказа и резолюции нельзя понимать буква в букву: это не расписание поездов, не ресторанное меню, это рамки и вехи общей деятельности. Толковать наказ слишком узко нельзя, т. к. нельзя предусмотреть всех вопросов, какие могут возникнуть в процессе борьбы и работы комитета. В наказе указана лишь общая схема работ. Вся наша работа должна вестись в духе наказа и в духе общих наших программных требований. Здесь ставили вопрос, что делать, если нам скажут, что В.-Пр. К.— для выделки снарядов, а не для организации и усиления всего тыла. Мы найдем достойный ответ. Мы скажем, что для нас усиление армии — в общем укреплении страны, в свободной ее самодеятельности. И в этом духе мы поведем работы. Все вопросы, которые здесь ставит,—плод недоразумений: ведь нельзя предусмотреть всех возможных вопросов жизни, для этого она слишком разнооб-

разна. Одно можно сказать точно: работа будет вестись в духе той партии, которая является самым верным выразителем мнений рабочего класса. Высказывали мнение, что в работах Комитета не следует принимать участия до тех пор, пока не будет созван рабочий съезд. Это все равно, что растоптать только что созданную организацию. Нельзя выставлять ультимативных требований съезда, так как тогда рушится вся работа. Правительство определенно враждебно относится ко всякой попытке проявить хоть какую-нибудь самодеятельность, и оно будет лишь радоваться такой непримиримой позиции. Ультимативные требования и программы в настоящее время неприемлемы. Не письменными требованиями и ультиматумами решаются вопросы, а реальной силой. Когда мы будем сильны, тогда не нужны будут эти ультиматумы. В нашей деятельности нам необходимо, по возможности, больше простора, и потому мы не должны ограничиваться вопросом созыва съезда. При существующем строе и при существующем соотношении сил можно наперед сказать, что съезд не будет разрешен. Он может явиться лишь результатом общественного подъема. Это будет самый важный и серьезный шаг в настоящую минуту. Такой же важной является вся длительная подготовка к нему. Съезд может явиться в будущем лишь завершением нашей деятельности. На одном мы должны настаивать: наши представители должны созывать периодические собрания, на которых будут докладывать о своей деятельности. Такие же собрания должны быть созваны в случае ареста.

Гвоздев вносит резолюцию о событиях последних дней:

Резолюция о событиях последних дней.

Мы решительно протестуем против отсрочки созыва Государственной Думы. В той форме, в какую облечена эта отсрочка, мы усматриваем не только стремление поднявшей голову реакции обойтись в критическое для страны время без Государственной Думы, но и прямое нападение на ее права с целью постепенного возвращения к до-октябрьскому режиму.

Отдавая себе вполне отчет в неспособности Думы, при настоящем ее составе и бесправии, вывести страну из тупика,

мы решительно требуем немедленного ее созыва, как единственной сейчас общенародной трибуны и возможного организующего центра.

Мы протестуем в то же время против усиленной борьбы с рабочей самодеятельностью и рабочей печатью, против закрытия кооперативных комитетов, против недопущения съездов умеренных городского и земского союзов и военно-промышленных комитетов.

В этих фактах мы видим не только результаты сплочения всех реакционных сил в черный блок, но также последствия политики либеральной буржуазии, упорно поворачивающейся спиной к народу даже в такой момент, когда для спасения страны настоятельно необходимо вырвать власть из рук ее нынешних носителей».

Резолюция о рабочей политике.

«Мы констатируем, что правительство, ставившее всегда во главу угла своей политики борьбу с рабочим классом, пользуется военным временем для того, чтобы лишить рабочих завоеваний, явившихся результатом борьбы в течение десятков лет. Эту политику и теперь, как и в мирное время, вопреки лицемерным фразам о единстве, поддерживают и вдохновляют организации промышленников. Мы протестуем, в частности, против отмены в порядке 87 ст. законов об охране женского и детского труда и против проектов милитаризации заводов».

Резолюции и наказ собранием принимаются.

Собрание закрыто в 10 часов вечера.

Организованные промышленники всячески поддерживали Гвоздева и К° и даже защищали их от нападок со стороны полиции, хотя весь материал о выборах был передан в охранное отделение. Буржуазии было важно и желательно расколоть рабочих, чтобы лишить их силы сопротивления усиливавшейся эксплоатации, а также приспособить всех, шедших за оборонцами, в качестве проводников буржуазной политики в рабочую массу. Петербургский Комитет прекрасно учел это и поэтому резко отмежевался от вторичных выборов в В.-П.К. Эта позиция была выражена в прокламации П. К. от 1-го декабря 1915 года следующим образом:

Российская социал демократическая рабочая партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ко всему петербургскому пролетариату.

Товарищи! Предательство совершилось! 29-го сентября, под руководством Гучкова, господином Гвоздевым с компанией была разыграна комедия выборов представителей петербургского пролетариата в Центральный и Петербургский Военно-Промышленные Комитеты.

Кучка изменников и ренегатов, за спиной рабочего класса, вступила в темную сделку с буржуазией и продала классовую непримиримость и международную солидарность пролетариата за честь заседать на мягких креслах в Военно-Промышленных Комитетах, под председательством Гучкова, соратника Столыпина, защитника военно-полевых судов над революционерами в 1906 году.

Буржуазная печать, замолчавшая результаты собрания 27-го сентября, приветствует торжествующими воплями совершившееся предательство. Она видит в нем победу оппортунизма и старается оповестить весь мир о том, что бодрый российский пролетариат встал на защиту отечества и желает спасать романовскую монархию вместе с черносотенцами и либералами. Прибавляя к бесконечному ряду подлогов, совершенных, еще новый, российская либеральная пресса старается выдать самозванцев и авантюристов за действительных выразителей воли рабочего класса. В ответ на это пролетариат должен решительно заявить:

Руки прочь! Красные знамена революционного социализма по-прежнему широко развернуты и не дрогнули в мощных руках российского пролетариата. Как и в войну 1904 г. он чужд шовинизма и выкрикам национализма, противопоставляет свой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Отметая в сторону ренегатов, стремящихся использовать рабочее движение в интересах хищнического империализма (захватной войны), рабочий класс неуклонно стремится к превращению данной войны в войну гражданскую и к дальнейшему обострению классовых противоречий, помня, что вра-

каждого народа — в его собственной стране: его правительство, его буржуазия.

Товарищи!

Чтобы облегчить себе путь к победе над царским правительством, крепостниками-помещиками и поддерживающей их предательской буржуазией, пролетариат должен обеспечить себя от изменнических ударов в спину. Он должен положить предел проискам ренегатов и предателей, самым решительным образом отмежеваться от всех, предающих его интересы, и повести с ними беспощадную борьбу всеми доступными ему средствами.

Долой изменников! Долой предателей!

Да здравствует революционный пролетариат и его международная солидарность!

Да здравствует гражданская война!

Петербургский Комитет Р. С. Д. Р. П.

4 декабря 1915 года.

Работу гвоздевцев взяла под свое покровительство «Петербургская Инициативная Группа» меньшевиков, выпустившая в защиту гвоздевцев особое воззвание, в котором изливалось негодование на большевиков за пользование «нелегальным печатным станком» в борьбе с ними. Это же воззвание не остановилось перед ложью и заявило, что их друзья пошли туда вовсе «не для обороны».

Антиреволюционная и противопролетарская физиономия Рабочей Группы при Центр. Военно-Промышл. Комитете скоро выявилась на практике. Свое положение «представителей рабочих» в В.-П. К. оборонцы старались использовать для борьбы с развивавшимся стачечным движением. Они вырабатывали проекты примирительных камер, всюду совались со своим посредничеством и стремились всячески уменьшить количество открытых конфликтов. Через своих сторонников давали советы, чтобы рабочие обращались к ним с петициями, организовали анкеты и т. д. Во время конфликтов выказывали необыкновенную суетливость, но их дипломатические старания успеха не имели. Дипломаты рабочие были так же бессильны, как и всякие другие. Классовая борьба развивалась

по своим законам, конфликты шли своим чередом и разрешались по линии силы.

XXI.

Сведения о стачечном движении, писать о котором в легальных газетах не разрешала военная цензура, я получал со всех концов России. Конечно, все эти сообщения делались чрезвычайно суммарно, но уже можно было составить некоторую общую картину о неуклонном росте движения, начиная с весны 1915 года. Впереди в этом году, как и раньше, шел Петербургский район, за ним Московский и Иваново-Вознесенский. Движение от экономических требований стало переходить к политической борьбе, и в июле—августе вылилось в ряд политических стачек. Центром политической активности был Питер. Петербургский Комитет нашей партии служил фактически руководящим органом и для провинции.

Правительство Николая II было очень обеспокоено ростом революционного движения и вырабатывало меры борьбы. Аресты, высылки и ссылки непокорных на фронт, в штрафные батальоны, практиковались во-всю. Но наряду с этим оно стремилось «воздействовать» и на фабрикантов. Так, осенью 1915 г. было устроено тайное совещание представителей заводов с охранкой. Об этом я получил тогда же следующее сообщение, почти стенографического характера:

В конце октября в Питере имело место совещание при штабе XX армии и под председательством генерала кн. Туманова.

Председатель князь Туманов. Господа! я собрал вас затем, чтобы узнать у вас, что вы делаете для ваших рабочих в смысле улучшения их положения. В настоящее время ведется преступная пропаганда среди рабочих, и замечается среди них известное брожение. Необходимо в известной мере этому противодействовать... Разумеется, самым действительным средством является уничтожение возможного недовольства на почве недостатка продуктов. Теперь ведь действительно трудно получить продукты в лавках, и дорого все стоит. Чтобы в корне подорвать это недовольство, необходимо облегчить рабочим получение необходимых продуктов созданием ряда потребительских лавок. С другой стороны, желательно создание столовых для рабочих, дающих им возмож-

ность за дешевую плату получать доброкачественные обеды. Ввиду этого, будьте любезны сообщить, что у вас делается на заводах...

Представитель Невского Судостроительного завода. На заводе работает около 5.000 человек, существует столовая и потребительская лавка. В первой принимает участие около 1.000 чел., во второй—4.500 человек.

Торнтон. Работает 3.000 человек, при чем имеются лавка и столовая, которыми пользуется около 2.000 человек. Средний заработок чернорабочих— женщины 90 коп., мужчины—1 руб. 30 коп.

Лесснер. Работает 9 200 человек. В настоящее время организуется потребительская лавка для рабочих Лесснера, Айвааз, Нобеля, Феникса и др., в общем около 22.000 человек. Безусловно, вся власть будет у нас, в руках правлений, так как, согласно уставу, каждый получает столько голосов, сколько паев им внесено. Паи по 10 рублей. Брать товар могут все, оплатившие вступительный взнос. Что же касается участия в правлении и в комиссиях, то в этом отношении, ваше сиятельство, можете быть совершенно спокойны. В правление могут быть избраны лишь оплатившие полный пай, а рабочим это довольно трудно. Общество заводчиков и фабрикантов создает в настоящее время большую организацию, объединяющую всех заводчиков, желающих войти в нее. Организация имеет целью создать ряд кооперативов в противовес рабочим кооперативам. Оборотный капитал составился путем 5-ти, 6-ти рублевых взносов с каждого рабочего, занятого в предприятии. Кроме того вносится по 10 к. с каждого рабочего на оплату трудов администрации кооператива. Деньги эти являются лишь ссудой и по миновании надобности будут возвращены заводам, внесшим их. Пользуясь этими средствами, можно будет создавать потребительские лавки более устойчивые, чем чисто рабочие организации.

Князь Туманов. Что у вас спокойно—на заводе? Почистились ли после забастовки?

Лесснер. Так точно, ваше сиятельство! Арестовано семь человек, и можно сказать, рабочие даже довольны. «Можно работать спокойно»,—повторяют рабочие. Между ними арестован один злостный агитатор. Вообразите, никак нельзя было его найти! Работал на заводе под чужой фамилией, имел при

собою две шашки, устраивал комедии с переодеванием и долго оставался неуловимым. Прописан был под чужой фамилией. У него же арестован бывший член Гос. Думы Озоль [1]).

Князь Туманов. У Озоля найдено 1.300 рублей немецкими и американскими деньгами. Повидимому, он только что приехал из-за границы.

Атлас. Работает 750 человек. Организаций нет никаких.

Металлический. Работает 7.000 человек. Существует столовая для 350 человек; все спокойно.

Барановский. Работает 2.300 человек. Ничего нет.

Воронин, Лютш и Чешер. В фирме объединено семь фабрик с 5.500 рабочими. Средний заработок чернорабочего 1 руб. 90 коп.

Сименс-Шуккерт. Завод военных и морских приборов. Работает 800 человек; существует обусловленная столовая, но ею рабочие пока не пользуются. В настоящее время сами рабочие организуют столовую при содействии администрации; кроме того, организуется потребительская лавка.

Парвиайнен. Работает 5.500 человек. Лавок и столовых нет. Средний заработок чернорабочего 1 руб. 60 коп.

Князь Туманов. Как у вас после забастовки? Почистились от неблагонадежных элементов?

Парвиайнен. Так точно. Рассчитано 160 человек, и 30 человек самых злостных арестовано. Теперь спокойно, и все работают.

Князь Туманов. Есть военнообязанные среди рассчитанных?

Парвиайнен. Да. О них мы немедленно сообщили воинскому начальнику, так что они, вероятно, уже забраны.

Князь Туманов. А как вы, господа, устраиваетесь с рассчитанными рабочими, чтобы они не попали к кому-нибудь другому на завод? Существуют ли известные гарантии, что они останутся за бортом?

Воронин, Лютш и Чешер. У нас существуют черные списки при союзе заводчиков и фабрикантов. Сведения о всех рабочих, а, главным образом, обо всех рассчитанных за неблагонадежность, должны немедленно сообщаться союзу заводчиков и фабрикантов, который в свою очередь опове-

[1]) Сообщение ошибочно. Арестованный однофамилец Озоля освобожден

здесь все фабрики и заводы, входящие в состав союза, о том, что поименованных рабочих принимать на завод нельзя. Рассчитанный рабочий может поступить на любой завод или фабрику, но в течение 3-х дней заводоуправление обязано его рассчитать без объяснения причины. Таким образом, мы избавляемся просто и удобно от нежелательных элементов.

Вагоностроительный. Работает 2.500 человек. Существует столовая для 500 человек.

Князь Туманов. Как у вас после забастовки? Много рассчитано и арестовано?

Вагоностроительный. Никто не рассчитан.

Князь Туманов. Как же так? Была у вас забастовка, могли очиститься от неблагонадежных элементов, а вы не воспользовались случаем. Неужели вам ждать второй забастовки?

Вагоностроительный. Виноват, ваше сиятельство! У нас рабочие до того сплочены, что мы боялись кого-нибудь рассчитать, опасаясь серьезных осложнений. Рабочие прямо заявили: «В случае, если кто-нибудь пострадает за забастовку, мы не выйдем на работу». И мы знали, что они сдержат свое обещание. Мы подали в охранное отделение список 14 человек, наиболее опасных, с просьбой арестовать их потихоньку, но охранное до сих пор еще ничего не сделало.

Князь Туманов (секретарю-жандарму). Заметить и арестовать.

Сименс-Шуккерт (завод динамо-машин). Работает 1.800 человек, существует потребительская лавка и столовая.

Скороход. Работает 3.000 человек, существует лавка. У нас тоже, ваше сиятельство, подан в охранное отделение список лиц, которых арест нам весьма желателен, и до сих пор никто не арестован.

Князь Туманов (секретарю-жандарму). Заметить и арестовать! Скажите им там, чтобы немедленно арестовывали, когда их просят.

Путиловский. Работает 24.000 чел. Существуют лавка и столовая для 2.800 человек. Управление делами в потребительской лавке сосредоточено целиком в наших руках, так как мы входим туда в качестве членов и нас выбирают в правление.

Князь Туманов. Что у вас было вчера?

Путиловский. Позвольте, ваше сиятельство, доложить об этом совершенно конфиденциально... (Впоследствии выяснено, что в этот день неизвестные лица, не из среды рабочих сорганизовали митинг на заводе, стараясь спровоцировать выступление рабочих.)

Князь Туманов. А что еще делаете для рабочих? Вносит ли что-нибудь правление в потребительское общество?

Путиловский. Ничего.

Князь Туманов. Как ничего? У вас такие колоссальные доходы, — надо бы что-нибудь уделять из них рабочим.

Путиловский. Что вы, ваше сиятельство! Мы кругом в долгах, еле сводим концы с концами.

Кабельный. Работает 1.300 человек. Ничего нет.

Механический и Котельный. Работает 850 человек. Существует потребительская лавка с нормальным уставом.

Один из представителей заявляет. Ваше сиятельство изволило предложить организовать столовые для рабочих. Безусловно, это важно и полезно для борьбы с преступной организацией, но и представляет известную опасность. Ведь рабочие могут воспользоваться столовой для негласных митингов и собраний. Кроме того, за обедами возможны всякие нежелательные разговоры и все прочее. Необходимо серьезно подумать, как избавиться от этой опасности. Ставить туда мастеров в качестве надсмотрщиков крайне неудобно.

Князь Туманов. Нельзя ли как-нибудь сократить обеденный перерыв, чтобы рабочие едва-едва успевали пообедать? Тогда исключается опасность разговоров.

Фабриканты. Никак нельзя. Многие семейные рабочие уходят обедать домой, и тогда они не успеют. Вообще рабочие на это не пойдут.

Один из жандармов. Тогда поставить им граммофоны. Пускай кричат погромче, чтобы ничего нельзя было расслышать. Лишняя сотня — другая рублей, и все будет хорошо.

Князь Туманов. Верно! А к тому же еще присоединить туманные картины патриотического содержания. Все будет отлично и спокойно. Господа! я вам весьма благодарен за сообщенные вами сведения, и извиняюсь, что оторвал вас от

вашей обычной работы на заводах; но в силу весьма важных соображений—это необходимо. Вы получаете громадные доходы, и в целях обеспечения таковых вам необходимо кое-что давать рабочим. В заключение могу сказать, что я всегда к вашим услугам. Во всех ваших нуждах обращайтесь ко мне, и я сделаю все, что в моих силах. Пока до свидания.

XXII.

В декабре питерские товарищи начали готовиться к выступлению в традиционный день 9 января. Петербургский Комитет предложил на обсуждение по районам план однодневной забастовки с демонстрациями, под лозунгами: «Учредительное Собрание, 8-мичасовой рабочий день, демократическая республика». Отношение к войне выявить демонстрациями под лозунгами — «долой войну», «да здравствует революция".

Районы приняли предложенный П. К. план и начали готовиться. Демонстрации решено было устраивать утром, по окончании заводских митингов, при выходе рабочих с фабрик и заводов. По примеру июльских дней 1914 года, рабочие должны были соединиться с соседними заводами и фабриками и общей массой стремиться к центру города. Петербургский Комитет выпустил специальный листок - «К солдатам» и о «9 января». Эти листки мною, как и прочие материалы, были отправлены за границу для нашего Ц. К. и у меня под рукой не имеются.

В вопросе о выступлении в день 9 января нашим рабочим на заводах пришлось выдержать борьбу с меньшевиками и гвоздевцами. Все они были против забастовки и демонстрации. Мотивировали свое отношение различно: шовинисты вроде Гвоздева-Брейдо были против потому, что это «вредило делу обороны» и расходилось с видами буржуазии из Центрального Военно-Промышленного Комитета; другие, более сметливые, с таинственным видом предупреждали рабочих против выступления в день 9 января 1916 года, так как «предвидели» впереди более важную борьбу, к которой и призывали «беречь энергию». Конечно, обе эти позиции встретили самый радушный прием и поддержку у заводской администрации и полиции. Социалисты-революционеры (левые)

выпустили прокламацию «о 9 января», изданную на мимеографе, в которой призывали к стачке. С.-р. патриоты шли с меньшевиками-оборонцами.

Забастовка и демонстрация прошли с подъемом и организованно. Выборгский район шел во главе, имея свыше 40.000 забастовщиков; за ним Московский, Нарвский и др. За Невской заставой рабочие ждали, что придут их «снять». Бастовало много мелких предприятий и типографий. По сведениям из предпринимательских источников, всего бастовало до 100.000 рабочих. Демонстрации происходили только на окраинах, в город полиция не допускала. Было арестовано много демонстрантов. Администрация некоторых предприятий применила ряд репрессий по отношению к отдельным группам рабочих.

Во время демонстрации рабочие встречались с солдатами; при этом происходил дружественный обмен приветствиями. При виде красных знамен (напр., по Выборгскому шоссе, во время шествия рабочих) солдаты снимали шапки и кричали: ура.

Всколыхнувшаяся стачкой и демонстрациями 9 января масса долго не успокаивалась. На другой день, вечером, по Большому Самсоньевскому проспекту в течение нескольких часов шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат. Пели революционные песни, произносили речи и дружно кричали «долой войну». Полиция все время держалась в сторонке. Присутствие в тысячной толпе добрей трети солдат сдерживало и действовало на полицию успокоительно: она не только не пыталась разгонять, но даже не угрожала словами.

В январе, 19-го, в Питере началась стачка ремонтных рабочих городских трамвайных парков. Движение было хорошо подготовлено, обняло сразу все четыре парка: 1) Московский с 700 рабочих; 2) Васильеостровский с 500 раб.; 3) Петербургский с 400 раб.; 4) Рождественский 300—400 раб., а всего около 2.000 рабочих. Во главе стачки стояли члены Петербургской организации нашей Партии. Требования были разбиты на следующие пункты: 1) увеличение жалования получающим 50 рублей на 50%; получающим 60 руб.— на 40% и получающим 70 руб. и свыше—на 30%; 2) увеличить прибавку на дороговизну; 3) полная отмена штра-

фов; 4) бесплатный проезд по городским железным дорогам два раза в день; 5) выдача наградных к Пасхе и к Рождеству в размере месячного оклада; 6) при увольнении уплата в размере месячного оклада за каждый прослуженный год; 7) уравнять поденных в правах с месячными; 8) уплата за неиспользование отпуска; 9) уплата за сверхурочные работы, как месячным, так и поденным, в размере 1,5 дневного заработка; 10) квартира натурой или выдача квартирных денег; 11) выдача расчетных книжек; 12) уплата на дороговизну два раза в месяц; 13) установить институт старост от рабочих; 14) чтобы никто из выборных за подачу петиции не пострадал.

Несмотря на запрещение газетам писать о забастовке, в городе скоро стало известно все. За стачкою следили с нескрываемым чувством симпатии. За всю дезорганизацию движения винили хозяев города, которые не шли на уступки и старались платить ремонтным рабочим 1 р. 50 к. в день, на что существовать в Питере было невозможно. 23-го января к стачке примкнули рабочие Центральной электрической городской станции, числом свыше 150 человек, а за нею остановились и все подстанции, имеющие около 80 рабочих. В течение многих часов трамвай не ходил. Вмешалась в дело военная власть, отправила по 50 солдат в каждый парк и на станцию. Кроме того, 40 человек приговорили к высылке, а некоторых взяли к воинскому начальнику и, под конвоем солдат, как „военнообязанных“, отправили на место работы. Городская дума назначила ревизионную комиссию, для рассмотрения конфликта.

На трамвайном движении стачка отразилась громадным сокращением движения:

20-го января в движении было:

из Московского парка	102	моторн. и	90	прицепн.
„ Василеостр.	120	„	100	„
„ Петербургск.	90	„	70	„
„ Рождественск.	90	„	70	„
	409	моторн.	330	прицепн.
А всего	739	вагонов.		

25-го января в движении оставалось:

из Московск.	парка	60 моторн.	и 57	прицепн.
„ Василеостр.	„	80 „	76	„
„ Петербургск.	„	49 „	48	„
„ Рождеств.	„	49 „	39	„
		168 моторн.	152	прицепн.
А всего			320	вагонов.

В числе выпущенных 25-го янв. вагонов 72 было неисправных, а за 26-е января выбыло за день еще 99 вагонов. 27-го городская дума приняла рабочие требования, и стачка была ликвидирована. Петербургский Комитет руководил стачкою и выпустил по сему случаю особый листок. Движение прошло в подъемном настроении и солидарно. Штрейкбрехеров было всего четверо на электрической станции.

В непосредственной связи с успехами стачки рабочих Городской электрической станции находилось известное движение громадных Путиловских заводов. Электрики Путиловских мастерских, заработок коих не превышал 2 р.— 2 р. 50 к. в день, предъявили администрации требования о повышении заработной платы. Но правление завода, ставленники союза франко-русских капиталистов, грубо отвергли справедливые требования рабочих. В начале февраля электрики бросили работы и были поддержаны остальными силами рабочих. К стачке примкнули почти все рабочие денной смены, до 15.000 рабочих. Ночная также не заставила себя ждать, и на другой день завод был закрыт приказом генерал-охранника Туманова. Военнообязанные призывались к воинскому начальнику. Это было начало тех событий, которые обратили на себя внимание всей России и обсуждались в Государственной Думе.

Почти одновременно частичный конфликт на С.-Пет. металлическом заводе превратился, благодаря генералу Туманову, в общий: завод был закрыт 8 февраля.

В марте движение приняло громадные размеры и сопровождалось массовыми высылками и арестами.

Продолжительный характер войны, со всеми неисчислимыми бедственными ее следствиями, падавшими прежде всего на плечи широких кругов городской и деревенской демократии,—способствовал тому прояснению сознания, ко-

торое известно в России, как „перемена настроений“ по отношению к войне. Патриотический дурман первых дней войны рассеялся под жестокими ударами действительности. Демократический самообман „освободженческими иллюзиями“ в этой хищной войне был разрушен беспощадной политикой правительственного подавления внутри страны. Борьбе с „немецким милитаризмом“, с „немецким засильем“ и т. д. русские промышленники придали такой оборот, который не в малой мере способствовал даже отрезвлению обывателя. Дезорганизация всех областей хозяйственной жизни ударила беднейшие слои небывалой дороговизной, приучала обывателя связывать малые причины с большими следствиями.

Уже не раз за время войны настроение широких народных масс поднималось до возмущения. Майские события прошлого года в Москве, с бесчеловечными избиениями евреев и немцев, были вызваны властью, чтобы разредить сгустившуюся после Карпатских поражений общественную атмосферу недовольства.

Революционные настроения начала осени были рассеяны призывами к спокойствию и арестами. Но и то и другое только углубляли и расширяли стихийный рост массового недовольства. Из тыла оно переходило на фронт и, дополненное траншейными неудовольствиями, перекидывалось в деревни и города. Казарменный люд, несмотря на тяжести дисциплины военного времени, открыто волновался и негодовал. Недовольство солдат, одетых в серые шинели мужиков и рабочих, покоилось прежде всего на тех скотских порядках, какие господствовали в царской армии. Бесправный солдат обворовывался, служил предметом издевательств для одетых в офицерские мундиры барчуков. Борцов за „освобождение западной демократии“ били в „зубы“, порол, как в Николаевскую эпоху, и применяли множество всяческих наказаний, вплоть до расстрелов, во имя „дисциплины“.

Обращение офицеров и полиции с солдатами вызывало народные самосуды. В Москве осенью прошлого года на этой почве произошло громадное побоище между полицией и москвичами. Было много раненых и убитых.

Питерский комендант, а также и штаб командующего Северной армией, все время вели оригинальную „войну“ с

солдатами, запрещая им пользоваться трамваями. За время войны издавалось множество „правил", ограничивавших езду солдат в трамваях, обязывавших их платить за проезд, или запрещавших входить внутрь вагона, позволявших оставаться только на площадках. Все эти меры глубоко возмущали солдатскую массу, которая систематически не соблюдала этих „приказов". Наконец, перед Рождеством, военное начальство отдало распоряжение, совсем воспрещавшее езду на трамваях для нижних чинов. Около остановок дежурили отряды солдат, человек до шести. Кроме того, за едущими солдатами охотились специальные отряды городовых. По вечерам по городу ходили вооруженные патрули, отводившие задержанных в комендантство. Солдаты высказывали полнейшее пренебрежение к „приказам", вскакивали на трамваи на ходу, всячески обходили „посты" и довольно часто оказывали открытое сопротивление. Публика всегда поддерживала солдат, и на этой почве возникло не мало дел о „вмешательстве в действия полиции". Как велико было „неподчинение", можно судить по цифре арестованных за езду на первый день Рождества: число их, по рассказам солдат, превышало 1.000 человек. На следующий день было еще более. При таком упорном неповиновении, наказывать большое число не посмели.

Настроение в казармах было возбужденное. Солдаты открыто говорили, что отплатят начальству 9-го января, вместе с рабочими. Видя такое действие приказа на солдат, последний поспешили отменить накануне 9-го января.

Насколько далеко было настроение петербургских широких масс от ура-патриотизма начала войны, можно судить потому, что победу над турками, взятие Эрзерума, патриотам не удалось отпраздновать манифестацией, хотя попытки к этому и были. Администрация вынуждена была ограничиться „молебнами" и обязательными прогулками солдат.

Скептицизм обывателя и его недоверие к правительству иногда доходили до „пораженчества". Нередко можно было услышать суждения в трамвае о наших порядках, в виде заключения: „знать будут у нас порядки, когда немцы сюда придут"... Но в этом все еще продолжала сказываться косность; даже в этом недовольстве не видно еще перехода от критики к самодеятельности, к активности.

XXIII.

Стачечная борьба русских рабочих, особенно передовых рабочих Петербурга, за время войны вызвала в русском „обществе“ невероятное количество толкований, предположений, а порой и экивоков. Как грязный ком весеннего снега, расли слухи, переплетались с отдельными фактами, выносились на открытые и закрытые заседания наших государственных дельцов, встревоженных бурными конфликтами между трудом и капиталом, не прекращающимися даже во имя „обороны страны“.

Непримиримость рабочих, упорное нежелание подчиниться идеям „защиты отечества“ и во имя ее нести безропотно бремя усиленной эксплоатации, чувствительно отзывалось на патриотических барышах акул отечественной промышленности. Но особенно был неприятен русской буржуазии антипатриотический характер рабочего движения, показывавший полный крах влияния либерализма на рабочую среду. Неприязнь к интернационализму доходит до отчаянной ненависти к большевикам-соц.-демократам, представителям интернационального социализма в России. Буржуазная пресса „не признает“ других „социалистов“, кроме гучковцев. Так называемые „прогрессивные“ газеты: „День“, „Речь“, „Соврем. Слово“, попав в ложное положение, например, при первых выборах в В.-П. К-ты, или во время выборов в „Страховой Совет“, где представители рабочих высказались за „интернационалистов“ - социал-демократов, — старались представить дело, как случайность. „Вдруг“ выборы оказались фракционными, „неожиданно“ победили противники и т. д., лгали эти „либералы“.

Все идейные защитники капитала, отрицавшие классовую борьбу, особенно в военное время, ибо в „патриотизме рабочих“ эти господа „не сомневались“, делали большие усилия, чтобы найти причины конфликтов вне общественной среды, в „чужом влиянии“, подкупе, провокации и т. д. и т. п.

Недовольство рабочих в первые дни войны пытались объяснять влиянием „пораженческих идей“. Патриотическое общество, под руководством социал-шовинистов, предало „ленинцев“ анафеме, а охранка поспешила изъять нужное

количество вождей „пораженчества", надеясь таким путем в корне убить оппозицию войне и эксплоатации. Но движение не сократилось.

Навстречу растущему недовольству рабочих был пущен слух о „немецких деньгах". Продажные газеты, содержимые на счет полицейских участков и охранки, распространяли сведения о немецких подкупах стачечников. Несмотря на то, что сведения шли от „Земщины", „Русского Знамени" и др. злачных полицейских мест, как будто очень осведомленных о „подкупах", благодаря своей близости к господствующим кругам Германии,—эти слухи успеха не имели, хотя и были приняты во внимание генеральным штабом в его войне со стачечным движением.

Левые и либеральные круги общества находили другую причину роста стачечного движения: провокацию. Провокацию, это детище русского царя-самодержца, связывали непосредственно с „интригами" Вильгельма II. Слухи о том, что „охранное отделение" служит германскому генеральному штабу, ходили по России с первых дней войны. Были случаи открытия агентов охранки, занимавшихся шпионством в пользу Германии. Дело жандармского полковника Мясоедова только оправдывало слухи, придавало им большую вероятность.

Благодаря цензурным и полицейским мероприятиям правительства, вокруг рабочего движения создалась таинственная атмосфера, располагавшая к распространению слухов. Дикая борьба агентов правительства с политическими противниками царизма, не считающаяся с „обороною страны", толкала обывательскую мысль к простейшему объяснению, что вся власть в России — двор, министры, генералы и чиновники—немцы. Поход власти на общественные организации и одновременное покровительство всему хищническому только убеждали широкую публику в правоте ее мнений, и таким образом правительственное орудие лжи обратилось против него самого.

Причины стачечного движения были, конечно, гораздо глубже тех, которые создавались народною молвою. Война не устранила классовой борьбы, а наоборот, усилив эксплоатацию рабочего класса, вызвала более острые формы ее. Стачечную борьбу рабочего класса в России нельзя рас-

сматривать изолированно от общедемократического, буржуазного движения в стране. Разложение крепостнических порядков в процессе войны создало крайне тяжелое положение для рабочего элемента страны. Буржуазия пыталась использовать создавшееся положение для увеличения своего богатства и усиления политического влияния. Под шумок „единения классов и наций“ буржуазия заключила запродажную сделку с царизмом, за счет экономических и политических интересов народных масс. Эту сделку, под видом „защиты страны“, скрепили на спине демократии и рабочего класса ренегаты от демократии—Керенский, Маслов, Рубанович, Потресов и иже с ними.

Для буржуазии эта сделка привесла уже непосредственные выгоды, в виде „участия в помощи доблестной армии“, через посредство всевозможных общественных организаций. „Помощь“ приносила миллионные заказы, а цели войны сулили Гучковым и Рябушинским всяческие „господства“. Но пока что они устраивались около автомобилей и друг. снаряжений и амуниции. Промышленность работала во-всю, капиталисты пользовались дезорганизацией транспорта для спекуляций, и вся предпринимательская свора переживала такое доходное время, о котором и не мечтали при мирном положении.

Предпринимательская „рабочая политика“ военного времени принципиально не отличалась от мирных дней... Политика франко-бельгийско-немецко-английско-истинно-русского организованного капитала в рабочем вопросе была коротка: беспощадная борьба со всякими требованиями, хищная эксплоатация, локауты и полицейские расправы. Когда на западе загремели пушки, этот космополит-капитал принял „истинно-русский“ вид и, запасаясь выгодными заказами, поспешил на помощь „отечеству“. Заводоуправления даже заведомо „немецких“ фирм открывали госпитали, жертвовали гроши и всячески покровительствовали патриотическому обирательству рабочих. Военное время давало космополиту-капиталу такие средства и возможности принуждения и устрашения рабочих, о каких он и не мечтал в „мирную эпоху“.

Заводы и фабрики, перегруженные военными заказами, были заинтересованы в повышении производства путем

удлинения рабочего дня и т. д. Жажда высокой прибыли толкала их на путь широкой эксплоатации труда женщин, детей, ввоза китайских и корейских дешевых рук. В этом вопросе правительство исполняло все просьбы предпринимателей, отменяло законы, охранявшие здоровье и интересы рабочих. Противоречия между трудом и капиталом обострились и быстро привели к конфликтам. Орудие борьбы у рабочих было одно—стачки. Предприниматели прибегали к шпионажу, провокации, локаутам. Полиция, охранка и генеральный штаб также были к услугам предпринимателей.

Под влиянием стачечного движения лета прошлого года, питерские организованные предприниматели, заботясь о „нормальном ходе" работ во всех предприятиях, внесли в Совет Министров ходатайство о „милитаризации всех рабочих". Этим проектом питерские капиталисты надеялись убить в рабочих всякий дух протеста, искоренить стачки путем дисциплины и военной юстиции. Организация заводов по казарменному типу, награждение ставленников капитала „офицерскими" полномочиями над рабочими, с арсеналом наказаний и наград в руках дирекции—вот идеал этого „космополита"-капитала. Совет Министров целиком принял виды капитала, изготовил по сему случаю проект закона и передал его в весеннюю сессию Госуд. Думы. Но стачечное движение февраля и марта говорило ясно, что рабочие не примирятся с законом, и он остался лежать без движения.

Под влиянием роста недовольства в рабочей среде, движением „заинтересовался" генеральный штаб. Свою диктаторскую власть милитаризм протягивает все далее и далее в тыл, направляя все свои „тыловые силы" на рабочий класс, не забывающий своего боевого клича: „пролетарии всех стран, соединяйтесь".

Усиление реакции в связи с военным временем тяжело отразилось на организационном строительстве рабочего движения России. Последние годы, до войны, рабочий класс стремился всячески укрепляться, воздвигал нелегальные и легальные крепости. Из последних самая сильная была—рабочая пресса. Она пала первою, а за нею были уничтожены или „обезоружены" и все другие.

Начавшийся, хотя и очень слабый, приток интеллигенции к рабочему движению, которым ознаменовались последние

годы перед войною, был вновь нарушен. Чуждый рабочему классу элемент поддался социальной реакции и вновь, как во время послереволюционной реакции, начался отлив и ренегатство. Значительная часть была мобилизована, но немалая доля пошла добровольно на ту или иную службу империализму.

Рабочие организации почти всюду оказались без интеллигенции, однако, это уже не парализовало их жизни и деятельности, как в прошлую эпоху довоенной реакции. Рабочие организации выдвинули собственных, кровно-пролетарских вождей. Все организационное движение было вынуждено „окопаться" нелегальной стеной тайного объединения рабочих.

Как и во время мирной эпохи, организационной базой нелегального объединения рабочих являлся завод, мастерская, фабрика. Заводские организации объединялись по районам, районы в общегородские организации, комитеты и т. д. Помимо постоянных организаций нашей партии, некоторые заводы, имевшие группы других, чуждых нам, не нелегальных организаций (соц.-революционеры, „объединенцы", анархисты-коммунисты), создавали случайные „совещания" отдельных групп, по делам местного значения, главным образом на время конфликтов.

Центром идейной работы нелегальных ячеек нашей партии, разбросанных по всем промышленным центрам России, было отношение к войне, борьба с шовинизмом и „патриотической" эксплоатацией. Эта работа наших организаций за время войны требует своего историка. О грандиозности ее можно судить по тем стачечным волнам, которые не переставали колебать прогнивший остов парской монархии, до самого последнего ее дня. Свидетельством активности рабочих организаций военного времени служили высылки тысяч организованных рабочих, аресты и отсылка на позиции стачечников.

Зоологическому национализму Пуришкевичей, утонченному шовинизму Плеханова и его сторонников, наши организованные товарищи противопоставляли интернациональные интересы пролетариата, силу социалистического, революционного идеала. Идеям обороны страны, единению с буржуазией, гвоздевщине — агитацию за революционное свержение

царской власти и за непримиримую классовую борьбу против хищников капитала, истинного виновника войны народов.

Спрос на нелегальную, социалистическую литературу был так велик, что его не могла удовлетворить слабая нелегальная техника. На помощь приходила частная инициатива. Среди рабочих ходили всевозможные рукописные, гектографированные, переписанные на машинке и т. п. копии отдельных прокламаций, статей из нелегальных заграничных изданий и т. п. В Москве ходила по рукам переписанная на машинке брошюра Ленина и Зиновьева „Война и социализм", имевшая более 100 страниц. „Социал-Демократ", „Коммунист"—являются такой роскошью, за одно прочтение которых платили от 50 копеек до 1 руб. и более. На „Коммунист" были требования на сотни экземпляров; при этом рабочие охотно назначали плату в три рубля за номер. Кроме этого, по всей России ходили декларации интернационалистического направления различных групп партийных работников. Карточки наших депутатов, сосланных в Сибирь, за два месяца разошлись только в одном Питере в количестве около 5.000 экземпляров, по цене от 25 коп. до 1 руб. 50 коп. за штуку (открытки и портреты).

Состав местных организаций Юга, Поволжья, Центра и Питера пополнился социал-демократическими элементами эвакуированных местностей Польши и Прибалтийского края. Так, напр., в Питере, за время войны, присоединились к Петербургскому Комитету, на правах районов, две национальные группы: эстонская и латышская. Польских рабочих также не мало эвакуировано в глубь страны; есть заводы из Варшавы и в Питере. Однако, поляки держались особняком и в местные организации не вступали.

Из легальных рабочих организаций всюду остались страховые учреждения. Кое-где в центре, в Москве, Туле и на Юге сохранились некоторые профессиональные союзы и общества, но деятельность их крайне сужена. За последнее время выросли кооперативы, куда проникали и партийные элементы.

Около страхового дела в больничных кассах, в Присутствии и в Совете, велась все та же борьба двух течений: ликвидаторского, окрашенного в национально-патриотиче-

ский цвет, и правдистского, оставшегося верным старому красному, интернациональному знамени.

Выборы в „Страховой Совет", происходившие 31 января, носили ярко анти-гвоздевский, анти-ликвидаторский характер. Прокламация Петербургского Комитета к рабочим о выборах в Страховой Совет призывала к борьбе с „гучковскими молодцами". Списку же кандидатов предшествовало такое воззвание: „Товарищи! Кто во имя интересов пролетарского движения защищает лозунг „общегородской кассы", кто за передачу дела лечения рабочих в руки самих касс, кто защищает полную независимость дела страхования от заводчиков и фабрикантов, кто хочет бороться за осуществление всех видов страхования за счет государства и предпринимателей и кто к тому еще знает, что интересы рабочего класса не могут быть поручены тем, кто вместе с гвоздевской компанией тащится в хвосте реакционной буржуазии—тот должен голосовать только за кандидатов *идейных защитников* последовательного марксизма". Правдистский список прошел целиком. Из 70 голосов за список голосовали 39 представителей. Число ликвидаторских, народнических и беспартийных голосов было всего 26, объединившихся на двух заместителях.

Эти выборы, после позорной гвоздевщины, служили ярким показателем силы течений, верным свидетельством интернационализма сознательных представителей русской рабочей семьи.

Много месяцев прошло с того времени, как пушечный гром и треск пулеметов заглушили голос интернациональной солидарности рабочих. Много месяцев лжи, измены, националистической отравы гонят народы, их рабочие массы друг на друга. Хитроумными теориями „обороны отечества", „защиты культуры" и другими подобными идеями господствующие классы старались использовать воспитанный революционной, социалистическою пропагандою идеализм рабочих масс. Верным союзником кровавого дела буржуазии и монархий воюющих стран являлся международный оппортунизм, пытаясь под военный грохот и дурман провести в жизнь свою давнишнюю теорию классового мира. Социал-патриоты, союзники империалистических аппетитов буржуазии, в каждой из воюющих стран имели „особенности" местного характера, каждые старались обосновать свою по-

зицию „интересами рабочего класса“. Немецкие оппортунисты, от Шейдемана до Каутского, боролись с „русским самодержавием“, французы „защищали республику“, англичане „освобождали Бельгию“, а русские „не препятствовали“ генералам-вешателям вести войну во имя „освобождения западной демократии“. Этим путем достигалась задача отвлечения мыслей и действий демократии и рабочего класса от их собственного положения внутри страны, от их борьбы за свои классовые цели.

Каждая страна, каждая коалиция боровшихся капиталистических сил была не прочь поспекулировать на счет „революции“ своего конкурента. Даже российский генеральный штаб охотно пропускал и инсценировал „новости“ о революционном движении в Германской коалиции. Буржуазная пресса очень полно осведомляла Россию о революционном недовольстве германско-австрийских народов. Этими сведениями питался и русский рабочий, но воспринимал их совершенно отлично от буржуазии. Если последняя искала „подкреплений“ своей стратегии в стесненном положении противника и призывала массы „потерпеть“, ибо „еще удар—и враг бежит“,—то рабочий класс делал для себя противоположные выводы. В пробуждении недовольства, в росте революционных настроений русский рабочий, русский социалист черпал силу, черпал уверенность в конечной победе классовой солидарности над ограниченным, вредным „внеклассовым“ национализмом. Движение в этом направлении, неугасавшее от начала войны, росло с каждым днем, крепло в своей борьбе против кровавых замыслов капитала и царизма.

Долгие месяцы бойни, унижений и ухудшений в положении демократии громко говорили о том, что ей нечего было ждать от войны. Сознательные рабочие нашей страны никогда не связывали свою судьбу, свои цели с победами над „немцем“. Как и в старые революционные годы, они сохраняли веру в свои силы, в пробуждение городской и деревенской бедноты, для окончательного свержения царизма, облагораживающегося „освободженческой“ ложью войны. Вместе с оставшимися верными Интернационалу рабочими всего мира, задавленный военными и охранительными цепями, российский пролетариат готовился к великой мировой борьбе за классовые интересы обездоленных, за социализм.

XXIV.

Пользоваться свободой от шпионов мне пришлось недолго. Путешествуя по явкам Петербургского Комитета и на свидания с отдельными товарищами по рабочим районам, недели через две после приезда я попал под наблюдение. Первое время это наблюдение мало беспокоило меня; но затем, чем дальше, тем становилось настойчивее, а филеры нахальнее. Однако, мне всегда удавалось достигать ночлега без шпионских глаз. Быстро приспособился к нелегальному положению, к постоянной перемене ночевок и скитанию. Жизнь подполья за эти последние десять лет изменилась только по составу участников ее. Вместо учащейся молодежи, интеллигенции 1903—1905 годов, в эти годы войны всюду были видны только рабочие. Явочные квартиры, ночевки все это было также в рабочих районах и в рабочих квартирах. Интеллигенты были редким исключением.

Из старой, так называемой партийной интеллигенции очень мало было таких, которые сохранили свои связи с рабочими. Исключением был А. М. Горький. У него по-прежнему толпились рабочие, к нему шли со всеми вопросами, которые вставали перед ними в той атмосфере обмана войны и измены, с которыми не мирились рабочие революционеры.

Много раз забегал к А. М. и я. В вопросе об отношении к войне он стоял на интернациональной позиции и следил с большим вниманием за развитием нелегальной работы, оказывал нам различные услуги. Около него билась своя многогранная жизнь, в которой участвовали самые разнообразные представители Питерской интеллигенции. Сам Алексей Максимович увлекался идеей организации радикально-демократических групп.

В его квартире можно было получить самые последние политические известия из нашей „парламентской“ и внепарламентской жизни буржуазной оппозиции. Это был своеобразный и оригинальный по своему характеру центр. В вопросах политики и тактики Алексей Максимович не был компетентен, и к нему шла рабочая публика просто „потолковать по душам“, излить свои болести и свои тревоги. Охранному отделению это хождение рабочих было известно,

и около дома, в котором жил А. М. Горький, было постоянное дежурство шпионов.

Меня чрезвычайно интересовали жизнь и строение наших нелегальных партийных организаций. В „чистом" виде я их знал хорошо в 1902—1907 годах, а позднее, когда в 1914 году вернулся из-за границы, нашел уже значительно „разбавленными" и избалованными легальностью. В это время была своя легальная пресса, союзы, появились новинки в виде страховых учреждений и т. п., что в прежнее время было недоступно. Война одним ударом смела все эти вольности и побудила рабочих к построению совершенно нелегальных организаций.

Близкое знакомство убедило меня, что и существо и формы организации остались прежние. Равенство условий обусловливало сходство. Так же, как и раньше, основной партийной ячейкой были заводские кружки, выбиравшие заводский коллектив, который входил в состав районной конференции, избиравшей „Районный Комитет", а конференция последних избирала уже Петербургский Комитет, принимая во внимание районное представительство. Однако, в силу конспирации иногда было трудно созвать конференцию, и тогда Петербургский Комитет принимал в число членов просто делегата от Районного Комитета.

При Районных Комитетах и Петербургском Комитете создавались различные коллегии, как-то: коллегия пропагандистов, агитаторов; 2) литературная коллегия; 3) организаторская коллегия. Организатор—это был душа дела, организации. От его активности зависел размах и глубина революционной работы. И П. К. обращал большое внимание на эту коллегию. Было издано на гектографе даже особое положение об организаторской коллегии и ее задачах следующего содержания:

„Организаторская коллегия представляет из себя коллектив всех местных организаторов: выборных от отдельных групп и кооптированных. Организаторская коллегия является подсобной организацией при Р. К. и вместе с тем школой для подготовки новых организаторов. Как подсобная организация при Р. К., организаторская коллегия ставит целью своей деятельности: 1) расширение и укрепление организации на местах; 2) восстановление организаций, временно

прекративших свою деятельность или потерявших связи с районом; 3) организацию новых групп; 4) обслуживание своих партийных организаций литературой.

Эти цели организаторская коллегия осуществляет следующим образом:

1. Каждый организатор помогает районному представителю (ответственному организатору) приискивать квартиры для лекций и собраний своей группы, оповещать и членов группы и докладчиков о днях и месте собраний. Он же следит за исполнением постановлений Р. К., за правильным поступлением членских взносов, требуя от казначея своевременного представления отчетов и т. п.

2. Когда деятельность какой-либо группы начинает как бы замирать или прекращается вовсе вследствие провала, провокации, отсутствия пропагандистов, квартиры и т. п., организатор обязан выяснить причины, вызвавшие остановку деятельности организации.

3. При организации новых групп, организатор должен стараться разыскать старых товарищей в организуемом предприятии; использовать для этого же связи и знакомства других членов групп; усиленно доставлять туда соответствующую литературу; наконец, в случае возможности, поступить в данное предприятие на работу.

4. Всякий организатор должен своевременно приготовить место для склада литературы и своевременно же доставить ее в группы. После распространения он должен собрать сведения о действии на рабочих распространенной литературы.

5. Все адреса, все связи организатор должен хранить у себя обязательно зашифрованными и у товарища, который не принимает активного участия в жизни партии и который, в случае посадки организатора, немедленно же должен передать все связи организаторской коллегии. Как школка, организаторская коллегия устраивает собрание не менее 2 раз в месяц, для обсуждения вопросов, связанных с текущим моментом, поскольку происходящие события могут служить агитационным материалом (1 мая, 4 апр., женский день, дни стачек, рост професс. движения и т. д. и т. д.)[8].

Организационная коллегия служила и школой по вопросам агитации текущего момента. У меня сохранился конспект одной из лекций, чрезвычайно распространенной во время войны, следующего содержания:

Современная война и ее причины.

1. Для рабочих с.-д. война не была неожиданностью: ожесточенная борьба буржуазных клик разных стран из-за рынков и колоний, лихорадочный рост вооружений — все это указывало на неизбежность военного столкновения.

2. Причины настоящей войны: а) англо-немецкое соперничество на мировом рынке вообще; борьба в Африке и Турции (Багдадская ж. д.); б) Россия и Австрия, как исторические соперники на Балканах; в) Константинополь, проливы, Ближн. Восток, как рынок в потенции для русской буржуазии, мечтания о великой России, русский панславизм; г) Россия и Германия в Турции, борьба между ними на почве заключения торговых договоров.

Чем вызвана коалиция трех держав против Германии и Австрии? Германская буржуазия представляла опасного соперника для буржуазии всех трех стран и, забыв свои личные счеты, они решили покончить с общим врагом.

Роль Германии в современной войне.

Невозможность дальнейшего соперничества на почве увеличения вооружений.

Для рабочего класса не должен иметь существенного значения вопрос, оборонительная или наступательная война. Критерием для определения его отношения к войне это обстоятельство не может служить. Нынешняя война носит ярко выраженный характер буржуазно-империалистической войны. Все противоречия и язвы буржуазного строя с кристальной ясностью выразились в ней. Опровержение лживых фраз буржуазии, что это есть война за культуру, война с милитаризмом.

Какая позиция по отношению к этой войне вытекла для разных стран, как отрядов Интернационала".

Кружковая работа во время войны и в Питере и в Москве велась довольно хорошо. Желающих заниматься социалистическими науками было всюду больше того, что могла обслуживать организация. Обычно из всех желающих выбирались такие товарищи, которые по окончании кружковых занятий смогли бы вести работу самостоятельно. Сведение кружковой работы до простого социалистического просвещения всех желающих было нам не по средствам.

Кружки являлись лишь воспитательным средством для подготовки массовых партийных работников. Наиболее усиленные кружковые работы происходили осенью и зимой. Летом устраивали массовки, на которых обсуждались не только дела политической борьбы, но и положение дел в заводах, решались вопросы о стачках и т. п. Когда вспыхивали забастовки, как Лесснеровская весною 1915 г., предприятие закрывало рабочим двери. Наиболее смелые и имеющие влияние рабочие собирались на массовки и нелегально руководили движением.

Трудно перечислить все темы, все вопросы, которые обсуждались на кружках и в рабочих собраниях. Я помню вопросы о войне, о Соединенных Штатах Европы, о дороговизне, о II и III Интернационале... Ни один вопрос, вызванный жизнью данного завода, города или интересующий всю страну, не проходил мимо рабочих. Рабочие обсуждали их и во время работы. Заводские ячейки-кружки обычно составлялись из лиц, хорошо друг друга знающих. Поэтому уже во время рабочего дня вопрос ставился на обсуждение, и, если требовалось решение, оно выносилось. Работа заводских кружков „доброго старого времени", интеллигентской кружковщины резко отличалась от работы последнего, особенно военного периода. Старые кружки воспитывали рабочих в „теории рабочего движения". Кружки же последнего времени были организациями самой практики рабочего дела.

XXV.

Невозможные политические условия для существования во время войны рабочей печати вызвали к жизни вновь нелегальный печатный станок. Конец 1914 года и весь 1915 год рабочий класс слышал голос независимой печати лишь в виде подпольных листков, размноженных самым разнообразным путем, начиная от руки и кончая печатным станком. Много сил, средств и лучших работников тратилось нашей партией на это дело, и—не даром. Листовки, даже самые примитивные, падали как расплавленные капли металла на возбужденное сознание рабочих, побуждали их к действиям, указывали пути и способы борьбы с окружавшей кровавой реакцией. Листки наглядно показывали рабо-

чему, что и в рамках проклятого царского режима возможно проявление рабочей организованности и солидарности в борьбе, а также и существование секретных организаций.

В архивах нелегальных организаций не сохранилось полного комплекта нелегальных изданий этого времени. Часть листовок была мною отправлена за границу и лишь некоторая доля случайно сохранилась на руках. О существовании некоторых знаю лишь по памяти. Все же попытаюсь дать хоть некоторую сводку памятников литературы, рисующую нашу партийную работу этой эпохи.

О листках, вышедших в начале войны за подписью: 1) „*Выборгского Районного Комитета*“ и 2) „*Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.*“, я говорил уже, а поэтому возвращаться к ним не буду. Имеющийся же у меня материал привожу ниже с сокращениями и в выборках, характеризующих момент.

3-й листок изготовлен на пишущей машинке, литографическим способом, по своему содержанию относится к первому полугодию войны. Начинается словами: „Товарищи, снова вас оторвали от ваших семей“... Главная тема листка— выяснение, *кто настоящий враг рабочего класса*. „Кто же этот враг, который угрожает русскому народу, против которого вы должны драться? Нам говорят, что это немцы“. Далее говорится подробно о преследованиях рабочих, об эксплоатации их. „Грабят нас помещики, грабят фабриканты, купцы и домовладельцы, грабит полиция, грабит царь со своими чиновниками, и когда нам, наконец, надоедает этот повальный грабеж, когда мы хотим отстоять свои интересы, когда мы объявляем забастовку, тогда на нас напускают полицию, солдат и казаков, нас бьют, бросают в острог, ссылают и вообще преследуют, как бешеных собак. Вот кто наши действительные враги, враги непримиримые и беспощадные“... „Теперь они хотят втереть нам очки и уверить нас, что наш враг немец, которого мы и в глаза не видали“... „Они науськивают нас на Германию“... „Теперь, когда им понадобились наши кулаки, он запели умильные песни. Они убеждают забыть внутренние распри, объединиться с ними в общем патриотическом порыве и забыть про наше собственное рабочее дело, заняться их делом, пойти завоевывать для их царя и их помещиков новые земли“.

„Но неужели-же мы, русские рабочие, будем так глупы, что поддадимся на его (русского правительства) лживые уверения (что враг русского народа — немцы). Неужели мы забудем свое собственное дело для его дела?" „Нет, если уж нужно умирать, то умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Они дают нам в руки ружья: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия жизни!".

Листок обращается и к солдатам: „Когда вспыхнет революция, помните, братья солдаты, что ваше место не против нас, а рядом с нами". Заканчивается он словами: „Царское правительство не дало нам амнистии. Мы тоже ему ее не дадим. За горло его и коленом ему на грудь. Да здравствует демократическая республика, конфискация всей земли в пользу крестьянства, 8-ми часовой рабочий день!"

4-й (печатный) исходит от *„Военной группы при П. М. Р. К."*. Листок обращается к солдатам: „Товарищи солдаты! К вам, рабочим и крестьянам, одетым в серые мундиры, обращаем мы слово свое. Почти полгода прошло с тех пор, как волею самодержавия вы оторваны от мирных трудов, от жен, отцов и матерей. Полки за полками идете вы покорно на гибель. Туда, к границам Австрии, Германии и Турции, где вас ждут голод, холод, болезни и ядра, штыки таких же рабочих и крестьян, как и вы сами. Лгут правительства воюющих стран, когда говорят солдатам, что они защищают родину. Не родину вы защищаете, а своекорыстные интересы дворян, чиновников, попов и прочей алчущей наживы братии. Вы нужны самодержавию только как пушечное мясо. Вас, защитников отечества, морят голодом. Вас оскорбляют на каждом шагу. Вас не пускают даже в чайные погреть иззябшее тело. Собакам и вам — одна честь и слава. Вас гонят из трамваев и поездов. За вами охотятся жандармы и коменданты. Ваши семьи брошены на произвол судьбы, ваши малютки-дети голодают. Нищенский паек, получаемый вашими женами — вот заботы царя-батюшки о вас и ваших детях.

„Товарищи солдаты! Все тяготы войны ложатся на вас — крестьян и рабочих. Вас гонят на убой и с вас снимают последнюю рубашку — налогами. А помещики да купцы благоденствуют". Далее листок предлагает солдатам план орга-

низационной работы: „Идя на войну, помните, что должен притти час расплаты с вашими палачами. Знайте, братья, что в вас теперь вся сила. Всколыхнетесь вы, пойдете против самодержавия,—и конец рабству. Всю землю получат крестьяне, свободу—рабочие. Возвращаясь в деревню с позиций, режьте правду-матку о том, что делается на войне. Будите деревню. Читайте рабочие и крестьянские листки. Толкуйте промеж себя о том, как горю общему пособить. По ротам, по батальонам устраивайте группы, связывайтесь с другими частями.

Устраивайте ваши военные организации. Связывайте их с рабочими.

„За дело, товарищи солдаты!

Заканчивается следующими лозунгами:

„Да здравствует единение армии с народом! Долой войну! Долой самодержавие! Всю землю крестьянам! 8 часовой рабочий день рабочим! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революция!"

5-й листок (печатный был выпущен в конце декабря 1914 года) посвящен приближавшейся *десятой годовщине 9 Января*. Листок начинается так:

„Товарищи! Приближается десятая годовщина 9 Января 1915 года. Десять лет прошло с тех пор, когда царь-палач расстрелял мирные, безоружные толпы рабочих, искавших у него правосудия. В угоду помещикам и капиталистам была пролита рабочая кровь на улицах Петрограда. Но движение 9 Января было первой ступенью к грядущей революции. Кровь павших товарищей своим потоком размыла и унесла тот мост, который построен был веками между царем и народом,—народную веру в царскую справедливость: обнажили действительную свою сущность произвол и насилие... Гром выстрелов и стон умирающих над Невой, как набатный звон, всколыхнул многомиллионную пролетарскую Русь, разбудил великий народный гнев, накопившийся целыми веками против угнетателей".

„Миллионы жертв, замученных династией Романовых, стали грозными обличителями перед народным судом".

Далее следует перечисление всех преступлений и зверств царизма: не забывается Ленский расстрел, июльские дни, арест фракции Госуд. Думы. Войне также уделяется большое место. Листок заканчивается призывом:

„В день 9 Января пролетариат России должен заявить, что у него нет веры и в отечество—родину-матушку"... и предлагает „быть готовым для стачки-протеста против войны и царского произвола". В конце обычные наши лозунги:

„Да здравствует международное братство рабочих, против шовинизма и патриотизма буржуазии. Да здравствует дем. республика, конфискация земель и 8-ми часовой рабочий день! Да здравствует Революция и Социализм!"

6-ой листок (печатный) посвящен *„9 Января"*. После краткого исторического обзора, листок переходит к тогдашнему положению:

„Миллионы наших братьев, рабочих и крестьян нашли и находят себе могилы в этой бессмысленной бойне. Во имя чего? Во имя защиты интересов своих врагов! Ослабив и ослабляя военным положением и мобилизациями демократию и ее авангард—городской пролетариат, правительство пользуется громами наступившей войны в первую голову для одержания победы над своими внутренними врагами. Разделавшись с рабочей печатью, закрывая профессиональные и культурно-просветительные организации рабочих, превращая призванных запасных и ратников в заводских и фабричных рабов, правительство, наконец, накидывает петлю на депутатов, избранников миллионов рабочих.

„Но всему есть предел. Будет он и для тех, кто теперь чувствует себя господами положения. Растущее падение патриотического настроения, открытое недовольство войной рабочих, глухое брожение в армии, полное расстройство хозяйственной жизни страны с неоспоримой убедительностью указывают, что близок час великой развязки, великого суда над виновниками величайшего в истории преступления против человечества. Нельзя остановить желания народа сбросить с себя цепи политического рабства, и никакими слезливыми, насквозь льстивыми речами патриотических волков, обнажающих свою классово-политическую корысть, не затемнить сознания рабочих. Не забыть им в крови 9 Января рожденных призывов бороться до конца со своими врагами". Заканчивается призывом к однодневной стачке в день 9 Января и обычными в военное время нашими лозунгами.

7-й листок (печатный) вышел в конце января, посвящен *положению рабочих*, следующего содержания: „Товарищи!

Миллионы наших братьев, рабочих и крестьян, погибают в бессмысленной бойне, устроенной господствующими классами. В крови хотят они утопить революционное стремление рабочего класса и демократии. Война ведется на два фронта против врага внешнего и против врага внутреннего. Борьба против внутреннего врага выливается в разные формы для каждой отдельной страны. Откровеннее и наглее всех в этом отношении русское правительство. Под шум войны оно внутри страны бесцеремонно расправляется с революционным народом и его авангардом—пролетариатом. Разделавшись с рабочими организациями, печатью, думским представительством, царское правительство сделало покушение на самое классовое единство рабочего класса. Оно превратило в казармы целый ряд заводов и фабрик, оставив там тысячи запасных ратников. Этим сразу достигаются две цели: во-первых, правительство обеспечивает армию достаточным количеством снарядов и военных припасов; а во-вторых, раскалывает рабочий класс на две части под угрозой отправки на передовые позиции в случае протеста, вводится крепостной режим для запасных и ратников. Рабочий,—запасный или ратник,—обращается в раба, который лишен возможности защищаться против самых возмутительных издевательств над ним. Во имя чего это делается?— Часть пролетариата хотят насильно сбить с пути классовой борьбы и обратить в тормоз для всяких выступлений рабочих. Наши враги великолепно понимают, что сила рабочего класса в его сплоченности, в его единстве. Разрозненные выступления пролетариата для них не страшны. Закрепощая на заводах запасных и ратников, правительство желает вконец ослабить способность рабочих к сопротивлению".

Далее запасные и ратники призываются дать отпор царским опричникам. Рабочим, напуганным угрозами на „фронт", передовыми позициями и т. п., листок разъясняет: „Не из человеколюбия оставлены вы на заводах, превращенных в тыл армии. Без вас немыслимо было бы вести войну, ибо вы изготовляете все необходимое для армии. Это значит, что можно послать на передовые позиции одного, двух, десять ратников, а всю массу послать невозможно. Это значило бы срубить сук, на котором приходится сидеть. Не может правительство послать вас на войну, ибо большинство

из вас рабочие обученные, и заменить вас невозможно. В случае дружного выступления, напротив, вы можете заставить дрожать их, виновников великого преступления, ибо, как никогда, они заинтересованы в том, чтобы работы не прерывались. Никогда еще правительство так не боялось выступления рабочих, как теперь. Оно знает, что это будет буревестником грядущей гражданской войны,—Второй Русской Революции".

Петербургский Комитет предполагал тогда связать это выступление с днем суда над фракцией, и листок призывал „На-днях будет суд над С.-Д. Р. фракцией. Рабочий класс должен протестовать против этого гнусного издевательства над его представителями".

Заключение: „Долой войну, долой царскую монархию! Да здравствует революция!" и т. п.

8-й листок, исполненный на гектографе, издан в феврале одним районом П. К. Посвящен тогдашней злобе дня,—*измене Мясоедова и К°*. Приводит письмо А. Керенского к председателю Госуд. Думы, требующее созыва ее для обсуждения этого дела. Листок напоминает историю японской войны, продажность и предательство бюрократии и т. п. „Совершилось то, что давно уже предсказывалось вождями рабочего класса: самодержавное правительство совершило чудовищное преступление,—измену русскому народу. Сдавив железным кулаком всю жизнь страны, придавив расстрелами рабочий класс, оклеветав рабочих депутатов в измене, оно само, втихомолку, под шумок, сделало свое гнусное дело: сторговалось и продало русскую армию немецкой буржуазии.

9-й листок—печатный. Это первый номер „Пролетарского Голоса". Газета в трех столбцах на одной странице. Помещена полностью принципиальная статья из № 33 „Социал-Демократа"—„Война и Российская Социал-Демократия".

10-й (печатный) листок посвящен *предстоящему суду над депутатами*, следующего содержания: „Товарищи! На-днях будет суд над рабочими депутатами. Правительство хотело обвинить их в измене и напечатало свою клевету в газетах. Это дело сорвалось. Военному суду хотело предать, но верховные же правители теперешней резни, обозвав министров дураками, решили, что расправляться по военному с представителями рабочих, переполняющих армию, это

значит сеять своими руками возмущение. И наших депутатов будет судить судебная палата.

„Обвиняют их по 102 статье, за принадлежность к социал-демократической партии. Только всего.

„Но по этой статье полагается до восьми лет каторги. Социал-демократические рабочие депутаты пойдут в каторгу только за то, что принадлежали к своей рабочей партии, только за то, что были действительно социал-демократическими депутатами.

„Они слишком намозолили глаза правительству и буржуазии.

„Вспомните последние два года! Кто в Думе всегда отстаивал рабочие интересы? Кто больше всех беспокоил министров запросами о беззакониях властей? Кто расследовал взрывы на пороховых заводах и в угольных шахтах? Кто мешал гулять полицейскому кулаку при похоронах рабочих и при демонстрациях? Кто собирал пожертвования для пострадавших товарищей? Кто издавал газету „Правда“ и „Пролетарская Правда“? Кто протестовал против убийства и увечья миллионов людей на войне?

„Все они, все рабочие депутаты. И за это они все пойдут на каторгу.

„Вся буржуазия рада, что их закуют в кандалы. Когда их арестовали, кадеты в „Речи“ сказали министрам:—„Не бойтесь, закатайте их! Ведь теперь все стоят за войну и за правительство; арест рабочих депутатов—дело несерьезное. А трудовики и фракция Чхеидзе как будто сразу оглохли и онемели.

„Кто же может защитить теперь рабочих депутатов? Только те, кто их послал, кто их поддерживал. Только пролетариат может защитить их. Только он может показать, что суд над ними—дело серьезное, и что оно не может пройти так тихо и гладко, как хотели бы охранники, министры и либералы. В особенности рабочим Петрограда нельзя молчать, нельзя откладывать свое выступление до лучшего будущего. Перед судом и в день самого суда они должны выступить, чтобы повлиять на судей и на правительство.

„Через тюремные стены привет товарищам депутатам, нашим стойким борцам! Да здравствует революция! Долой

войну! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!"

11-й листок (также печатный) и посвящен *суду над депутатами*. В нем уже точно поставлена дата суда. Перечисляя заслуги фракции, листок призывает: „Товарищи рабочие! Докажем, что враги наши ошиблись в расчетах! Докажем, что в грозный час, когда призрак каторги висит над головами наших депутатов, мы с ними! Пусть перед судом предстанут не пять депутатов, а весь рабочий класс, громко заявляющий о своей солидарности с подсудимыми и о готовности бороться за своих представителей и за идеалы, начертанные на нашем красном знамени.

„Товарищи рабочие! Бастуйте в день 10 февраля, устраивайте митинги, демонстрации, протестуйте против наглого издевательства царского правительства над рабочим классом!

„Товарищи запасные и ратники! Не разбивайте в этот день единства рабочего движения! Долой царскую монархию! Долой войну! Да здравствует революция!" и т. д.

12-й листок (печатный) *по поводу дела Мясоедова*. „Товарищи рабочие и солдаты! — говорится в первых строках листка: — преступление русского правительства раскрыто: одной рукой оно бросило перчатку правительству Германии и Австрии, другой готовило измену родному народу. Преследуя интересы буржуазии и помещиков, ища новых рынков сбыта, оно втянулось в кровавую бойню всеевропейской войны. За спиною народа правительства Германии, Австрии, Франции, Англии и России готовили резню народов, взаимное истребление пролетариата всего мира, а теперь... теперь они ведут войну в защиту прав угнетенных национальностей". На примере Галиции показывается, как Россия „освобождает" угнетенные народности, какую свободу им несет. По поводу обвинения прокурором 5-ти депутатов в измене листок говорит: „Нет изменников среди русского народа... нет желающих проливать кровь братьев—пролетариев Германии и Австрии... Таких нет и среди русского народа. Они там—наверху, среди правительства, в министерстве, в блестящих салонах".

Сообщив об измене Мясоедова, П. К. заявляет: „Ответом на это новое преступление... будет усиление борьбы под старым испытанным знаменем пролетариата. Кровавому бреду

и ужасам войны необходимо положить конец, и только международному пролетариату под силу это великое дело, только он превратит кровавую бойню в великую международную битву народа и пролетариата с правительствами эксплоататоров-убийц. В ответ на гнусную измену правительства русский пролетариат провозгласит старые революционные лозунги и под ними пойдет на новый бой с правительством палачей и предателей. Долой царскую монархию! Долой войну! Да здравствует революция! Да здравствует Р. С.-Д. Р. П!"

13-й листок (печатный) озаглавлен „*К печатникам!*" Начинается упреком по отношению к части печатников, которые „должны теперь раскаяться в том, что они, совместно с буржуазной кликой, манифестировали с трехцветными флагами, обрекая на смерть своих товарищей". Далее перечисляется „свободолюбие" царизма в Галиции, мясоедовщина и т. п. преступления власти. Капиталистам, виновникам войны, листок предсказывает гибель: „Они должны потонуть в невинной крови павших жертвами их произвола". В заключение предлагается практическая, революционная работа: „Товарищи! Организуйте по типографиям и мастерским рабочие кружки, выясняйте наступающий момент, читайте литературу по социальным вопросам и ведите социалистическую пропаганду в массах, зовите отсталых товарищей в ряды Р. С.-Д. Р. П., заводите связи с центральной организацией—Петроградским Комитетом!"

14 печатное воззвание: „*Товарищи строительные рабочие.* Настало время борьбы. Весь рабочий класс готовится к бою за свои права и за лучшую жизнь. Только строительные рабочие спят непробудным сном, как будто им живется хорошо. На самом же деле строительный рабочий—настоящий раб: длинный рабочий день, низкая заработная плата, спим на чердаках, в сараях, подвалах, на постройках, на верстаках и под верстаками, вместе с дворовой собакой; едим всякие отбросы, а тело покрываем грязными лохмотьями. Неужели вы можете быть довольны такой жизнью, неужели вы допустите, чтобы она досталась и вашим детям? Взгляните, товарищи, как мы гибнем под тяжким гнетом капитала! Вспомните катастрофы на стройках у Залемана в Петербурге, у Бровкина и Титова в Москве и на многих других, под

развалинами которых похоронена не одна тысяча ваших товарищей! А дети их ходят оборванными и просят корку хлеба, и этих несчастных гонят отовсюду; а если жена буржуа и подаст копейку, то называет себя „благодетельницей". Капиталисты же за наш пот и кровь пользуются всеми земными благами, живут в роскошных дворцах, разъезжают в автомобилях. Для угнетения же трудящихся масс устраивают тресты и синдикаты („союзы и соглашения"). Когда же рабочие пытаются улучшить свою жизнь, продажное правительство ссылает, вешает и расстреливает непокорных. Всю же эту шайку бандитов берет под свое покровительство палач Романов.

„Когда же разрослось рабочее движение и всей шайке вампиров грозила неминуемая гибель, то эти палачи объявили братоубийственную войну, лишь бы спасти подгнивший строй; они призывают забыть внутренние распри с врагами рабочего класса, посылают вас избивать братьев ваших немецких рабочих, которых их правительство так же насильно посылает на эту бойню, как русское правительство вас. Арестуют и высылают наших товарищей, закрывают рабочие союзы и даже избранников народа арестовали и бросили в тюрьму. Продажная же пресса подняла национальную травлю. Объявили бойкот немецким товарам, а капиталисты торгуют ими же, только по повышенным ценам. Наемные же банды правительства устраивают погромы. Когда же стало ясно, что войной не удается избежать новой революции, то правительство спохватилось, что напрасно подралось оно с своим верным другом, на помощь которого оно могло надеяться для подавления революции: стали вывозить последний хлеб в Германию, в то время, как свое население голодает. Когда же этого оказалось мало, начали продавать военные тайны, лишь бы поскорей передушить ненавистным им массы. Был раскрыт заговор, в котором шпионы оказались из ставки главнокомандующего, министерства внутр. дел и юстиции,—всех свыше ста человек, во главе с жандармским офицером Мясоедовым и бар. Остен-Сакен. Вот уже 8 месяцев кровавой бойни, и что же мы видим: горы трупов, море крови, миллионы убитых и раненых, десятки миллионов голодных, а теперь надвигается новый бич — эпидемия, которая начнет косить бедноту... Товарищи! Можно ли дальше

молчать? Нет, товарищи! Настало время борьбы! Организуйтесь в группы и присоединяйтесь к общей массе борющегося пролетариата! Долг наш, товарищи, взяться за святое дело борьбы и крикнуть вампирам: „Прочь ваши кровавые руки! Долой рабские окозы! Долой палачей и предателей! Долой всю буржуазию! Долой самодержавие! Да здравствует обще-европейская революция! Да здравствует Интернационал и федеративная республика Европы!"

15-ая печатная листовка, обращенная специально к „*Товарищам-железнодорожникам*". В первой части железнодорожники так характеризуют свое положение: „В невероятно тяжелое время приходится налаживать нам дело нашей организации! Десять лет правительственной реакции, последовавшей за великой русской революцией 1905 года, в которой железнодорожники сыграли не первую, но решающую роль,— эти десять лет реакции, направленной главным образом против нас и всего рабочего класса, деморализовали весь железнодорожный пролетариат, отняли все наши завоевания. Даже новый подъем рабочего движения 1912—1914 г.г. не мог сдвинуть с мертвой точки застоя железнодорожных рабочих. Перед нашими глазами совершены вопиющие злодейства царского правительства: расстреливали ленских и путиловских рабочих, гноили по царским тюрьмам лучших борцов пролетариата... Не только русский рабочий класс протестовал против варварства царского правительства, но даже европейская буржуазия. А мы, мы—русские железнодорожники, были глухи и немы, как будто это вовсе не касалось нас. И невольно возникает вопрос: кто же мы такие и каково наше положение? Неужели нам так хорошо живется, что мы забыли всякую солидарность с нашими товарищами-рабочими? В то время, когда рабочим частных предприятий предоставлена фиктивная возможность организовываться и путем стачек бороться с капиталистами, правительство отняло у нас и эту возможность. Оно само эксплоатирует нас. Взамен улучшений, обещанных нам, и свободы стачек, оно дало нам 9-ти-часовой рабочий день и столько же сверхурочных за 70—80 коп. для рабочих и 90 коп.—2 руб. для мастеров (но это в сл. тяги,—в сл. пути дело обстоит гораздо хуже: там летом 11-ти-час. раб. день за 80 коп. при всякой погоде); массу бесприютных, калек и

убитых, охранительные комитеты и жандармерию, разные кассы и тресты, которые сдирают с рабочих последнюю копейку; необузданный произвол администрации, доходящий до самодурства". Далее листок переходит к положению железнодорожников уже во время войны: „Теперь же все мастерские и службы железных дорог превращены в сплошную казарму. Всех мастеровых и рабочих заставляют работать чуть не все 24 часа в сутки; для машинистов и их помощников устанавливают 2-х-сменное дежурство; массу служащих откомандировывают и перекомандировывают, так что последние часто не могут денег получить и остаются без жалованья по нескольку месяцев. Бывали даже поэтому случаи голодовок. К тому же, путем вымогательства, с рабочих удерживают в пользу войны. А вверху, как черный призрак, грозит охранительный комитет, облеченный правом подвергать наказанию без суда железнодорожных рабочих. Спрашивается: где же выход найти из этого положения? А выход из него может быть только один: организованная классовая борьба. Только в этой борьбе мы сможем заставить правительство и его приспешников—разных инженеров (занимающихся добровольным сыском и доносом и получающих за все по 4 или 6 кругленьких тысяч в год, не говоря о железнодорожных заправилах)—считаться с нашими интересами". Переходя к войне, листок следующим образом выражает к ней свое отношение и определяет задачи железнодорожного пролетариата: „Нас заставили убивать таких же бедняков, как и мы сами, рабочих и крестьян, рожденных в другой стране. Это война не с германским милитаризмом во имя защиты культуры, как утверждает буржуазия, а с рабочим классом всего мира, цель которой во взаимной вражде порвать международную солидарность пролетариата.

„Правительства воюющих стран никогда не прерывали дружеских отношений между собою, и, в случае революции в одной из них, они всегда соединятся для подавления рабочего класса и трудового крестьянства. Это подтверждает громкое дело полковника Мясоедова, начальника жандармской охраны на прусской границе, полк. Спиридовича—начальника личной охраны царя, ген. Фрейгат, бывшего редактора „Вестника полиции", ген. Фредерикса, барона Карпуса, чиновника болгарск. посольства и 40 офицеров генер.

штаба, продававших русскую армию немецкому правительству. Пусть каждый рабочий подумает хорошенько, где нужно искать наших врагов: среди ли австрийских и германских солдат, или среди русского и германского правительств, всегда проливавших и проливающих нашу рабочую кровь? Пусть каждый рабочий подумает теперь, для чего разгромлены рабочие организации, задушена рабочая печать, осуждены рабочие депутаты? Кому нужна эта кровавая бойня?—Товарищи железнодорожники! В огне и пороховом дыму зреет новая русская революция, и мы должны к ней подготовиться, чтобы в великие дни революции ни один паровоз не двинулся с места!

„Мы также члены „великой армии труда" и будем солидарны с нашими товарищами рабочими".

Листок заканчивается возгласами: „Долой войну! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика, 8-ми часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель! Да здравствует железнодорожная организация!" Подписан: „Петербургская железнодорожная организация Р. С.-Д. Р. Партии".

16-й листок (печатный) начинается словами: *„Товарищи работницы!* Сегодня день нашей солидарности, день, когда женщина-работница, порвав свою вековую цепь покорности, рабства и унижения, гордо встала в ряды международного пролетариата для борьбы с общим врагом—капиталом. Женщины-работницы! Наших сыновей правительство послало на распятие капиталу, так стройте же свои организации, сплачивайтесь на фабриках и в мастерских, в конторах и за прилавками, и первый наш мощный крик бросим в лицо ненасытному капиталу: „Довольно крови! Долой войну! На всенародный суд преступное самодержавное правительство!" Заканчивается провозглашением здравицы международному союзу рабочих и работниц. Листок выпущен от имени „Организации женщин-работниц Р. С.-Д. Р. Партии". Вышел перед „Женским днем".

17-й листок (печатный) посвящен *Ленскому расстрелу*. „Что сделали люди, жизнь которых так безжалостно растоптало русское правительство? В чем их вина?—спрашивает листок, напоминая о преступлении царизма.—В том, что заброшенные на берега далекой Лены, они объявили забастовку,

предъявив Ленскому Золотопромышленному Товариществу ряд экономических требований". Переходя к переживаемому моменту, листок заканчивается: „Снова льется кровь миллионов рабочих и крестьян. Народные массы находят себе кровавую могилу на полях многочисленных „фронтов" всемирной войны. Но вместе с тем растет и недовольство масс. Становится очевидным, что, помимо стремлений господствующих классов к захвату и грабежу вражеских территорий, одной стороной война направлена против рабочего класса и демократии всех воюющих стран. Гражданская война, война пролетариев и демократии против господствующих классов собственной страны — лозунг революционных соц.-демократов в настоящий исторический момент. Борьба с русским правительством—задача российского пролетариата. Чествование памяти ленских жертв есть один из этапов этой борьбы. Товарищи рабочие! Празднуйте день 4 апреля! Да здравствует однодневная стачка! Устраивайте митинги, демонстрации, клеймите предательскую и антинародную политику русского правительства! Укрепляйте Р. С.-Д. Р. П.".

18-й листок (печатный) озаглавлен „*Пролетариат и война*" Определив империалистический характер войны, ведущейся из-за приобретения новых рынков сбыта, завоевания новых областей приложения капитала, П. К. говорит: „Напрасно буржуазные „патриоты" всех воюющих стран вопят, что на их отечество напал коварный враг, что им надо защищать родину... Все буржуазные правительства одинаково повинны, ибо каждый готовился к войне и каждый ждал момента, когда можно схватить соперника за горло. Старание же свалить ответственность на врага есть лишь гнусное лицемерие.

„К сожалению... не только серая масса крестьянства поверила тому, что капитал есть отечество, а сокращение прибыли капиталистов равнозначит гибели культуры: но и Второй Интернационал, который долго держал знамя революционного пролетариата, в лице представителей виднейших социалистических партий, оказался в хвосте шовинистически настроенных господствующих классов. Соц.-дем. Германии, Франции, Бельгии и Англии, не оказав перед началом войны должного сопротивления правительствам своих стран,

дали им деньги на ведение братоубийственной для пролетариев бойни.

„...Оппортунистические вожди западно-европейского социализма растоптали красное знамя революционного пролетариата... В Бельгии и Франции они даже вошли в министерства... жалкими фразами „о защите отечества“ силятся они прикрыть измену социализму. Нет оправдания социалистам, создающим теории взаимного истребления друг друга рабочими разных стран. Действительность оправдала взгляд революционных с.-д., указавших на растущую опасность оппортунизма. Наши русские оппортунисты не остались в долгу перед своими собратьями в Европе. „Непротиводействие войне“—вот какая позиция наших социал-патриотов.

„Соц-дем. оставшиеся верными знамени международного социализма, знают и ни на минуту не забывают, что международное братство рабочих есть необходимый плод развития современного общества, есть залог победы рабочего класса над капиталистом... На смену погубленного оппортунизмом Второго Интернационала идет Интернационал революционного пролетариата“.

19-й, *первомайский листок П. К.* (печатный).

„В день 1-го мая глубже сознавал каждый пролетарий, что залог пролетарской победы—крепкая международная солидарность и неизменная верность пролетарским лозунгам. В огне и пороховом дыму испытывалась международная солидарность пролетариата. Но большинство пролетарских вождей поддалось волне националистических страстей и, как последний шаг по этому позорному пути, они отказались от празднования 1-го мая. Лишь Либкнехт, имя которого не забудет мировой пролетариат, и немногие его товарищи остались верны своему знамени и открыто заклеймили постыдную роль вождей воинствующей с.-д.

„С прежней верой в победу, со старыми испытанными лозунгами, с прежней силой российский пролетариат должен праздновать 1-ое мая. Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует 2-я российская революция! Да здравствует 8-ми-часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель!

20-й, *по поводу созыва Госуд. Думы* (печатный):

„...„Устои“ трехсотлетней романовской монархии начинают колебаться,—правительство ищет поддержки в „общественном мнении“ и для этого созывает Государственную Думу... От кадетов, бесповоротно устремившихся в министерские передние, и до крайних правых, празднующих теперь праздник на своей улице,—все объединились на лозунге: „бей немцев“. У всех оказалась одна и та же сущность, одни и те же стремления к безудержному грабежу и подавлению „враждебных“ наций, одни и те же захватно-шовинистические инстинкты империализма. Угодливость слуг превысила ожидание хозяев.

...„Единство общественного мнения“, „единение правительства и общества“ будет провозглашено, и очередной подлог совершится. И лозунги зверского национализма, брошенные с трибуны российского „парламента“, снова огласятся по всей стране. Но народ и его передовая часть—пролетариат—не примет участия в этой комедии. Наших представителей в Думе нет. Царизм позаботился убрать их туда же, где томятся и еще многие борцы за пролетарское дело и свободу страны. Оставленные царизмом для декорации депутаты, считающие себя социал-демократами,—Чхеидзе и его товарищи,—не представляют российского пролетариата; своими выступлениями, участием в думских комиссиях, попечительствах, в кадетском союзе городов и нежеланием считаться с мнением организованного пролетариата они поставили себя вне рядов социал-демократии... В день, когда с трибуны Гос. Думы будут раздаваться призывы к дальнейшей борьбе, нагло называемой „защитой отечества“, мы должны крикнуть: „Довольно крови! Долой войну! Долой романовскую монархию! Долой разбойников, палачей и предателей! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!“

„Итак, товарищи, в день 20 июля мы призываем петербургский и российский пролетариат активно высказать свою волю стачками, митингами и демонстрациями“.

2-я годовщина (4-го июля) расстрела Путиловских рабочих (гектографированный). В листке описывается, что происходило в течение текущего года. „Вся буржуазия, во главе с Марковым и Пуришкевичем, Гучковым и Милюковым встала на подмогу правительству“. Рабочие были против

войны. „Царское правительство хорошо знало, кто из думской фракции действительно двигает могучий поезд пролетарского движения. И вот начинается пошленький фарс царского суда: оклеветание рабочих депутатов в измене, осуждение в Сибирь... Кто положил миллионы русских солдат на полях Польши и Галиции за свободу буржуазии? Кто под видом мобилизации промышленности организовал всероссийский союз капиталистов для закабаления рабочего класса? А Р. С.-Д. Р. Партия по-прежнему беззаветно предана рабочему классу и готова до конца биться с угнетателями страны... Пусть день 4-го июля будет днем укрепления и расширения Р. С.-Д. Р. Партии, основанием железного фонда нелегальной рабочей печати и созданием нелегальных профессиональных союзов".

22-й листок (печатный) *районного комитета* (какого, не названо), *по поводу годовщины ленских событий*. Кончается словами: „Перед готовностью страдать за светлое царство социализма никогда не остановится русский пролетариат, не остановится и пред ужасами настоящей войны, не остановится до тех пор, пока не проведет в жизнь свои заветные лозунги. Долой войну! Да здравствует 2-я революция, российская демократическая республика, 8-ми час. рабочий день, конфискация помещечьих земель, международная солидарность рабочих и социализм!"

23-й листок (печатный) *группы древообделочников при П К.*, начинающийся словами: „*Не далек момент грядущей революции*". В листке говорится „о бойне народов, предпринятой во имя интересов кровавой буржуазии... Необходимо вмешательство самого рабочего класса в гнусную комедию русской действительности. А для этого нужна прочная организация рабочего класса, которая одна может положить конец насилию, чинимому русской монархией... Наш святой долг, товарищи, объединиться под знаменем борьбы революционной социал-демократии и дружно, железной стеной, встать на защиту попранных прав угнетенного русского народа, давно стонущего под беспощадной тиранией монархического строя, который плывет на золотом корабле русской буржуазии по безбрежному морю крови и слез народных. Мы пойдем и дальше, мы приложим все усилия для создания нового международного объединения рабочих

всех стран... Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует 2-я росс. революция! Да здравствует 8 ми час. раб. день и конфискация помещичьих земель! Да здравствует III-й Интернационал, соединенные республиканские штаты Европы, социализм!"

24-е гектографированное *„Письмо рабочего" по поводу распоряжений Николая Николаевича.* „Доблестный князь Николай, от имени своего правительства, даровал одну из обещанных своих свобод—свободу расстрелов рабочего класса".

„Кому вы рассказываете свои басни о „немецких деньгах и агитаторах"? Если рабочему классу, так он только посмеивается над вашим завиральем, так как эти агитаторы работают рядом с ним за одним станком, а „немецкие деньги" рабочие урывают из своего скудного заработка. Быть может, вы хотите скрыть, что Россия подготовляется и уже накануне второй революции? Или ваша светлость мечтает этой ложью закрыть глаза многострадальной русской армии и сдержать штыки, уже оборачивающиеся на вас, истинных виновников варварской войны?" Кончается письмо рабочего опять-таки „тремя китами".

Кроме этого было выпущено несколько прокламаций, наказов и резолюций, посвященных вопросам войны, в связи с выборами в Военно Промышленные Комитеты.

Большинство прокламаций и др. изданий Петербургского Комитета писалось нашими нелегальными работниками-пролетариями. Многочисленные литераторы, журналисты и прочие газетные работники не подходили к нелегальной работе на пушечный выстрел, бежали от нелегальных своих товарищей, трусили за маленькое благополучие, „завоеванное" ими в „Земсоюзе" или „Согоре". Одно время работники П. К. замышляли обратиться к этой писавшей братии с особым ультиматумом: работать или быть под бойкотом, когда откроется свободная возможность называться „редактором" пролетарской газеты или сотрудником за строчку. Но эта мысль, к сожалению, не была приведена в исполнение.

В то время, когда оппортунисты—„новоздевцы", „потресовцы", „плехановцы" и т. п.—мобилизовали в работу все свои силы, всю патриотическую интеллигенцию,—Петербургский Комитет нашей партии ощущал большой недостаток в интеллигентных работниках. Бывали времена, когда некому

было составить порядочный нелегальный листок,—составить для собраний доклад и т. д. И это было в то время, когда Питер кишел литераторами и интеллигентами-правдистами. Я решил мобилизовать всю „правдистскую“ интеллигенцию и заставить ее работать. При помощи Н. И. Подвойского, работавшего в стат. отд. Союза Городов, устроил собрание интеллигентов в его кабинете на Невском в доме № 3. Собралось всего человек шесть, в том числе т.т. Винокуров, Еремеев, Гневич, Подвойский.

Попытки привлечь хоть к какому-нибудь делу Авилова, Данского, Рябинина, Стеклова, Бонч-Бруевича и др. не дали желанных результатов. Многие из них были заняты „своими“ делами, другие занимали „важные посты“ в различных учреждениях, работавших на войну. Выяснилось, что многие товарищи из бывших сотрудников „Правды“ изрядно отстали от партийной жизни рабочих районов, да и не выказывали желания познакомиться с ней. Одни интеллигенты „страховики“ еще имели кое-какую партийную связь; остальные же были задавлены и работой и тяжелой атмосферой общественной реакции. На содействие с их стороны рассчитывать не приходилось. И из многочисленной когда-то массы интеллигентов „правдистов“ к активной работе легко удалось привлечь только К. М. Шведчикова, взявшего на себя финансовое дело, транспорт и хранение литературы. Н. И. Подвойский, А. Н. Винокуров, С. Т. Гневич и др. использовывались от случая к случаю, так как работали по страхованию. К. С. Еремеев вскоре должен быть скрыться.

XXVI.

Через свои личные знакомства, оставшиеся со времени моей работы в Питере в 1914 году, связался с некоторыми группами рабочих. Устраивали собрания, на которых обсуждалось международное положение, отношение к войне, задачи рабочих в России и т. п. вопросы. Шовинизм хотя и туго, но делал свое дело. Ему поддавались даже старые рабочие большевики. Так мои приятели с зав. Айваза устроили у т. Н. Назарова маленькое собрание, на котором были товарищи: М. Калинин, „Кирилл“, (Орлов) и другие, имен коих уже не помню.

Старый работник, М. Калинин откровенно выступил за „раз-

гром" немцев и соглашался с позицией гвоздевцев в вопросе об участии „в обороне". Однако его позиция не находила сторонников среди других рабочих; но лозунг „поражения царской монархии" вызывал кривотолки. Приходилось объяснять и толковать его исторически, рассматривать в связи с нашим отношением к политике царизма, как внутри страны, так и в международном отношении, и очищать от пораженческой, стратегической спекуляции на этом лозунге врагов нашей партии и агентов германского генерального штаба.

Среди рабочих эриксоновцев встретил группу товарищей, во главе с т. Каюровым, ведшую работу на том же заводе. Война вызвала к жизни в районе много новых предприятий, вовлекла массу женщин. Среди них также велась революционная с.-д. работа. В том же Выборгском районе встретил оригинальный рабочий кружок „нижегородцев-сормовичей"—Д. Павлова, А. Куклина, Каюрова, Александрова и др., работавших „самостоятельно". Этот кружок объединял старых партийных рабочих, которые стояли на интернациональной позиции, но не связывались с Петербургским Комитетом из опасения провокации. Стоило больших усилий, чтобы склонить его на активную работу в районах. В этом отношении большую роль сыграла М. Г. Павлова, довольно резко и метко критиковавшая „сормовичей" за их „слезы" у А. М. Горького и любовь к слову... В конце концов товарищи подошли вплотную к работе, и своим опытом оказали, в дальнейшем, громадные услуги по организации партии.

Несколько раз я был на рабочих собраниях у лесснеровцев, нобелевцев. Собирались небольшими группами по 6—8 человек. На собраниях организованных товарищей, а также и от членов П. К. приходилось выслушивать много недовольства поведением на суде нашей, бывшей тогда уже в ссылке, думской фракции. Особенно резко товарищи осуждали поведение Каменева. Имена депутатов, пострадавших за антимилитаристскую работу, в массах пользовались популярностью. Это удалось установить и на деле. Мне пришлось получить открытку со снимком нашей „пятерки". Я устроил переснимок и организовал массовую продажу. Фотограф нашелся на Стеклянном (т. П. И. Коваленко), и в течение короткого времени удалось нелегально сфабриковать

несколько тысяч открыток, которые быстро раскупались и приносили организации доход.

Насколько легко удавалось собрать рабочих, настолько же трудно было собрать Петербургский Комитет. Все мои просьбы о пленуме П. К. оказывались напрасны. Мне почти всегда приходилось видеться первое время, до его ареста, с Богдатьевым, а после со Старком, редко с „Владимиром" или кем-нибудь еще. О собрании пленума по моей явке меня извещали за час-два, хотя было условлено предупреждать за 12, или за 24 часа перед собранием. Иногда, почему-то, явкой не пользовались, а искали меня по районам. Все делалось с умыслом — поссорить меня с П. К., которому „мироновцы" заявляли, пользуясь моим отсутствием, что я не хочу иметь с ним дела. От имени Петербургского Комитета Богдатьев и Старк предъявляли мне требования—под предлогом моего провала или еще каким-либо—передать в их руки пути и средства связи с провинцией и за-границей. От других же членов П. К. я узнал, что подобный вопрос ими даже и не обсуждался. Я чувствовал, что через них действует и чрезвычайно искусно — Мирон Черномазов и категорически отказал, указав на связь и посредников, при помощи которых они смогли бы найти все, в случае моего провала. Это очень не нравилось Старку и другим, стоявшим за выделение Бюро Центрального Комитета из состава самого Петербургского Комитета, и поэтому продолжали свое плетенье интриг в П. Комитете.

После ознакомления с работою Петербургского Комитета и с его работниками, приступил к подысканию работников для создания общероссийского Центра, способного обслуживать и руководить социал-демократической работою в России.

По уговору с заграничной группою Центрального Комитета, решено было создать в Питере или в Москве Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. Партии. Мне было дано несколько имен партийных рабочих.

В это Бюро желательно было ввести только рабочих, старых партийных работников и „правдистов". Из лиц, указанных заграничною группою центра, в Питере никого не оказалось, или были, но не стояли на нашей позиции. Было бы очень легко возложить эту работу на Петербургский

Комитет. П. К. являлся идейным центром работы в России с самого первого дня войны; но организационно имел лишь связи с некоторыми из крупных промышленных центров, не имея возможности вести там работу. Однако, из соображений элементарной осторожности, а также из опасений, что работа Бюро Центрального Комитета станет известна Мирону Черномазову, я решил не связывать работу по всей России с аппаратом Петербургского Комитета.

Людей, могущих обслуживать работу Бюро Ц. К. я нашел быстро. В подборе этих людей большие услуги оказывала организации учащаяся молодежь, а также Мария Ил. Ульянова и А. И. Елизарова. Скоро удалось создать группу товарищей, специализировавшихся на вывозе литературы из Финляндии и на хранении ее. Расширению работы Бюро Ц. К. мешало отсутствие средств. Поступлений с мест не было, предприятий никаких не организовали, сборы среди рабочих даже для Петербургского Комитета были поставлены очень плохо. Часто прибегал к помощи А. М. Горького и получал от него денежную поддержку нашей работе.

К. М. Шведчикову приходилось ведать и делами по транспорту, и заведывать хранением литературы, а также исполнять обязанности казначея. Лишь много времени спустя удалось привлечь хорошего конспиративного работника т. Вадима (Виктора Тихомирова), который взял долю работы, несомой К. М. Шведчиковым, на себя.

Наладив аппарат Бюро Ц. К., намечаю и товарищей, которые смогли бы взять на себя руководство нелегальной работой. Подбирать приходилось весьма осторожно, да и круг товарищей, могущих отдаться этой работе, был до крайности ограничен. Многие с.-д. рабочие довоенной эпохи были в ссылке, сидели по тюрьмам или находились в окопах.

О составе Бюро Ц. К. договорился с отдельными работниками Петербургского Комитета: т.т. Игнатом Фокиным, работавшим под кличкою „Петр“, Залежским (нелег. кличка „Владимир“) и с работниками рабочей страховой группы. Страховики выдвигали С. Медведева, но не могли указать его местопребывания, и кандидатом к нему наметили председателя страховой группы Г. И. Осипова. От Петербургского Комитета входили, на правах кооптации, т.т. „Петр“ и „Вла-

димир". К. М. Шведчиков входил, как ответственный работник по хранению и распределению литературы, а также и как казначей.

Доставка литературы налаживалась: к концу 1915 года в Питере были получены 15 номеров (от 33 до 47 включительно) „Социал-Демократа" в количестве нескольких сот экземпляров и небольшое количество журнала „Коммунист" № 1—2. Конечно, этого было слишком недостаточно, чтобы удовлетворить даже самые минимальные требования одного Питера, не говоря уже об остальной России. Поэтому на почве распределения, которым ведал К. М. Шведчиков, было очень много недоразумений, обид и жалоб. Поставить транспорт или перепечатку и удовлетворить весь спрос мы не могли за отсутствием средств.

Поставив работу Бюро Ц. К., а также транспорт и пересылку за-границу, решил объехать хоть некоторые пункты центральной России и посмотреть на месте нашу партийную работу. В конце декабря выбрался в Москву. В этом городе Сорока-Сороков я не был уже более восьми лет, со времени отсидки в Бутырках и в каких-то частях. Лицом она изменилась мало.

Явку имел к Петру Гермогеновичу Смидовичу. У него же нашел и приют, перебираясь на ночь в соседнюю квартиру. И он, и его жена Софья Николаевна вели партийную работу и состояли под весьма усердным наблюдением охранки. В этот приезд познакомился с И. И. Скворцовым (Степановым). Там же встретил тов. Милютина, взявшего на себя работу в Поволжье и товар. М. А. Савельева, приехавшего с фронта. Устроили небольшое собрание у доктора Обуха, на котором были: т. „Макар" — В. П. Ногин, М. С. Ольминский, Яковлева, П. Г. Смидович и некоторые другие москвичи. Предположение создать Всероссийское Бюро Центрального Комитета эти товарищи встретили весьма радушно. Познакомил собравшихся с положением дела за границей, в партии, и с работою в Питере.

От товарищей москвичей узнал многое о состоянии партийной работы в области и о рабочем движении в том же районе. Патриотическая и шовинистическая агитация, ведшаяся от начала войны всей буржуазной прессой, привела в мае к погромам немцев и немецких фирм. Московские рабо-

чие легко поддавались патриотической провокации и устроили стачку протеста против „немецкого засилья". Уровень сознательности московских рабочих был значительно ниже уровня питерских.

Москва становилась центром всяческих легальных съездов: кооперации, военно-промышл. комитетов, по борьбе с дороговизной и т. п., в которых принимали участие и рабочие; иногда выносили резолюции в интернационалистическом духе,—например, на съезде по борьбе с дороговизной.

Во всех районах Москвы велась с.-д. работа нашей партии. Однако все попытки объединить эту работу и централизовать путем создания единого для всей Москвы партийного комитета не удавались. Как только наши товарищи начинали вести в этом направлении свою работу, созывали конференцию, намечали „Московский Комитет"—так следовали аресты, и всякая деятельность нарушалась. Такое положение дела указывало на работу провокаторов. Москвичи чувствовали это, некоторых и подозревали, но вскрыть не могли за отсутствием точных данных.

Июль и август 1915 г. прошли в Московском промышленном районе довольно бурно. Движение началось на почве борьбы с дороговизной путем введения такс, но закончилось революционным выступлением, окончившимся в Орехове и Иванове расстрелами рабочих. Повсюду происходили митинги, массовки. Движение в Москве совпало с роспуском Г. Думы, и это дало повод думать, что московский пролетариат поддерживает прогрессивный блок.

Московский район был богаче питерского интеллигентными работниками и литераторами. Но все эти силы, благодаря отсутствию централизованного партийного аппарата, использовывались очень слабо, от случая к случаю.

В Москве от т.т. Ольминского и др. сотрудников питерской „Правды" я также получил предупреждение о Черномазове, но опять без конкретных данных. Все же решил, по возвращении в Питер, поставить еще раз в известность об этом Исполн. Комиссию П. К. и настоять на удалении „Мирона" от „Петербургского Комитета".

Литературе москвичи были очень рады и так же, как питерцы, читали нарасхват. Журнал „Коммунист" читался по записи в очередь и даже приносил доход.

Получив сведения о работе, установив связь, а главное договорившись об основной линии работы, двинулся дальше, на Муром, по Казанской ж. д. Однако в родном городке не рискнул остановиться, проехал дальше, до Навашина и оттуда, на лошади, с большими предосторожностями, добрался до Досчатого, где жила моя старушка-мать.

Завод „Досчатое"—захолустное отделение металлургических Выксунских заводов—жил в тиши и дали от всякой политики. На заводах работали женщины да старики, безропотно, покорно гнули спины за нищенское жалованье, не считаясь с длиной рабочего дня. Мои родные—все старообрядцы—жили только интересами своей веры и своего хозяйства. С того времени, как прекратилось преследование старообрядцев—молелен, книг и икон,—число сторонников начало падать. „Пострадать за веру" было уже трудно. Богатеи уже приспособились к начальству и не было прежней, знакомой мне по детству, психологии борьбы терпением, страданием, молитвой и постом. Молодежь покинула моленье, и не слышалось более унылых напевов „Пророки пророчили за тысячу лет" и т. д.

Чувствовал себя в этой среде, как в другом мире, далеком, непонятном. Только воспоминания о днях детства связывали меня с грязной сажалкой, огромным чистым прудом, загадочным вечно-шумящим лесом; да иконы своей строгой, „древлей" живописью напоминали мне о горячей любви и вере в бога, желанье быть проповедником ученья его и пострадать за любовь, веру и старую священную книгу. Отношение ко мне, гонимому царским правительством, было очень хорошее. Чувствовалось у стариков, что лучшие моменты борьбы с попами, становыми и т. п. начальством „за веру" роднили их молодость с моей.

Пробыв несколько дней, выбрался опять на „Навашино" и оттуда через Арзамас в Нижний, Сормово. В этом районе я надеялся найти старых работников периода 1902—1905 годов, но на всякий случай захватил в Москве связи. Железная дорога уже в этот год страдала от переполнения. На пересадочных пунктах также дневали и ночевали толпы пассажиров, солдат; такая же давка была при посадке, еле сдерживаемая жандармами и железнодорожной охраной. Разговоры пассажиров и пассажирок, главным образом жи-

телей крестьянской Руси и мобилизованных, вращались вокруг всеобщего горя—войны.

В Нижний прибыл ранним утром. Оставив багаж на хранение, отправился на поиски товарищей. С первых же шагов от вокзала бросалось в глаза непосредственное запустение на улицах: много снега, не метено, не чищено. Все это—влияние войны. Огромные мельницы, моловшие „пшеничную" на всю центральную Россию, стояли без признаков жизни. Громыхали и строились новые заводы только снарядные, обозные и т. п. утвари. Был еще только январь 1916 года, но уже чувствовался недостаток в хлебе: запасливые начинали прятать, спекулировать.

Товарищей по связям нашел скоро. Один работал в какой-то конторе, а т. Савельева служила в статистическом отделе земской управы. Организация в Нижнем была слабая. Вся работа велась главным образом в Канавине, где имелись несколько эвакуированных и старых крупных фабрик и заводов. Был „рабочий клуб". Познакомился с некоторыми канавинцами у т. Левита, мелкого столярного мастера. Во главе канавинской работы стоял т. Козин. Он поддерживал связь с сормовичами. Работа налаживалась, но уже приходилось встречаться и вести борьбу с социал-патриотами. От нижегородцев получил адрес в Сормово.

В один из новогодних праздников направился в Сормово по железнодорожной линии, которая связывает заводский поселок, село и притягивает к шумному и разгульному Канавино. В Сормове я работал в 1900 году в Полускатном цехе. Завод принадлежал тогда фирме бр. Бенардаки. За полтора десятка лет поселок и завод значительно выросли. Завод расширился, уничтожил много кварталов в селении по „Канаве", разросся и в сторону бывшей деревянной ж.-д. станции. По внешнему виду было заметно, что дела завода прекрасны.

При свидании с сормовичами произошла непростительная путаница. Нижегородцы мне дали неверный пароль, и это задержало наше свидание на целый день, пока сормовичи не навели справки в Нижнем. Работа в Сормове тормозилась арестами. Как раз в дни моего приезда происходили массовые обыски и аресты. Работники были новые, малоопытные. Из старых, испытанных рабочих никого не

осталось. На другой день устроил маленькое собрание, на котором я сделал товарищам сообщение о положении дел в Партии, о работе в Питере, в Москве и о положении в других странах. С своей стороны сормовичи мне сообщили, что работа налаживалась: организовались кружки, устраивались собрания. Ощущался недостаток в руководителях, особенно, когда приходилось выступать против местных оборонцев, засевших в больничной кассе. Их влиянию подпадал пришлый, деревенский люд, работавший во время войны в огромном количестве. Была большая нужда в литературе, и товарищи были рады моему присыду.

В Сормове отыскал одного из старых рабочих социал-демократов, с которым я работал в 1900 году. Нашел его в собственном маленьком домишке, в кругу семьи, постаревшим. Энергичный товарищ М. Громов много испытал на своем веку. За с.-д. работу его изгоняли много раз из завода, таскали по тюрьмам, высылали и т. п. Лишения убелили его голову сединами, но в то же время сделали его из активного партийного работника только „сочувствующим“ всей душой работе молодых, свежих сил.

Другой тов. Гр. Козин жил в Нижнем, в знаменитых Печорах. С этим товарищем я провел добрые полгода в тюрьме еще в 1904 году и с того времени не виделся. Старого работника задавила жизнь: забота о семье, безработица, голодуха. Даровитый пропагандист, хороший организатор совершенно отстал от дела, сожалел, мучился, но выход видел только в притоке свежих сил. И последние не заставили себя ждать. Красное знамя рабочего движения переходило из ослабевших рук стариков революционной борьбы к молодому, более энергичному поколению рабочих.

Аресты в Нижнем усиливались. Набегом жандармов был разгромлен Канавинский рабочий клуб. Мне предложили исчезнуть, так как не было достаточно „чистой“ ночевки. Собрав кое-какие сведения, взяв адреса и условившись о пароле, отправился прямо в Питер.

XXVII.

Несколько на отлете от Петербургского Комитета стояла наша группа страховиков, как-то: страховая рабочая группа,

во главе с председателем Г. И. Осиповым, сотрудниками журнала „Вопросы Страхования“ и работниками больничных касс: А. Н. Винокуров, Гневич, Подвойский Н. И., Еремеев К. С., Милютин Н. А., Сундуков, К. М. Шведчиков, А. И. Елизарова и др. Вскоре это ненормальное положение между страховиками из „Вопросов Страхования“, рабочей страховой группой, с одной стороны, и Петербургским Комитетом, с другой, перешло в открытый конфликт. Петербургский Комитет образовал „свою“ группу страховиков из секретарей больничных касс. Душою этой новой организации был Лесснеровский секретарь больничной кассы — „Мирон“, он же Черномазов. Среди некоторых рабочих Выборгского района он был популярен и имел поддержку. Петербургский Комитет также оказывал ему доверие и за него стояли горой Л. Старк, С. Богдатьев, В. Шмидт и др. Сотрудники нашей бывшей „Правды“ (1914 г.), старые работники страховики, а также все товарищи, близко знавшие „Мирона“, питали единодушное недоверие к Черномазову. Оторванность товарищей страховиков от Петербургского Комитета была результатом этого недоверия к Черномазову и несогласия с его демагогической деятельностью. Все старые страховики заявляли, что не могут работать совместно с ним.

С первых же дней моего приезда попадаю в склоку. Однако мне вскоре удалось выяснить, что „Мирон“ личность непорядочная и подозрительная. После этого я стал целиком на сторону старых страховых работников. Последние ждали от меня и настаивали на принятии против „Мирона“ каких-либо мер; но мне было очень трудно предпринять что-либо, так как материала против Черномазова, кроме внутреннего убеждения в непорядочности этого человека, не было.

Борьба с влиянием „Мирона“ и его участием в организации приняла затяжной характер, так как я был один, среди нелегальных работников, ведший борьбу с ним и с его сторонниками в П. К.

Все мои заявления и сомнения относительно Черномазова, высказанные Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета, вызывали протесты и требования доказательств. Довольно двусмысленную роль в этом деле играл В. Шмидт, поддерживавший, при личных свиданиях со мной, все мои

подозрения и сомнения относительно Черномазова, а на заседании П. К. или за моей спиной он поддерживал того же „Мирона".

Помимо обычных коллегий и районных объединений нашей партии, в Петербургский Комитет входили различные экстерриториальные группы, иногда по профессиональному признаку, как-то: „марксисты-строители", „Петербургская железнодорожная организация Р. С.-Д. Р. П." и т. п. Эти группы также издавали листки и вели партийную работу в своей среде.

При моем личном участии были попытки организовать учителей, но не дали больших результатов. Учительство омещанилось и не откликалось на призывы к революционной работе. Среди учащихся в высших учебных заведениях работа шла успешно: были созданы серьезные организации, помогавшие работе в рабочих районах. Молодежь по-прежнему была отзывчива и революционно настроена.

После выборной кампании и, несомненно, как прямое следствие нашего успеха на собрании выборщиков в Военно-Промышленные Комитеты, охранка проявила необыкновенное усердие в преследовании и вылавливании большевиков. По всему городу и по рабочим районам особенно производились аресты. Особенное внимание было обращено на больничные кассы. Часто бывали облавы на Путиловскую больничную кассу. Были некоторые указания на причастность к этим арестам Мирона Черномазова. Однако, все данные были „наводящего" порядка. Шли какие-то слухи и из тюрьмы, но не в определенной форме, а как подозрение. Интриги Черномазова против „Вопросов Страхования", его стремление посеять розвь между мною и Петербургским Комитетом бесповоротно убедили меня, что этот „Мирон" является типом в высшей степени подозрительным. Стремление всюду пролезть, все знать и всюду быть представителем, внутренне убеждало меня, что Петербургский Комитет в лице Мирона имеет дело с провокатором. Л. Старк вел дружбу с этим человеком, совместно с ним организовал свое издательство— „Волна" в то время, когда у нас не были еще ликвидированы „Прибой" и „Просвещение".

Старк вел себя удивительно легкомысленно и подозрительно. Прежде всего, нарушал элементарное условие не-

легальной партийной работы—конспирацию: стремился работать при нелегальном „Петербургском Комитете“ и одновременно в „Издательстве“, в „Вопросах Страхования“ и т. д. Пренебрегал самыми элементарными мерами предосторожности. Водил за собой, по известным ему явочным адресам филеров. Благодаря этому и он был взят нами также на подозрение.

При первом же свидании с членами П. К. я сообщил подозрение москвичей относительно Мирона, а против Старка протестовал К. М. Шведчиков, занимавшийся транспортом и хранением литературы. Старк систематически нарушал запрещение К. М. ходить к нему и посылать лиц, за коими заведомо имеется шпионское наблюдение. Исполнительная Комиссия решила принять меры и довести до сведения П. К. Я потребовал, чтобы меня пригласили на заседание П. К.

В начале января 1916 года я познакомился с бывшим депутатом III Гос. Думы, Шурановым, работавшим у Айваза. У Шурканова бывали явки, свидания работников. Тов. „Юрий“ (Лутовинов) во время своей работы в Питере, постоянно проживал у него. Иногда у него бывали обыски и часто наружные наблюдения. Однако удобное расположение дома позволяло товарищам заглядывать к Шурканову, несмотря на опасности, и пользоваться его услугами. Однажды, идя на свидание с Орловым, у Шурканова я встретил тов. Горина Алексея (он же Волков, Воробьев и т. д.), который в странной форме предупредил меня против квартиры Шурканова, заявив, что—„этот дом—фонарь для охранки“, обещая дать сведения впоследствии.

Но Алексею Горину не удалось дать мне сведений о квартире Шурканова. Вскоре произошел в Питере крупный провал старых партийных рабочих, числом человек одиннадцать, собравшихся по инициативе Алексея Горина под новый год, в одном из ресторанов на Петербургской стороне. Собрание состоялось вопреки моему совету и личному отказу принять участие в беседе. Эти товарищи своим легкомыслием, как будто шли навстречу аресту.

Среди партийных работников вообще наблюдалось падение старых заветов конспирации. Бывали случаи, когда при встрече с товарищами на улицах Питера я замечал за ними шпионов, предупреждал и давал советы, как избавиться.

Лично у меня чуткость к слежке развилась невероятная. Однако, несмотря на осторожность, с которой я посещал товарищей, слежки мне все же не удалось избегнуть. Работы было так много, посещать приходилось такое количество лиц, что трудно было избежать наблюдения. Я инстинктивно чувствовал не только шпиков, идущих позади меня, но и следивших за мной в определенных местах, как-то: у остановок трамваев, на мостах, тропинках Выборгской стороны, и никогда не приводил их к квартире, в которую шел. Приходилось прибегать ко всяческим уловкам: пользоваться проходными дворами, пробираться по чужим лестницам, дворам, тропкам и т. п. Имел уже свои „правила“:—на одной квартире не ночевать дважды кряду; по одной дороге не ходить более одного раза, менять шапки, пальто. Знание рабочих районов Питера мне очень помогало. Долго существовать при таких условиях все-таки было, конечно, трудно. Одни „ночевки“ на каждый день, среди новых людей, в новых условиях, страшно утомляли. Устав от шатаний по чужим квартирам, я направлялся к своим родным сестрам на Стеклянный. Там, где меня могли найти по ордеру охранки, я все же мог устроиться с отдыхом лучше, чем в других местах. На мое счастье, сестры жили неподалеку друг от друга. Идя на „отдых“, на день, два, я соблюдал большие предосторожности: не садился на паровичек, но шел по мостовой Шлиссельбургского проспекта; избирал такие пути, где было легко проверить, есть ли наблюдения. Дойдя до жилья одного зятя, И. П. Тютерева, я пользовался своими сестрами, племянниками и племянницами, для установления контрнаблюдения за шпионами. Зайдя днем в один дом, на ночь перебирался в другой и выходил в таких случаях только вечером. Многих из следивших за мной шпиков знал по физиономии, по одежде. Особенно удобной квартирой была фотография И. И. Коваленко, около церкви „Скорбящей“ на Стеклянном. Дом не имел швейцара, дверь не запиралась, в фотографию ходило много посетителей, а остановка трамвая и соседство церкви обеспечивали возможность, при выходе, затеряться в толпе.

Весьма милую ночевку и отдых я имел у Д. А. Павлова. Здесь можно было и отдохнуть, и устроить свидание с кем-либо из нужных товарищей, а также знать о положении

дел всего района. На эту квартиру я мог приходить в любой час ночи. В минуту трудную, когда одолевали, в ночную пору, шпионы, я находил приют у айвазовского рабочего Н. И. Назарова, жившего в „Гражданке", за Политехническим институтом. Нередки были случаи, когда филеры усиленно преследовали меня, неотступно следуя за мной по пятам целыми вечерами до глубокой ночи. Тогда, как травимый зверь, я стремился в надежное убежище, в квартиру Никиты Ивановича. Ход туда был через рощу, куда уже не рисковали переступать шпионы и филеры.

XXVIII.

Большое содействие в работе мне оказывал Алексей Максимович Горький. У него я черпал сведения из мира правящих, а также и о работе, заботе и думах демократической интеллигенции, которую Алексей Максимович старался притянуть к революционной, антицаристской работе. У него же иногда устраивал я встречи с нужными лицами. Познакомился с Иваном Павловичем Ладыжниковым, через которого, чтоб избежать шпионов, Алексей Максимович Горький передавал мне сведения, материалы, а иногда и деньги. У И. П., в его квартире, частенько я находил также и приют. У Горького встретил и познакомился с интернационалистом Сухановым. Через собрания у А. М. удалось привлечь к партийной работе целый ряд рабочих, отставших от революции ценных работников. От него же я получил чрезвычайно ценный и обширный материал о погромах и притеснениях евреев во время войны (1914—1915), который удалось полностью переправить за границу. Нередко бывал у Н. Д. Соколова. Он хотя и не был согласен с нашей позицией, но оказывал моей работе ценные услуги. От него я получал информации из судейского мира, к нему направлялись товарищи по судебным делам. У него же я имел свидания с Чхеидзе, Керенским и др. Чхеидзе говорил, при свидании, о своей солидарности с Циммервальдом, протестовал против измышлений Ларина и заявил, что не имеет ничего общего с „О. К.". По отношению к гвоздевцам и Военно-Промышленному Комитету его позиция была—„использование легальных возможностей". Приемов Гвоздева и К° он не одобрял.

Изредка забегал почевать и повидать земляков к муромлянину и правдисту геологу Анатолию Николаевичу Рябинину. Военный гром совершенно выбил его из „правдистской колеи", замкнул его горизонты стратегическими перспективами победы союзников над „немцами"... Хороший товарищ прошлого стал типичным интеллигентом-патриотом, узревшим „свое отечество". И он был не единственный. Много было таких, кои от социализма ушли в патриотизм и работали во всяких военных и тыловых организациях.

За этот период нелегального пребывания пришлось встретить много чрезвычайно интересных рабочих большевиков. От некоторых удавалось получать статейки, корреспонденции о работе в тех районах, откуда прибывали товарищи. Многое из их литературных работ удавалось отправлять вместе с материалами за границу. Один рабочий айвазовец „Юрий" (Лутовинов), живший у бывшего депутата Шурканова, оказывал мне громадные услуги по борьбе с Мироном Черномазовым, а также налаживанию связи с югом. Товарищ Юрий имел представительство Бюро Центрального Комитета на юге России, главным образом в Донецком бассейне, где поставил работу и был несколько раз арестован.

Мирон Черномазов и Л. Старк, прочувствовав предпринимаемые мною решительные меры по очищению Питерской организации, перешли от обороны к наступлению. Они собрали „маленький" Петербургский Комитет и, прежде всего, вынесли приводимую ниже резолюцию против редакции „Вопросов Страхования":

„Резолюция Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

„О „Вопросах Страхования".

„Принимая во внимание:

„1) что „Вопросы Страхования" в своих политических статьях неоднократно уклонялись от принятой Пет. К-том политической линии;

„2) что редакция „Вопросов Страхования" позволяла себе изменять присылаемые ей от имени руководящего центра Пет. Орг-ции статьи, при чем изменения эти вовсе не вызывались требованиями цензуры;

„3) что в страховой своей части журнал давно уже перестал удовлетворять страховых деятелей б-ков, в последнем же номере был помещен ряд совершенно недопустимых и идущих вразрез с б-ской позицией в деле страхования статей, что даже принудило организованных страховых деятелей б-ков воздержаться от распространения этого номера;

„4) что так называемая старая редакция упорно не желает считаться с мнением Пет. орг-ции;

„5) что все попытки Пет. К-та реорганизовать орган путем привлечения в состав редакции практических страховых деятелей б-ков и передачи в их руки технически-хозяйственной и распространительской стороны дела, находящейся в совершенно запущенном состоянии, — были безуспешны, вследствие нежелания старой редакции считаться с мнением и волей организации в данном вопросе;

„6) что Исп. Комиссия Пет. К-та использовала всевозможные способы для выхода из создавшегося положения,—

„Петербургский Комитет, считая подобное поведение старой редакции совершенно недопустимым и вносящим дезорганизацию в ряды партии, поручает Исп. Комиссии в последний раз обратиться к старой редакции с предложением реорганизовать журнал на намеченных Пет. К-том основаниях. Вместе с тем, Пет. К-т заявляет, что в случае, если до 20-го сего января старая редакция не даст утвердительного ответа на это предложение, то Пет. Ком-т будет вынужден наложить бойкот на „Вопросы Страхования", как орган, за содержание коего он не может отвечать, и приступит к созданию нового страхового журнала, политическая и страховая линии которого будут находиться в соответствии со взглядами Петерб. организации и ее центров.

„Петербургский Комитет Р. С. Д. Р. П.

„14 января 1916 года.

„Принято единогласно. Оглашению не подлежит".

Резолюция от начала до конца была неверна и протащена на собрании неполного П. К. мироновцами. На ней лежал явный отпечаток черномазовской „особой страховой политики", с которой не были согласны никто из Страховой группы и правдистов. Все „страховые деятели б-ки", на которых ссылается резолюция, были молодые, неопытные и

часто менявшиеся студенты и т. п., секретари больничных касс, некоторые прямые ставленники Мирона. Последний мечтал о том, чтобы получить в свое нераздельное владение журнал „Вопросы Страхования“ и утвердиться там. Однако в этой политике он получил отпор и ответная резолюция старой редакции от 19 января опровергла все „фактические“ основания мироновцев:

„На резолюцию П. К. от 14 января 1916 г. редакция „Вопросов Страхования“ заявляет, что обвинения, изложенные в п.п. 1, 2, 3, а равно и в п. 5, относительно „запущенного состояния технически-хозяйственной и распространительской стороны дела“—голословны и не отвечают действительности. Что касается п.п. 4 и 5, что собрание редакции в присутствии представителя Центрального Комитета и представителя секретарей согласилось ввести в свой состав двух представителей коллегии секретарей, каковые, однако, до сих пор на редакционные собрания не являются.

„Ввиду вышеизложенного редакция считает обвинения в дезорганизации и в нежелании итти навстречу пожеланию П. К. необоснованными и еще раз предлагает двум представителям секретарей войти в ее состав.

„Считая „Вопросы Страхования“ органом Всероссийским, подлежащим компетенции Ц. К., редакция находит, что все обвинения, предъявляемые к ней, подлежат разрешению последнего. 19 января 1916 г.“.

Но этим дело не ограничилось. На этом же заседании была принята резолюция и против меня, такого содержания:

„Резолюция Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. о представителе Ц. К.:

„Петербургский Комитет считает себя вынужденным довести до сведения Ц. К., что представитель его, тов. NN, явившись в Спб., вскоре по прибытии, стал в крайне ненормальные отношения к Петербургской организации, что, между прочим, выразилось в следующем:

„1) Имея постоянную связь с П. К-том, тов. NN неоднократно пытался вступать в сношения с рабочими—членами организации — помимо П. К. и вести среди них агитацию, направленную против П. К-та и его действий, тем подрывая авторитет организации.

„2) Вместе с тем, незадолго до 9-го января, им были распущены ложные слухи о провале П. К-та и его Исп. Комиссии, что не могло не создать тревожного настроения среди с.-д. массы на заводах и не произвести на нее деморализующего действия, особенно вредного потому, что она непосредственно предшествовала выступлению 9-го Января. Вообще же, раздувая каждый единичный случайный провал работников в почти полный разгром Петербургской организации, тов. NN создал благоприятную обстановку для укрепления темных слухов, распускаемых нашими противниками, несмотря на неоднократные о том предупреждения со стороны Исполнительной Комиссии П. К-та.

„3) Приостановив работу Пет. К-та по организации провинции и созыву общерусской конференции и заявив, что вся общерусская работа будет выполняема организуемым им в ближайшее время русским Бюро Ц. К., тов. NN, в течение более чем двух месяцев, не предпринял каких-либо определенных шагов в этом направлении и тем только расстроил налаженную было уже Пет. К-том общерусскую работу.

„4) Потерпев неудачу в рабочих кругах с попыткой создать русское Бюро Ц. К., стоящее во враждебных отношениях к Пет. К-ту, и получив должный отпор на целом ряде собраний, приватно созываемых им из отдельных членов организации, тов. NN обратился с таким же предложением к некоторым товарищам из среды студенчества, входящим в пропагандистские группы районов, прельщая их идеей организации русского Бюро Ц. К. „с целью контроля“ над Петербургской организацией.

„5) Получаемые им для партийных организаций транспорты тов. NN не передает исполнительным органам Пет. орг-ции, распространяет их в районах по своим личным связям, при чем ни Пет. К-т, ни районные к-ты ничего из приходящей литературы не получают.

„6) Наконец, тов. NN упорно противодействует всем попыткам Пет. К-та реорганизовать страховой орган, совершенно не удовлетворяющий ныне предъявляемым к нему требованиям ни в политической, ни особенно в страховой своей части, и тем поддерживает дезорганизаторскую политику группы лиц, не желающих считаться с мнением и

волей Пет. орг-ции и неоднократно нарушавших постановления ее руководящих центров.

„Доводя обо всем вышеизложенном до сведения Ц. К., П. К-т просит Ц. К. принять все зависящие от него меры к улажению не им созданного и вредно отзывающегося на деле конфликта.

„Резолюция эта оглашению не подлежит. Но П. К-т считает нужным заявить, что дальшейшие шаги тов. NN по усвоенному им направлению могут вынудить Пет. К-т довести о происходящем до сведения всех членов партии и даже прибегнуть к бойкоту.—Принято единогласно.

„Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

„14 января 1916 года".

Составлена эта резолюция демагогически и лживо, но особенно характерен пункт первый, который протестовал против моих сношений с рабочими помимо мироновца Старка. Второй пункт имеет в виду ходившие среди товарищей уверения, что к арестам имеет отношение Мирон. Слухи шли из тюрьмы, но не поддавались проверке, но тем не менее я их передавал П. К-ту. Третий пункт отражал тогдашнее стремление Мирона влиять на провинцию. Все остальные пункты— сплошная ложь. Б. Ц. К. было создано, но не было известно Старку и Черномазову. Литературой ведал К. М. Шведчиков и распределял ее справедливо, но самостоятельно; и если П. К. не получал, то потому, что не давал для этого адресов.

Несмотря на то, что „бойкотистская" резолюция не подлежала оглашению, однако Старк послал ее А. М. Горькому и еще некоторым лицам прежде, чем я узнал об ее существовании и которые тотчас же переслали ее мне. Немедленно, при поддержке целого ряда товарищей, собираю Исполнительную К-сию П. К-та, и там выяснилось далеко не порядочное поведение Л. Старка и некоторых др., которым и было выражено порицание. Я настоял на необходимости отдаления Мирона и Старка от работ в П. Комитете. Вскоре затем последовали новые аресты, опустошившие ряды работников П. К. Раньше всех был арестован „Сергей" (Богдатьев), за ним „Владамир" (Залежский) и др. Работа перешла к новым людям, и взаимоотношения резко изменились к лучшему.

XXIX.

По мере приближения весны, чувствовалось обычное нарастание революционной энергии. Царское правительство стремилось разрешить рабочий вопрос путем введения института старост, согласно закону 1903 года. Наши организации были против этого закона, и как ни хвалили его гвоздевцы, все же эта правительственная уловка не прошла. Петербургский Комитет недурно использовал и этот закон в целях агитации, а кое-где и организации рабочих. Характерной, по данному вопросу, является резолюция рабочих зав. „Нового Лесснера", отражающая отношение революционной массы к заигрыванию правительства. Очевидно, эта резолюция была принята незадолго перед происходившей на этом заводе в марте стачкой. Привожу ее по сохранившейся у меня копии:

„Общее собрание рабочих завода Нов. Лесснер, обсудив предложение заводоуправления организовать институт старост на основании закона 1903 года, заявляет, что закон этот создан был подлым слугой царизма—министром Плеве исключительно против подымавшегося в те годы революционного движения рабочего класса.

„Автор этого полицейского закона намеревался создать постоянную ячейку в рабочей среде, через которую можно было бы выловить наиболее активных работников.

„Закон имел целью парализовать революционную активность масс и заменить ее легальным и полюбовным содружеством с врагами пролетариата—капиталом и его пособником—правительством.

„Рабочий класс своим здоровым чутьем понял этот гнусный обман полицейских законников и решительным протестом отбросил от себя предложенную сделку.

„И вот теперь через 13 лет, когда рабочий класс снова собирает свои силы для того, чтобы сосчитаться с разорившим его правительством, на сцену опять выполз этот самый закон.

„Рабочий класс не позволит себя одурачить и теперь.

„Решительно отвергая предложение заводоуправления, мы в то же время протестуем против тех мнимых друзей

рабочих, которые стараются на страницах буржуазной прессы и с трибуны Государственной Думы оправдать этот поход на рабочий класс.

„Мы требуем *профессиональных союзов и свободы других классовых организаций пролетариата, восстановления рабочей печати и признания заводских комиссий, избранных на широких демократических началах*".

Заводские комиссии, о которых говорит резолюция, существовали полулегально на многих крупных предприятиях; составлялись из представителей от цехов или мастерских. Ведению этих комиссий подлежали все вопросы, связанные с внутренним распорядком в мастерских. На них же лежала обязанность представительства при возникновении конфликтов между рабочими и кем-либо из администрации. Легализации их и добивались рабочие.

Шел февраль, исполнилось ровно четыре месяца моему пребыванию в России. Работать мне с каждым днем становилось все труднее и труднее. Выходить мог уже только в сумерках и работать, видеться с представителями организации и с товарищами из Б. Ц. К. лишь под покровом ночи. Уже много ночей я провел под открытым небом, спасаясь в огородах, рощах, чужих дворах от шпионской погони. Частенько попадал на ночлег только с утренней зарей, измерзнув и устав бесконечно. Все товарищи из Б. Ц. К. и работники П. К. настаивали на моем скорейшем возвращении за границу. Собрал богатый материал, документы и приступил к организации отъезда. Паспорт для проезда через Белоостров нашел. Воспользовался для отъезда квартирой и услугами М. Г. Павловой, по Сердобольской ул., а для посадки избрал ст. Ланскую и поезд, идущий только до Териок. Вещи мои ехали с т. М. И. Стецкевич, я же был на всякий случай налегке. В Териоках, обождав часа три, взял билет на поезд до Гельсингфорса, куда, пройдя сквозь строй жандармов и шпиков, прибыл ранним утром.

XXX.

В Гельсингфорсе нашел своих старых друзей—т. Винка и Ровио. Они были очень обрадованы моим благополучным возвращением и проявили большой интерес к работе и положению дела в России. Центральный комитет Финской С.-Д-ии решил в пленуме выслушать мой доклад, который я и сделал, пользуясь переводчиком тов. Ровио. Мои сообщения и выводы о неизбежности в ближайшем будущем революции в России очень ободрили финских товарищей, живших под давлением царской реакции.

Засиживаться долго в Гельсингфорсе не было смысла, да и опасно, так как шпики проявляли большую деятельность. Из Улеаборга ожидали моего приятеля Уксила, который должен был провезти меня до Улеаборга. Его ждать пришлось недолго, и через пару дней, простясь с финскими друзьями, условившись о дальнейшей работе по установлению сношений и отправке литературы, отправились к северным границам Финляндии.

Слезли, не доезжая Улеаборга, на ст. „Кемпела" и оттуда проехали до Улеаборга на лошади. Предосторожность оказалась не лишней. Товарищи финны через свои связи узнали, что по дороге уже дали знать обо мне и что из Питера в Улеаборг прибыл охранник. Пришлось отказаться от продолжения дальнейшего путешествия по железной дороге. Решил ехать на лошади непосредственно до шведской границы. Товарищ Уксила нашел мне человека, хорошо знавшего путь, местность и жителей пограничной стороны. Но у него не было лошади. Лошадь в то время стоила 200—300 финских марок, и я решил приобрести ее. Мой провожатый был этому очень рад и задумал на ней еще заработать, продав ее марок за 700—800 на шведскую сторону. Таким образом мне удалось случайно заинтересовать моего проводника в успехе путешествия. Выехать из Улеаборга решили в ночь.

В один из февральских вечеров, в маленьких крестьянских розвальнях, направились мы на полярный север. Дорогой нас настигла метель, но лошадь оказалась очень выносливой и, увязая в глубоких сугробах, мы все-таки добрались до

хутора, где и провели остаток ночи. Затем установилась удивительно мягкая и тихая погода. Дальнейший путь, длившийся в течение восьми суток, был сплошным отдыхом и удовольствием. Мы ехали больше в вечернюю, ночную и утреннюю пору, а днем отдыхали у бедных финских торпарей. Последние жили удивительно бедно, занимались рубкою леса, пилкою и колкою дров и др. промыслами, беспощадно эксплоатируемые земельными собственниками.

Север был в расцвете своего величия и красы. Громадные лесные равнины были причудливо запорошены снегом. Пробираясь по забытым и заброшенным дорогам, мы попадали в волшебное царство нетронутых снегов. Наша маленькая лошаденка и санки скрывались в сводчатой лесной дорожке, освещаемой причудливыми узорами, — вспышками северного сияния. Сверху склонялись к нам снежно-белые лапы запушенных вьюгой ветвей. По мере углубления на дальний север, исчезали высокие леса; на смену их появлялся карликовый березовый лес и мшистые болота.

В дороге попадались нам крестьяне, иногда и русские солдаты, но все у нас было столь обычно, что ничто никому не бросалось в глаза. Изредка мой возница показывал мне кнутовищем на далекие огни финских городков и местечек. Проехали далеко на восток от Кеми. Из пограничного Торнео слышен был только собачий лай. Проводник решил подняться на север, выше Карунги верст на двадцать-тридцать, где у него был знакомый крестьянин, хутор которого стоял недалеко от шведской границы. Приехали туда утром. Приняли радушно и дали отдельную, чистенькую комнатку. На мои вопросы о переходе через границу хозяева, говорившие только по-фински и по-шведски, отвечали знаками, что это возможно. Вожатый был также доволен, так как спрос на лошадей был большой. Он должен был при продаже вернуть мне часть расходов и оплатить моих проводников через границу, а также и ночлег, но начал что-то плутовать, жаловаться на трудность сбыта лошади и т. п. Мужицкая „хозяйственная“ психология взяла верх даже над прославленной финской честностью.

Под вечер на другой день собрались в путь. Нас было трое: один нес чемодан, другой шел свободно. Итти приходилось на лыжах. Я лишь в детстве был знаком с искус-

ством скольжения на коньках, ледяной доске, санках и меньше всего - на лыжах. Однако во всех видах скольжения требовалось основное—уметь найти равновесие, и, не задумываясь, надел лыжи. Через пару сотен шагов начался крутой спуск в равнину, и здесь уже не обошлось без падения. Финны двигались легко и быстро, но мне, в моем городском пальто, приходилось довольно туго. Я едва поспевал за ними и так увлекся этой работой, что не заметил пограничных признаков. Уже со шведской границы мы любовались на светящуюся жандармскую сторожку. Мы вошли в какую-то шведскую деревушку и решили итти выпить кофе, спрыснуть счастливый переход, как полагалось в этой стране. Нашли добродушного старика-крестьянина, жившего когда-то в Америке и владевшего немного английским языком. Он согласился угостить нас, и мы разговорились. От него и проводников я узнал, что по всей границе от Торнео и до Каруэги совершается контрабанда товарами, лошадьми и т. п. Кроме того, здесь же проходят и бегущие из России немецкие военнопленные. Вообще граница, несмотря на кажущуюся пустоту, довольно оживлена. Все мои собеседники были настроены очень враждебно по отношению к правящей России и очевидно оказывали всяческие услуги финско-шведским активистам.

Расплатившись с любезным хозяином, а также проводниками и наказав им получить за проводы еще с моего возницы, я пошел на железнодорожную станцию. Поезд прибыл скоро и довез меня до Хапаранды. Там я нашел своего сотрудника-сапожника и от него узнал о приключениях моего доброго товарища, „Голоса Пустыни“, а также и о причине остановки транспорта. Оказывается, что в январе „Голос Пустыни“, при ночной переправе с литературой, попал в руки таможенной стражи, а от нее и в полицию. Произошло это так. Товарищ, „Голос Пустыни“ вечером пришел в Хапаранду на склад литературы. Отобрав пуда два различных брошюр и газет, накинул на себя белую простыню и двинулся по снегу в Торнео. В дороге он заметил едущего верхом таможенного стражника и прилег с пакетами в снег, закрывшись простыней. Эта маскировка великолепно удалась „Голосу Пустыни“: стражник не заметил, но лошадь испугалась, очевидно, трепетавшей от ветра простыни и шарахнулась в

сторону. Тогда стражник направился к тому месту, которого пугалась лошадь, и начал стрелять. „Голосу Пустыни“ пришлось объявиться. Страж со всем имуществом отправил его в Торнео, в арестный дом. В нем товарищ просидел всего дня два. Воспользовавшись оплошностью стража, он бежал ночью в одном белье и босой, прямо в Швецию, в Хапаранду. Поднялась тревога, забегали шпики и жандармы, но было уже поздно. Чтобы не послужить предметом какого-либо предательства шведской пограничной полиции, „Голос Пустыни“ уехал работать вглубь Швеции на рудники. В Торнео также были обыски, но нашим товарищам удалось избежать провала.

Приходилось заново строить путь. На счастье, это оказалось возможным. Верстах в двадцати от Торнео к Ботническому заливу есть островок Сескаре, на котором жил знакомый мне через председателя Шведского Союза Транспортных рабочих т. Летеберг. Из этого местечка было возможно проходить на лыжах по льду до Кеми. Нашлись товарищи в Кеми, которые взяли на себя этот нелегкий и опасный труд. Транспорт опять удалось наладить, и я двинулся в Стокгольм. Там меня ждали т.т. Бухарин, Пятаков и другие. Материал и мои доклады о положении дел служили предметами долгих обсуждений. Много прокламаций и отчетов отправил в наш Ц. О. „Социал-Демократ“. Все эти известия заняли весь № 53 газеты „Социал-Демократ“. Мои сообщения о положении дел в России обошли значительную долю социалистических газет Скандинавии. Я. Брантинг был очень заинтересован и удивлялся, что русские рабочие так мало проявляют интереса к судьбам своего отечества и отечествам своих союзников; но все же он не скрывал своего восхищения перед героизмом рабочих и старался понять наше отношение к войне, как результат варварской политики царизма.

За время моего пребывания в России в нашей заграничной группе работников произошли большие разногласия. Прежняя редакция „Коммуниста“ распалась из-за разногласий по национальному вопросу. Как и всегда в условиях эмигрантской жизни, эти разногласия посеяли вражду между сторонами, и к моему приезду отношения между нашими товарищами в Швейцарии (В. И. Лениным, Г. Зиновьевым

и др.) с одной стороны и жившими в Швеции (т.т. Н. И. Бухариным, Г. Пятаковым и др.) были весьма натянуты. От этого страдала прежде всего связь и работа для России, а для меня это было выше всего. Я полагал, что можно иметь свое мнение по поводу того или другого пункта нашей программы, можно бороться за его признание, но не хотел понимать необходимости вражды при несогласии, а пуще всего вредить этой враждой и самому рабочему делу. Однако, это явление свойственно нашей интеллигенции, которая в области ограждения „принципов" доходит до доктринерства, не останавливаясь даже перед уходом от дела.

Пришлось войти в виде „буфера" в эти разногласия и пытаться примирить стороны на необходимости не тормозить издательства сборников для России из-за возникших разногласий. В течение добрых двух месяцев вел „соглашательскую" линию, но вынужден был отказаться, так как стороны начали проявлять мелочность. На смену „Коммуниста" появился „Сборник С. Д.".

В стокгольмской группе, работавшей по транспорту литературы в Россию, один рабочий Богровский оказался недостойным оказанного ему доверия, вошел в контакт с подозрительной группой эстонцев,—в частности с некиим Кескула—и получал у него деньги под видом: „на партийные цели", на издание брошюр и т. п., давая ему расписки на оставленных мною бланках Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и пользуясь моей печатью представителя Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. на французском языке. Это было совершенно случайно открыто Н. И. Бухариным. Богровский был исключен из партии, о нем было сообщено шведским товарищам. По самому же делу т. Бухарин повел некоторое следствие и напал на следы провокаторской организации, стремившейся опутать русских революционеров, шведских молодых и т. п. Кескула оказался агентом германского генерального штаба. Такой же агент был его друг, заведывавший одним из отделений Русского Страхового О-ва в Стокгольме. Очевидно, следственная работа наших товарищей,—Н. И. Бухарина и Г. Пятакова,—так обеспокоила шведскую полицию, что вслед за этим последовал арест Бухарина, жившего по паспорту Мойши Долголевского, а также высылка его, а затем и

т. Г. Пятакова. Арест и высылка мотивировались участием наших товарищей в съезде шведской социалистической молодежи, что было несовсем точно. Товарищи на съезде были, как гости. Был и я там, но, однако, обо мне полиция не справлялась. Полицейский террор в Швеции достиг в это время необыкновенного предела. Русских по малейшему подозрению выселяли, и я из предосторожности остановился в Христиании. Из Христиании сносился по случаю ареста моих товарищей с Брантингом, заодно осведомляясь и относительно прочности нейтралитета. Письмо в черновике, написанное по-французски, у меня сохранилось, а также и ответ Я. Брантинга. Оба помещаю в переводе:

„1 апреля 16 г.

„Дорогой гражданин!

„Ходят темные слухи об имеющемся конфликте между вашим правительством и правительством России. Говорят, что война возможна, и добавляют, что с падением Вердена она станет вероятной. В то же время я получил странные известия, будто мои друзья русские с.-д., жительствующие по Сальтмотарегатан 5, арестованы и, кажется, многие другие находятся в королевских тюрьмах Швеции. Правда ли это? Может быть вы найдете маленькую минутку, чтобы послать мне записочку для осведомления? Я искал разъяснений в „Социал-Демократе", но напрасно: там ничего нет. Почему такое организованное молчание? Уж не играют ли опять в „дела шпионажа"? Мне кажется, что ваше правительство хочет их связать со „Съездом Федерации молодых с.-д.-ов",— это было бы постыдно. Русские товарищи не принимали участия на съезде. Они не были делегированы, и если они присутствовали, то, как и всякая другая публика, в качестве гостей. Я также был у „молодых на обеде", и меня также можно привлечь, так как я принял участие в трапезе. Я знаю, что вы большой противник „молодых с.-д." и их направления, но я верю, что это не помешает вам быть строгим судьей против полицейских приемов ваших правителей.

„Возможно, что в этом деле не обошлось без провокаторской лапы русско-шведской полиции. Мы имеем свидетелей, что, несмотря на большой шум, который делает швед-

ская полиция по русским делам,—эта самая полиция сотрудничает с русскими жандармами. Запросите ваших друзей из Хапаранды, они могут осведомить вас о том, как местная шведская полиция исполняла приказ русского жандармского полковника по розыску одного бежавшего политического заключенного из Торнео. К счастью, ей не удалось его поймать.

„В ожидании ответа примите социалистический привет

„А. Белевин".

Эти аресты произвели тогда панику не только среди русской эмиграции, но и среди шведских Молодых социалистов. Против Хеглунда и других был возбужден процесс за „государственную измену". У многих вождей, а также и в газете „Шторминклокан" был обыск. Полиция очень усердно искала связи Молодых с русскими революционерами. Это повело к тому, что часть нашей литературы была уничтожена, а некоторое количество было арестовано. Работала агентура германского генерального штаба, которая изображала нас, русских революционеров, противников войны, как агентов русского генерального штаба, которому важно вести антивоенную политику в Швеции. Социалисты оппортунисты также смотрели на нас недоброжелательно за нашу поддержку и работу среди „молодых" с.-д. Для правительства же мы вообще представляли элемент опасный, и оно всячески старалось избавиться от нас. Вслед за Бухариным-„Долголевским" был выслан еще один рабочий печатник, бундовец Гордон. За многими был установлен надзор, а за перепиской наблюдение и перлюстрация.

В ответ на мой запрос об арестах и пр. от 1 апреля Брантинг ответил следующим письмом:

„Стокгольм, 4 апреля 1916.

„Дорогой гражданин Белевин!

„Ваше письмо от 1 апреля прибыло. Я спешу ответить. Я считаю слухи о неизбежности конфликта между Швецией и Россией неосновательными. Правда, мы не всегда довольны политикой нейтралитета нашего правительства, но до сих пор мы не имели серьезных оснований верить, что в офи-

циальных группах приготовляют выход из нейтрального положения, ни в том случае, если Верден будет взят, ни если он будет держаться хорошо, как я искренне надеюсь со своей стороны. Новости, полученные вами о массовых арестах русских в Стокгольме—ложны. Только один русский—гражд. Долголевский—арестован и будет выслан на границу, которую сам выберет, т.-е. в Данию или Норвегию. Я лично получил еще раз формальное обещание от министра внутренних дел, что никогда не будет выдан русский, причастный к политике, царской полиции, исключая, я думаю, тех, кто принимал бы участие в самом серьезном террористическом покушении; но в данном случае этого нет. Слух, очевидно, имеет тот источник, что некоторые русские, между ними гр. Лурье, были вызваны полицией для дачи объяснений по поводу конгресса, я думаю. Но это ни к чему не повело. В чем упрекают Долголевского, которого я не знаю, мне неизвестно.

„Я очень досадую, что не видел вас в дни вашего проезда через Стокгольм. Получив ваше письмо, я телефонировал в Сальтмотарегатан 5, когда вернулся в Стокгольм после маленькой избирательной поездки, но тогда вы были уже по дороге в Норвегию, что мне показалось очень разумным в такие смутные дни.—В конце концов надеюсь, что процесс о „государственной измене“ будет скоро отвергнут высшим судом, что не дает, впрочем, уверенности, что обвиняемые, совершившие столько неосторожностей, будут оправданы.

„Лучшие приветствия. *Я. Брантинг*“.

Из этого письма видно, как мало помогал Брантинг нашим товарищам, попадавшим в полицейские лапы шведского правительства. Особенно характерно, что ему было „неизвестно“, в чем „упрекают“ (а не обвиняют) Долголевского, коего он, видите ли, не знал.

По поводу вскрытия и пропажи писем я обратился к Я. Брантингу со специальным протестом следующего содержания:

„Дорогой гражданин Брантинг!

„Благодарю вас за ваше успокоительное письмо. Я очень счастлив узнать, что большая часть моих известий ложна.

Однако, я позволю себе еще раз побеспокоить вас и может быть не последний. Мы, русские, упорны. Прежде всего я хочу просить вас обратать внимание на выемку писем, которая производится в Швеции, даже писем, адресованных на официальный адрес вашей партии. Товарищ Ленин сообщает мне, что послал мне письмо на имя Ф. Стрёма, которого я не получил. Большое количество писем, посылаемых из Швеции на мой адрес в Христианию, не доходит. Надеюсь, что мы будем согласны в определении этих полицейских приемов, недостойных демократии, и я прошу вашего вмешательства, чтобы положить этому предел. Судьба т. Долголевского меня очень интересует. Почему его так долго держат в тюрьме? Почему „Социал-Демократ" хранит молчание по отношению к нему?

Примите, гражданин Брантинг, мои социалистические приветствия.

А. Беленін".

Вскоре вся стокгольмская группа: т.т. Бухарин, Пятаков, Коллонтай переселилась в Христианию. Сначала полиция забеспокоилась, но, благодаря вмешательству норвежских с.-д., оставила всех в покое. Товарищи и здесь приняли осторожное участие в литературе молодых, но в русской работе царило уныние и печаль. Письма редакции Ц. О. приходили все более и более сокрушительные, и мечты о создании издательства с участием Бухарина и Пятакова пришлось покинуть.

Отношения с норвежскими социал-демократами у меня были по-прежнему хорошие, но содействия от них русской работе ждать было трудно. Все они, „скандинавские социалисты", несмотря на свой словесный „интернационализм", мало интересуются работой другой страны. Они жадно выслушают необыкновенное из жизни русских революционеров, рекламно напечатают сенсационное сообщение из России, и только. Дальше этого их помощь не шла.

В Норвегии, в Христиании, встретил с.-р. интернационалиста Пьера Оража (Александровича), прибывшего туда через Мурман из далекой сибирской тайги. За границей он вступил в сношение с группой Чернова и др. левыми. Наладил получение литературы, направленной против войны,

которую по своему выбору и для информации я отправлял вместе с нашей в Россию. Летом 1916 года товарищ Александрович пользуясь моими связями пробрался в Россию

XXXI.

Выше я уже упоминал о большом материале, вывезенном мною из Питера, относящемся к положению евреев в России во время войны. Этим материалом стокгольмские евреи очень заинтересовались, предлагали его купить, но продавать им я не хотел, так как боялся, что он попадет в спекулятивные руки агентов германского генерального штаба для его политических и стратегических целей. Я же требовал, чтобы евреи дали денег на организацию издательства, которое предполагал создать из своих товарищей, но они мялись и торговались, желая приобрести материал в собственность.

Деньги для работы по транспорту иссякли; наш заграничный центр был сам беден, и я рассчитывал главным образом на свои силы. Не желая оставлять работу для России или прозябать в эмигрантском бездельи, я решил отвезти материал о евреях в Америку и там передать его какому-либо из еврейских социалистических обществ.

После долгой и настойчивой переписки с заграничной группой Ц.К. получил согласие и небольшую сумму денег на дорогу до Америки. В конце июня отправляюсь в далекий путь на норвежском пароходе „Христиания Фиорд". Билет имел III класса, в душной каюте под палубой, а секретные документы хранились у одного товарища в машинной команде. Паспорта „законного" у меня не было, я решил обойтись своей членской книжкой английского союза „Объединенного Общества механиков", а также старым французским паспортом. Трудность проезда заключалась в английской блокаде и контроле.

Время для путешествия было хорошее. Море от Христиании до Бергена, — около суток пути,—было тихое, погода солнечная. Пароход обогнул всю южную, красивую часть гористой Норвегии. Кое-где вдали виднелись вершины снеговых гор, а на скалистых берегах — рыбачьи поселки и

города со всеми завоеваниями техники.—телефонами, почтой и электричеством.

Среди пассажиров было много коммерсантов и дельцов-спекулянтов. Были и русские чиновники, инженеры, ехавшие в Америку по военным заготовкам, и дамы всех наций, ехавшие к своим разбогатевшим за время войны мужьям. Вся эта публика роскошно разместилась в каютах I и II класса. Третий класс имел несколько сот пассажиров, едущих „попытать счастья", различных национальностей, главным образом, скандинавов. Были тут и русские евреи, бежавшие из Лондона от призыва в армию, и жены русских рабочих, поселившихся в далеком „Новом Свете". Ехать было весело. Часто на палубе играл оркестр духовой музыки. Молодежь быстро перезнакомилась и весело плясала.

В Бергене суточная стоянка, а затем пароход направляется через Бергенский фиорд, среди скалистых берегов и островков, в Атлантический океан. По пути—обязательный заход в северный английский порт, называемый Киркволл. Встречать вышли маленькие суденышки, вооруженные скорострельными орудиями. Они служат проводниками для прохода среди минных заграждений и вводят пароходы в природную бухту, на берегу которой раскинулся маленький, но старинный городок Киркволл. В бухте стояло много судов и суденышек с флагами всех скандинавских государств. Многие стояли здесь по целым месяцам, терпя всяческие мытарства и притеснения со стороны хищной Англии. Все это прикрывалось интересами войны.

На наше счастье проверка парохода и пассажиров тянулась недолго. Нас, третьеклассников, совсем не беспокоили, и часов через двенадцать стоянки мы двинулись продолжать путь.

По мере движения на север, океан становился грознее и мрачнее. Дул холодный ветер. Солнечные дни сменились ненастьем. И только у берегов Америки мы вновь почувствовали лето. Завидя маяки по пути к Нью-Йорку, а также лоцманские суда, пассажиры толпами теснились на раскаленной палубе, ожидая берегов сказочной страны.

Взяли лоцмана, дальше, при въезде в порт, — остановка и поверхностный врачебный осмотр прямо на палубе. Смо-

трели глаза и руки. До заката солнца входим в порт, и пароход остановился у пристани. Без особых стеснений выпускаются пассажиры первого и второго класса. Третий же был оставлен до следующего дня. Ему предстояло путешествие на „Остров Слез", где производится допрос и осмотр бедных эмигрантов. Горе больным, неимущим и неимеющим знакомых или родных в этой стране. Их не выпустят и на берег этой „свободной" страны и в лучшем случае скоро отправят назад; но бывают случаи и месячного невольного заточения.

Наше большое в десять тысяч тонн судно казалось маленьким среди гигантских построек и сооружений Нью-Йоркского порта. Была нестерпимая жара. В каютах даже ночью оставаться было невозможно, и пассажиры выбрались на палубу. На закате солнца порт казался печью, дышащей огнем.

Утром, после завтрака, началась высадка пассажиров третьего класса. Сдавали билеты и сходили в пристанский сарай, где, становясь в ряд, разложили тощие чемоданчики и сумки к услугам таможенных чиновников. После осмотра — посадка на маленький пароход и поездка на „Остров Слез". Получасовое путешествие по порту среди стальных и каменных чудовищ производит давящее впечатление. Наконец, высаживаемся и в очередь проходим медицинский осмотр. Подозрительных отделяют, а здоровых, не задерживая, пропускают далее. Попадаем в огромный зал, уставленный скамьями для посетителей и столами-конторками для чиновников. Допрос: откуда? куда? есть ли деньги? есть ли знакомые? Для меня достаточно оказалось мое знание ремесла—токаря. Это служило достаточным основанием для немедленного въезда, и мне дали пропуск. Иду по длинным, решетчатым коридорам, напоминающим зверинец. По ту сторону решетки—публика: очевидно, ищут своих. Опять на пароход, но уже идущий к самому центру Нью-Йорка. По „воздушной" железной дороге добираюсь до квартиры своих друзей.

Русская колония в городе была огромная. Издавались две ежедневных газеты, в том числе одна с.-д., на русском языке, и несколько газет на еврейском и др. Вообще в Нью-Йорке издавались периодические газеты, журналы на всех

языках мира. Знакомлюсь с колонией и ее представителями. Все русские социалисты группировались около газеты „Новый Мир“. Вождем этой группы был доктор Ингерман, меньшевик. Он же был руководителем и „Нового Мира“, хотя там и был редактором бывший большевик тов. Н. Накоряков, живший под фамилией Эллерт. В числе постоянных сотрудников газеты были: Володарский, Лисовский, Восков, Зорин, Мельничанский и др. Менсон, заведывавший технической частью работы и одновременно служивший наборщиком. Типография имела две наборные машины, но помещалась в трущобе. Вообще газета материально была довольно бедна.

О положении в России и в Европе, а также и об отношении к войне сделал несколько докладов, вызвавших большие споры среди „ново-мирских“ социалистов. Доктор Ингерман защищал всех европейских оппортунистов, но эта защита не встретила сочувствия в рабочих группах эмиграции. Организовалась небольшая группа большевиков во главе с т. Минкиным-Менсоном и, рассчитывая на поддержку колебавшихся эмигрантов—Володарского, Мельничанского, Зорина и др., повела компанию за удаление Ингермана и его друзей от руководства газетой и группой. Противники тоже не дремали и повели борьбу на „американский“ лад,— с личными счетами, сенсационными разоблачениями, истерикой и руганью.

Все же победа осталась за блоком; но довести ее до конца не удалось, так как в среде большевиков не было достаточно компетентных партийных и газетных работников.

Относительно своего предприятия узнаю, что время приезда выбрал не совсем удачное. На лето вся еврейская богатая публика и вожди уехали на дачи или путешествуют по Америке и т. д. Все же, не теряя надежды, знакомлюсь и завязываю связи. Познакомили меня с редактором еврейской социалистической газеты „Форвертс“ („Вперед“), который соглашался использовать некоторую долю материалов, но он был ярый германофил, и мне было очень нежелательно отдавать ему этот материал. Встретился и с некоторыми еврейскими учеными людьми, которые взялись за отыскание издателя. Мое условие было: сдать материал какой-либо еврейской организации с тем, чтобы последняя

издала его на английском и других языках. Частных спекулянтов было не мало, но с ними я не хотел иметь дела. Однако, мои ученые люди так затянули дело, что мне пришлось их подгонять. Проходил июль, август, а они все „обсуждали". Денег я требовал на революционную работу в России, определив минимум себестоимости этих материалов в 500 долларов (провоз из России, путь в Америку и возвращение в Россию), но заявил, что желаю больше. Однако, ссылаясь на отсутствие богатых представителей общества, они соглашались дать пятьсот долларов из своих средств. Время было дорогое и, чтобы поскорее вернуться в Россию, беру пятьсот долларов. Жизнь и дорога стоили около половины этой суммы, а остальное — могло итти на революционную работу для России.

За два неполных месяца пребывания в Нью-Йорке успел лишь поверхностно ознакомиться с жизнью этого чудовищного города, похожего на огромную мастерскую и склады товаров. От всей американской жизни и ее деятелей веет деловитостью и душевной черствостью. Крайним эгоизмом окрашен весь быт американца. Все живет только для наживы или мечтою о ней.

Город Нью-Йорк расположен на полуострове, омываемом рекою Хадсон и Атлантическим океаном, разделен каналом и рекою на несколько частей, хорошо распланирован на главные улицы—аллеи, тянущиеся по длине полуострова и нумерные улицы, пересекающие его. В южной части города сосредоточены мастерские, службы, склады, на окраинах—пристани, а в северной части—жилища наилучше оплачиваемой части рабочих и служащих. Все движение трамваев, подземных и надземных (воздушных) железных дорог направляется усиленно утром—вниз, на юг города, а вечером вверх, на север его. Сотни тысяч людей перебрасываются ежедневно из одного конца города на другой. Одевается нью-йоркский рабочий опрятно, питается и живет значительно лучше своих европейских коллег.

За короткий промежуток жизни в Нью-Йорке я наблюдал две стачки: одну — трамвайных служащих и рабочих, другую—автобусов, служащих для пассажирского движения по некоторым аллеям города. Движением руководили профессиональные союзы. Предприниматели мобилизовали штрейк-

брехеров, а республиканское и даже демократическое правительство дало полицейских для охраны „свободы труда". Рабочее население объявило бойкот трамваям и тем, кто обслуживает их. Стачечники прибегали к съемке штрейкбрехеров; происходили стычки; полиция принимала сторону штрейкбрехеров и стреляла по стачечникам. Симпатии рабочего населения, вплоть до детей, были на стороне рабочих стачечников, и горе было штрейкбрехерам, когда они со своими вагонами ехали по рабочим кварталам. Мальчики намазывали мылом рельсы, осыпали вожатых камнями, а взрослые из симпатии к стачечникам выгоняли вожатых—штрейкбрехеров. Полиция стреляла в воздух, в надежде на подкрепление; происходила свалка. Вообще, конфликты между трудом и капиталом в Америке всегда носят острый, боевой характер. Сыщики, штрейкбрехеры, шпионы и провокаторы из всевозможных нат-пинкертоновских бюро принимают участие на предпринимательской стороне. Редкая большая стачка проходит без провокации, без ареста вождей рабочих союзов, без большого или малого кровопролития.

В Нью-Йорке познакомился с редактором социал-демократической газеты „Нью-Йоркский Народный Листок", издаваемой на немецком языке, это—орган, объединявший с.-д., говоривших на немецком языке. Дал им статейку о революционном движении в России. Товарищи стояли на интернационалистической позиции, входя в левое крыло американской соц. партии.

Американская социалистическая партия была насквозь пропитана оппортунизмом.

Америка еще не была втянута в европейскую войну, оберегала нейтралитет тем, что исполняла заказы франко-англо-русской коалиции. Золото военных заказов щедро лилось по карманам американских дельцов. Но уже тогда газеты вели упорную компанию за выступление Америки, а Вильсон пока ограничивался нотами и миротворчеством. Однако, уже в то время для всякого, кто хотел видеть, было ясно, что американские капиталисты готовятся к войне. Хитро и умно обрабатывали они так называемое „общественное мнение", подготовляли всякими способами милитаристское настроение и солдатчину. Церкви, манифестации, газеты, парламент, звездный полосатый флаг, театр, школа,

кинематограф и т. д. и т. п., — все было пущено в ход, всепроповедывало защиту „американского отечества“, требовало создания армии, флота.

Если старики, пришельцы из других стран, мало трогались и беспокоились судьбою „американского отечества“, то выросшее в Америке поколение, до школьного возраста включительно, живо откликалось на эту шовинистическую шумиху. В одном из рабочих районов мне приходилось видеть американскую бутафорию „Гибель Нации“, с нашествием анонимных врагов, разрушением городов и т. п. ужасами. И в этом пролетарском местечке дети с энтузиазмом встречали, в каждом случае, американский национальный флаг, неистово аплодируя.

Крепко держит свою власть над народом американский организованный капитал. Даже рабочих вождей умеет подкупать и приручать. Председатель Американской Федерации трэд-юнионов Самуэль Гомперс считается другом Вильсона и пособником его в одурачении рабочих. Развращение представителей рабочих организаций путем подкупа и др. способами вошло в систему предпринимательской тактики в Америке и наносит огромный вред рабочему делу этой страны.

Как ни заманчиво, как ни желательно было предложение товарищей остаться в Америке и познакомиться с ее бытом и положением рабочего класса, но побеждаю все соблазны и делаю приготовления для отъезда. И опять нужен паспорт. Но я уже использовал все бумаги и тут пришлось обратиться в местное консульство. Там один служащий посоветовал мне добыть удостоверение от церковного прихода, по которому консульство должно будет выдать мне паспорт на проезд в Россию. Трудность заключалась в том, что я не входил ни в один из приходов и с попами дела не имел. Но я предположил, что в Америке и попы должны быть прежде всего тоже „дельцами“, а поэтому полагал, что доллар сделает свое. Мое предположение оправдалось. За два доллара священник дал удостоверение. Я приложил к нему карточку и сдал все это в консульство, условившись получить паспорт, при отходе парохода, на пристани.

Нью-иоркские товарищи устроили маленькие проводы, и 14-го сентября 1916 г., на датском пароходе „Соединенные

штаты" я покинул берега Америки. На прощанье товарищи просили прислать в Америку партийных друзей, могущих руководить социалистической работой, а также и газетою, и дали на это дело некоторую сумму денег.

На сей раз я имел билет второго класса и числился в пассажирском списке журналистом. В каюте было душно, слышался машинный шум.—Я заявил об этом, и мне дали отдельную каюту уже первого класса Одиночество мне было очень полезно, так как я вез статьи и письма от различных американских товарищей, да и у самого было не мало документов, могущих обратить внимание британских полицейских В каюте все это мне удалось запрятать.

Дней через восемь мы были уже в Киркволе. Там ожидал нас строгий прием. Пароход держали трое суток и у пассажиров произвели поголовный обыск. Женщин, ехавших в Германию, обыскивали особенно тщательно. Меня все же обошли, не обыскали, а паспортом мне служила книжка английского „Объединенного общества инженеров", членом коего я состоял. Русский же паспорт оказался „забытым" в консульстве.

Все были очень рады, когда покинули район английской блокады. Через сутки показались берега Норвегии, и на вторые сутки мы были в Христиании, потратив от Нью-Йорка целых две недели. В Христиании уже не было моих друзей. Бухарин жил в Копенгагене, и я с тем же пароходом проехал в Данию. В Копенгагене остановился на несколько дней, чтобы снестись с заграничной частью Ц. К. и условиться о работе в России. Нахожу там и своих русаков.

XXXII.

Русских граждан в Копенгагене этой осенью было очень много. Сюда съехались все спекулянты, все мародеры и богачи военного времени. Спекулировали главным образом предметами питания и немецкими фабрикатами (краски, лекарства, канцелярские принадлежности и т. п.). Появился особый слой богачей—„туляшники", это спекулянты особого рода „военными" консервами, умевшие сбывать их в Германию. „Социалисты" также не отставали от военных доходов. Так, немецкий социалист, известный в свое время в России, Пар

вус уже нажил не один миллион и начал жертвовать и учреждать полезные предприятия. Некоторые из русских „социал-демократов" не брезговали спекуляцией карандашами лекарствами и т. п. мелочью, в которой нуждался русский и скандинавский рынок. Некоторые поплатились за это высылкой из Данил, но перемена места не мешала „делу" В общем была довольно противная среда.

В социал-демократическом русском кружке собралось уже изрядное количество товарищей. Осенью 1916 года на собрании я встретил ликвидаторов Сазонова Розанова, Пилецкого, Далина; „нашесловцев": Чудновского, Урицкого, Зурабова; из большевиков—Бухарина, Гордона и др.

Отсутствие дела чрезвычайно тяготило Бухарина, и я предложил ему поездку для партийной работы в Америку Н. И. согласился и подыскал себе товарища—Чудновского Нужно было подумать о переезде; а это было дело довольно сложное, так как английская блокада становилась все строже и строже. Н. И. Бухарин принадлежит к такому типу непрактичных российских интеллигентов, что мне приходилось самому обдумывать каждую мелочь его путешествия. Перед отъездом он задумал „легализоваться" в Дании, чтобы ехать в Америку не как „Мойша Долголевский", а под собственным именем. И прежде чем окончательно выяснить возможность легализации, он уже заказал на свое имя билет до Америки. Однако вся его „легализация" провалилась. Не мог, да и не хотел помочь в этом и соцалистический министр Стаунинг.

Пришлось Николаю Ивановичу оставаться Мойшей, но этим осложнялось дело с поездкой. Пароходному Бюро уже были заплачены деньги, и его имя, как Н. Бухарина, было уже известно; знали его там уже в лицо. Опять приходилось обдумывать пути и способы, чтобы выйти из нелепого положения. Отказаться от места на пароходе на имя Бухарина—жаль было денег; да и других свободных мест уже не было. Решил везти Николая Ивановича Бухарина до Христиании, там его и посадить, как Мойшу Долголевского Место же Бухарина прошу пароходную контору, якобы за отказом последнего, переслать в Христианию Долголевскому, и дал его адрес. Это удалось. Чудновский сел в Копенгагене, а Мойше нужно было садиться в Христиании,

куда мы решили отправиться до прибытия датского парохода. Но дорога туда проходила через Швецию, въезд в которую ему был воспрещен, под страхом шестимесячного заключения в тюрьме.

Во избежание ареста мы надумали ехать пароходом. Взяли билеты и с багажем и провожатыми направились прямо на судно. Пароходишко оказался маленький, груженый всяческой снедью, а на море разыгрывалась волна. Оказалось, что пароход заходит по пути в другие города и местечки, долго стоит и в Христианию придет не ранее, как через 48 часов... Путешествие предстояло не из веселых, трястись на этой ладье по волнам было мало удовольствия, да и дорогого времени бралось много, и я начал подумывать, как бы от него избавиться и направиться по железной дороге. Справляюсь у капитана не рискуем ли мы, на этой посудине попасть к немцам? Он заявил, что такие случаи бывают, у него же нет никаких гарантий, что с нами этого не случится. Постепенно склоняю Н. И. к переезду по ж. д.; предлагаю ему стать на это время моим братом и проехать на Гельсингер-Гельсингборг, где путешествие через пролив Эре-зунд занимает всего несколько минут. Н. И. соглашается, и нам осталась задача как-нибудь обдуманно покончить с пароходом. Иду в контору и задаю заведующему вопрос: гарантирует ли он нас от немецкого захвата? Ну, конечно, заведующий растерялся и никакой гарантии нам дать не мог. Тогда я попросил помочь нам выгрузиться и переменить билет на железнодорожный. Он любезно согласился и через пару часов мы были уже на пути к Гельсингеру... Благополучно переехали на шведскую сторону, полюбовались на шпиков, сели в вагон и через немного минут двинулись дальше. На утро благополучно прибыли в Христианию, где и дождались прихода океанского парохода. Через пару дней проводил т.т. Бухарина и Чудновского „на завоевание Америки". Отправив товарищей, направился в Стокгольм, намереваясь как можно скорее отправиться в Россию.

За мое отсутствие из Швеции работа по экспедиции литературы совершенно заглохла. Связи, через которые можно отправлять литературу, сохранились, но у товарищей, заведовавших этим делом, не было денег. Необходимо было сразу двинуть как можно больше литературы, чтобы при моем

проезде она перешла бы границу. Запаковали свыше десятка пудов и отправили багажем до Торнео и до Карунги, предполагая устроить переправу в нескольких местах.

Повидался со всеми товарищами из шведской левой с.-д.: Хеглундом, Стрёмом, Чильбумом и др. В шведской партии за это время совершилось событие огромной важности—произошел раскол. Молодые или „левые" с.-д. вышли из общей партии, основали свой центральный орган „Политикен" и Центральный Комитет Партии.

Брантинг пользовался своим положением для усиленной критики и травли „молодых". Буржуазная пресса охотно подхватывала все „критикующие" выпады старого центрального органа „Социал-Демократ". Но вероятно, благодаря этой критике, молодая с.-д. организация росла, крепла и вырывала шведский пролетариат из оппортунистических объятий.

Свидания мои с Брантингом носили чисто деловой характер. Имея в виду военное положение севера, всяческие укрепления и гарнизоны в пограничной полосе, я предупреждал его относительно своих поездок по границе, а также и о работе. Это было необходимо в случае какого-либо пограничного недоразумения, подозрения в шпионстве или в случае моего ареста. Между нами было условлено, что местным властям, в руки коих я мог попасть, я сообщаю, что о моей поездке знает Я. Брантинг; а он, уже получив телеграмму или какое-либо сообщение о моем приключении, лично должен снестись с соответствующим министром. Однако я вел дело так осторожно, что во время многих путешествий по пограничным городкам и местечкам ни разу не привлек на себя внимание властей.

Хапаранда, пограничный городок Швеции, был в это время центром всяческого шпионажа и сыска. Финские уроженцы, немцы, жившие до войны в России и Финляндии, английские, французские, русские и т.п. разведчики и контрразведчики были завсегдатаями гостиниц, ресторанов, парикмахерских и т. п. публичных мест. Каждое слово едущего из России или в Россию ловилось, оценивалось и доносилось кому следует.

В Хапаранде же был организован и финский „активистский" приемник—явка. Они имели хорошо скрытое и оборудованное паспортное бюро, снабжавшее своих сторонников и немецких агентов соответствующими бумагами, согласно тре-

бованию военного времени. В окрестностях у них была своя переправа для людей, литературы и оружия. Организация была богато обставлена. Сведения об этом мне удалось получить от моих пограничных знакомых шведов, с которыми приходилось иметь дело по организации и транспорту.

Военный шпионаж великолепно использовал и „симпатии" или „ориентации" тех или иных социалистов, превратившихся в сторонников—одни союзников, другие—стран согласия. Немецкий шпионаж нашел себе агентов в среде социалистов мелких народностей, как эстонцы, финны и др. Но известен случай, когда один датский журналист-социалист Крузе ездил в Россию с неизвестными поручениями, за границей же вращался около наших эмигрантов, добывал от них личные связи с Россией и т. д. В России же он являлся к социал-демократам, к нашим товарищам якобы с поручениями от заграничных организаций или отдельных лиц, в зависимости от случая. Вскоре была обнаружена его связь со шпионом эстонцем Кескулой, и заграничные товарищи выбросили его из своей среды. Будучи в 1915—1916 году в России, я встретил Крузе в Питере, куда он приезжал по делам какой-то торговой фирмы. В Москве узнал о его самозванстве и даже большем, о чем свидетельствует следующее показание одного товарища, к которому явился Крузе, пользуясь случайным знанием его адреса.

„Мне пришлось встретиться с К. два раза: — осенью 1915 г. и в феврале 1916 года. Моя первая встреча была чисто случайная, и никаких практических предложений он не делал; говорил между прочим, что приехал по поручению Ц. К., привез литературу, которую оставил в Петрограде. Мне казалось, что в Москве у него никаких связей нет, и я даже не понимала, зачем он тут жил несколько дней. Виделась с ним очень часто и подолгу разговаривала. Он сообщал, что в Петрограде был во фракции Чхеидзе. При встрече с ним в феврале мы много говорили об организации, о транспорте, литературе и т. п. Между прочим он высказывал удивление, что наши революционные организации не подготовляют восстания, и упомянул, что оружие могло бы быть доставлено из-за границы. Но ничего определенного сказано не было. Он расспрашивал, имеется ли в Москве типография, и утверждал, что оборудовать такую типографию очень легко, что он может прислать шрифт и все, что надо для типо-

графии, и в каком угодно количестве. Доставка эта, по его словам, не сопряжена ни с какими трудностями:—необходим лишь адрес и лицо, которое могло бы ее взять. Тогда я предложила ему сделать это: дала адрес, по которому он мог бы сообщить о доставке такой типографии в Петроград, а я должна была бы съездить за ней и перевезти в Москву. Точно также я с ним условливалась о присылке литературы. В день отъезда К. в Петроград он просил меня сходить к одному латышу и передать ему его привет. Поручение на мой взгляд было какое-то неопределенное и непонятное для меня. У латыша я не была. Вскоре я получила от него несколько писем с поручением личного характера о высылке ему некоторых книг и т. п. Одно письмо носило чрезвычайно неконспиративный характер: там указывался адрес, по которому я должна буду пойти в Петрограде, когда он мне напишет, затем сообщалось, что он узнал, будто литературы сейчас в Москве много, и о ней можно справиться у..... (была указана фамилия) и спрашивал, может ли он пользоваться данными мной адресами для упомянутых дел. Письмо это я уничтожила. Совершенно случайно у меня сохранилось другое письмо К., в котором он снова просит меня найти латыша, передать ему привет от Кескула и какие-то непонятные для меня фразы. Письмо это сфотографировано и поэтому я не повторяю точно его содержание. Но я так и не побывала у этого латыша. Мои переговоры с ним о типографии, литературе и пр. велись в присутствии третьего лица, но разговор велся на английском языке и я переводила".

Нам приходилось быть очень осторожным и чутким ко всякому грязному прикосновению военной подлости и мерзости провокации, разведке, шпионажу.

Развал в социалистической среде, разделение на всевозможные „ориентации" прикрывали простую продажность и переход некоторых отдельных лиц из интеллигенции на службу буржуазии и придавало им видимость служения идее. Таков был эстонец Кескула с друзьями вроде датчанина Крузе, один финский революционер 1905 года с активистами и пр., „желавшие и горевшие" жаждой помочь русской революции... за счет германского генштаба.

Отправляясь на шведскую границу, взял с собою переводчика, одного из рабочих, эмигранта А. Хавкина, хорошо

владеющего шведским языком. Заехали по пути в Люлеа, повидались с местными социалдемократами и от них получили несколько связей на дальнем конце северной финско шведской границы. Оттуда отправились в Хапаранду.

За время войны мой старый приятель,—сапожный мастер превратился уже в солидного предпринимателя и владельца богатого товаром сапожного магазина, имел уже собственный дом. Взгляды его также приобрели некоторое изменение. В суждениях он становился солидным и одобрял позицию правых. К моей работе особого интереса уже не проявлял и очевидно боялся быть скомпрометированным перед властями и покупателями. Но это уже не огорчило меня, так как товарищей, готовых помочь, на шведской границе было достаточно. Часть литературы переправили на островок Ботника—Сескаре, товарищу Летебергу. Другую, запакованную в деревянный сундук, везли с собою и направили по адресу, данному из редакции „Норскенфламмен", в местечко, верстах в пятидесяти на север по границе выше Хапаранды.

Недалеко от железнодорожной станции нашли хуторок и молодого его хозяина. Принял нас приветливо, а после письма товарищей из Люлеа согласился оказать всяческое содействие. Отсюда, при помощи товарища, я решил направиться в Россию, а после, по тому же пути, отправлять литературу. Хозяин хутора попросил двое суток сроку для выяснения и подготовки пути. Особенно его смущала река Торнео, которая усиленно сопротивлялась мягким морозам и замерзала лишь кое-где. Мы привезли кое-какое угощение и поощрили им нашего нового знакомого. Выяснив направление и пр. условия, он исчез на разведки.

Через пару суток хуторянин вернулся и радостно объявил нам, что все готово. Он нашел пути и лошадь, которая отвезет и передаст дальше. Главное мое условие было—везти до Улеаборга. Если нельзя одному и тому же лицу, то с передачей другому вознице, но так, чтобы мне самому не пришлось искать лошадей. Плату обещал марку за километр пути, а если потребуется, мог заплатить и дороже. Но финны редко этим злоупотребляли.

Отправиться решили в полночь. Была вторая половина октября 1916 года. Переодеваюсь применительно к финнам, беру сумку, наполненную дорожными вещами, бельем и

литературой и прощаюсь со своим товарищем и переводчиком Хавкиным. Вышли осторожно, полями прошли к реке, часто проваливались в ямы. Полярная ночь не была темна: хотя небо и было закрыто облачками, но все-таки по снегу было видно далеко. Через реку мы переходили вдали друг от друга, держась за концы длинной веревки, так как мой проводник на крепость льда не надеялся. По реке шли долго. Наконец достигли берега, по краю которого проходила снежная тропа. Проводник указал, что эта тропа проторена пограничной стражей и жандармами. Дальше шли под прикрытием тростника, рощиц и вышли на большую дорогу в Торнео. Пройдя по ней пару верст, мы направились к одиноко стоявшему хутору и разбудили хозяина. Пока мы отдыхали, была запряжена лошадь, и меня повезли. Куда, к кому,—я уже не интересовался, доверяясь исключительно мудрости и честности финна.

XXXIII.

По шоссейной дороге мы ехали недолго и свернули на проселочную дорогу в направлении на восток. Снегу было еще немного и санки прыгали по кочкам, ныряли в ямы, утомляя лошадь. К обеду доехали до какого-то хутора и остановились у домовитого и хозяйственного финна. Хуторок был расположен на опушке леса, имел много хозяйственных построек, сельско-хозяйственных орудий и скота. Молодые парни тут же около дома охотились на зайца. Кроме финского, других языков не знали, и время пришлось провести в молчании. Угостили кофе, молоком и чем-то напоминающим российскую простоквашу, но значительно плотнее.

Через несколько часов отправляемся в путь, но уже с другим возницей. Пути не спрашиваю—не поймут; но вижу, что знают, куда надо. Дорога шла по лесу, малоезженная. Очевидно, финны нарочито выбирали наиболее скрытые пути. За все время от границы я не встретил ни одной лошади, ни одного постороннего пешехода. Этот вез недолго и остановился также у хутора. Стройка была старая, но крепкая; и также невдалеке был лес, а кругом—пахотная земля. Что и как родит она здесь, на далеком севере, неизвестно. Хозяин встретил нас радушно и по-шведски, да при помощи

пальцев объяснил, что ожидает меня уже два дня. Меня это несколько удивило, но расспросить, каким образом он был осведомлен—я не мог, так как не обладал достаточным запасом слов. Повел в избу. Внутренность многим напоминала наши крестьянские хаты. Та же большая горница с огромной печью, скамьями по стенам и висящей одеждой, лошадиной сбруей и т. п. утварью на стенах. Но на некоторых хуторах была другая половина—чистая, в которой встречались венские стулья, швейная машина, зеркало и даже граммофон или гармошка. Финны—большие любители кофе, как русские—чая; так же всюду угощали меня, но я предпочитал молоко и хлеб, так как хотел есть, а „не угощаться".

Часов в шесть вечера покинули хутор. Лошадка бодро бежала, в хороших санках было удобно отдыхать от кочек и рытвин предыдущей дороги. Возница также не спрашивал куда нужно, а ехал своими путями, избегая дорог. Много времени ехали по некрепкому льду какой-то речушки, по неглубокой целине и проселками. Стало смеркаться. Осенняя ночь наступила быстро. Вдали виднелись огоньки; это мерцал маленький городок Рованьеми. Мы держали путь к нему. Чем ближе мерцали огоньки, тем яснее становился глухой рокот и шум реки. Было очень темно, снегу мало, но умная лошадь знала дорогу, осторожно спустилась с крутого берега и пошла навстречу водяному шуму. Пройдя пару сотен шагов, лошадь зафыркала и стала. Даль зловеще чернела. Возница слез и пошел вперед. Скоро я услышал, как его кнутовище ударило по воде. Лед был не во всю ширину реки. Он крикнул раз, другой, очевидно вызывал лодку. Из далекой мглы послышался ответ. Проводник знаком пригласил меня слезть. Вскоре стал слышен приближающийся плеск весел, и через несколько минут около нас, прямо на лед, въехала носом большая лодка. Один из сидевших в лодке вышел и остался при лошади, а хуторянин поехал со мной на другой берег. Через несколько минут, пройдя быструю, шумливую реку, лодка подошла к береговым мосткам.

Пошли в гору и вышли на маленькую уличку. Вошли в большой дом. За столом большой горницы сидело несколько людей. Керосиновая лампа бледно освещала их беседу. Все повернулись к нам. Хуторянин очевидно говорил обо мне. Мне дали стул и выжидательно смотрели, переговариваясь

между собою. Пришел молодой человек, одетый по городскому, и задает мне вопросы по-фински, по-шведски. Я по-шведски отвечаю, что понимаю и могу говорить только по-русски, по французски, немецки и английски, но других языков не понимаю. Тогда по-немецки он спрашивает меня пароль; а другой, подходя ко мне и отворотив верхнюю полу пиджака, показал знак. Я сказал, что пароля у меня нет, значка тоже. Перевод моих слов ошеломляет всех, и меня запрашивают: куда я еду? как попал сюда и кто я? Я быстро сообразил, что попал на квартиру какой-то организации, по характеру своему показавшейся мне заговорщической. В уме вспыхивали тысячи предположений; но самые главные были два: я попал или на квартиру немецких шпионов, или финских революционеров с разрешения буржуазии—так называемых „активистов". Однако решил не выдавать своих предположений и не придавать значения всему, что вижу. На вопросы отвечаю, что я русский революционер, член Р.С.-Д.Р. Партии, фамилия моя—Беленин. Еду в Россию для партийной работы, извозчиков и путь устроил через товарища шведа от границы.—„Надеюсь, что это останется известным только находящимся здесь и меня не отправят в полицию",—добавил я.

Выслушали, перевели, обсудили и объявили мне, что произведут личный обыск. Я предложил свою сумку с вещами и литературой и карманы своей одежды. На белье искали меток, на одежде также. Но все на мне было заграничное, а газетам и брошюрам значения не придали. Все же, очевидно, ничего подозрительного у меня найдено не было, и я все уложил обратно. Говорящий по-немецки финн предложил следовать за ним. Мы покинули таинственный дом и пошли в другой, маленький, новенький. Он заявил, что здесь его квартира. Там мне было предложено еще несколько вопросов о том, кого из финнов я знаю. Из осторожности я назвал два—три имени известных мне только как депутатов Сейма. Разговорились. Собеседник оказался инженером и будто работал на местной лесопилке. Разговор перешел на войну. В этом вопросе инженер был на стороне Германии. Ей он желал победы и от этой победы ожидал счастья и для Финляндии. Немецким языком я недостаточно хорошо владел, чтобы пускаться в длинный спор; но высказал уверенность,

что финский народ освободится от царского гнета и получит свободу только при условии свержения царизма. Немецкая ориентация является только заменой одного гнета другим. Вся судьба Финляндии связана с успехом революционной борьбы рабочего класса в России, а не с победой той или иной коалиции.

Хозяйка угостила нас кофе. От инженера узнал, что я свободен; а свое первоначальное поведение объяснил тем, что они испугались шпионажа. Я попросил дать мне лошадь и с таким расчетом, чтобы возница меня вез на Улеаборг, передавая другому с непременными обязательствами везти на Улеаборг. Инженер пригласил своего хозяина. Тот согласился отправить меня верст за двадцать, на своей лошади. После полуночи мы прибыли на хутор, служивший, очевидно, почтовым и постоялым двором. Мне дали комнатку.

Утром ко мне пришел молодой человек, отрекомендовался студентом и назвал свое имя. Говорил хорошо по-русски. От моего возницы он узнал о моем приключении. Мы долго беседовали с ним на различные мировые темы. Он оказался также сторонником немецкой ориентации, но называл себя финским революционером и демократом. О финской социал-демократии он отзывался пренебрежительно, так как не считал ее революционной.

От него я узнал также, что значительная часть финской учащейся молодежи и интеллигенции объявила войну русскому правительству. Одни из них ушли в Германию сражаться за освобождение Финляндии; другие, в том числе и он, остались в Финляндии для организации финской армии из старых солдат бывшей когда-то финской армии и из молодых крестьян-добровольцев. Они были хорошо организованы, имели по всей Финляндии агентов и „пункты“ (секретные квартиры), как говорил студент. Оружие они получали из Швеции. Ими был оборудован особый путь,—зимой на санках, а летом на мотоциклах и велосипедах от шведской границы до Выборга. Этим путем пользовались для провоза оружия, людей и почты. Особенно хорошо они были, по его словам, организованы на севере, т.-е. в том районе, где мы тогда находились.

Во время моего пребывания на хуторе к нему приходили различные люди, повидимому, учителя. Показывали свои

значки, говорили пароль и получали от него директивы и указания. Он мне поведал, что состоит начальником участка, и показал карту Улеаборгской губернии, где были намечены карандашем пути и местопребывания агентов. Я невольно пришел в изумление от такой неосторожной зарисовки всей организации, и мой встречный активист провозился целый день за стиранием отметок на карте.

Целый день не выходя провели в гостинице. Выезжать мне не советывали, так как в окрестностях производились обыски, и вся финская полицейская стража рыскала по дорогам. На другой день он предложил проводить меня в течение двух дней, так как и ему нужно было проверить свой район, и наши дороги совпадали.

На другой день с утра направились в путь. Я был очень рад, что у меня есть попутчик и переводчик. За этот день дважды останавливались и меняли лошадей. Вечером приехали на постоялый двор, где нам отвели две комнаты и дали хороший ужин. Мой спутник сообщил мне, что от своих людей получил сообщение о том, что вблизи от места нашей ночевки орудует финская полиция и русская жандармерия. Идя спать, предупредил меня, что будет стрелять, если полиция нагрянет на гостиницу. На ночь разложил около себя револьверы и запер двери на крючки.

Однако полиция не потревожила нашего сна, и мы отправились дальше. Погода стояла мягкая. По мере нашего продвижения на юг, снега становилось все меньше и меньше. К вечеру мы добрались до небольшого селения и остановились в избушке старого финна—солдата. Солдат был большой патриот, хранил свой старый мундир и работал с активистами.

Из отдельных бесед, мимолетных встреч я убедился, что какая-то ловкая рука искусно эксплуатирует лучшие чувства и революционные настроения финляндской молодежи. Этой рукой был хищный империализм. Я всячески старался доказать ложность путей, на которые стали активисты. Моя заметка студенту, что они работают не на пользу финского народа, а в интересах германской буржуазии, смутила его.

От него я узнал, что по окончании университета он служил на таможне в Белоострове. Часто бывал в Питере. Во время войны бывал в Выборге, а также и в Питере, где имел

знакомства во дворце князей Ольденбургских. Было ясно, что агентура их доходила и до царских палат. Он мечтал создать на севере такие отряды, которые теперь же могли бы начать вооруженную борьбу со сторонниками царского режима в Финляндии, а также с полицейскими учреждениями и военными русскими постами.

Утром на другой день, переночевав у солдата, мы расстались. Он уговорил солдата отвезти меня до определенного места, а там передать другому, который должен передать меня следующему, и таким порядком до самого Улеаборга. Солдат пунктуально исполнил данное ему поручение и перед обедом сдал меня другому. Тот в свою очередь отвез меня в какое-то местечко, на берегу реки Ий-Иёки. В доме, в который меня привел возница, хозяина не было. Я думал, что он придет, ждал час, другой—никто не явился. Знаками спросил хозяйку, когда поедем до Улеаборга—она дала в ответ мне газету и указала на расписание поездов. Оказывается, что недалеко, всего верстах в 12-ти, находится железнодорожная станция „Ий“, оттуда она и рекомендовала мне отправиться до Улеаборга. Но это не входило в мой план, так как у меня не было необходимых для путешествия по жел. дороге документов.

Прождав часов до четырех вечера, решил покинуть хибарку и найти лошадь своими силами. Взял свою сумку, простился с хозяйкой и направился по селу. На выходе, у одной избы, встретил группу крестьян. Справился, не говорит ли кто по-русски? Один назвался, но понимал очень мало и плохо. Спросил, не согласны ли довезти меня до Улеаборга? Удивились моему желанию и рекомендовали поехать по железной дороге, так как это дешевле и скорее. Видя, что ничего не добьюсь, спросил, где дорога к станции, и направился туда.

Не знаю чем, но было очевидно, что я заинтриговал крестьян. Двое из группы пошли следом за мной в некотором отдалении. Я почувствовал, что попал под наблюдение, но решил смелостью и уверенностью разбить все подозрения. Другого выхода у меня не было. Часа через два добрался до станции. Чтобы подойти к ней, нужно было пройти железнодорожный мост через реку „Ий-Иёки“, внизу коего сделан проезд для лошадей и пешеходов. И вверху,

и внизу мост охранялся часовыми. Колебаниям уже не могло быть места. Пошел на станцию. Оказалось, что пришел еще слишком рано. Публики было мало, жандармов при станции не было. Стало темнеть, зажгли фонари. Станция мало-по-малу начала наполняться. Взял билет и от кассира узнал, что первым ожидается скорый, останавливающийся только в Улеаборге, а за ним идет пассажирский, с остановками по всем станциям. Этот поезд мне и был нужен. Со скорым ехать было опасно, так как в Улеаборге производилась проверка документов, а их-то у меня и не было. С пассажирского я мог сойти станцией раньше и дойти пешком до города. В ожидании прихода поезда решил, на всякий случай, ознакомиться с расположением станции. Кругом лес. Вход в классные комнаты станции был только с дебаркадера. За несколько минут до прихода скорого появился солдат с винтовкой. По наплечникам можно было определить, что из контр-разведки. Вошел внутрь станции. Я обошел станцию и, забравшись на пожарную лестницу, положенную на крышу, стал наблюдать за солдатом. Он начал проверять паспорта. Два крестьянина, следившие за мной, были в зале. Я решил не показываться при прибытии скорого поезда, да и вообще не показываться на глаза солдату. Скорый пришел, выбегали шумные пассажиры в буфет, появились офицеры и сопровождающие поезд жандармы. Станция быстро оживилась. Свисток — и она так же быстро опустела.

Через некоторое время должен был придти и пассажирский поезд. Подошел ближе к станции. Солдат ходил по платформе, заметил меня и наблюдал за мной. Внимательно осматривал и старался, проходя мимо, приблизиться ко мне. Я почувствовал, что дело плохо, но решил ждать, что будет дальше. Наконец, он сделал крутой поворот и направился ко мне. Подойдя, обратился по-фински с вопросом, куда я еду? Я ответил ему по-русски, что еду в Улеаборг. Удивился моему знанию языка и начал спрашивать, где я учился русскому языку, на что я опять ответил по-русски, что в Петербурге,—упустив из виду, что он уже переименован в „Петроград". В конце концов, конечно, всин потребовал у меня паспорт и попросил войти в класс. Входим в I класс,— пусто. Не показал виду, что не имел паспорта, а искал его по карманам, в сумке, но, конечно, не нашел. Заявил, что

забыл его на квартире всего в десяти верстах. Как местный житель, к тому же я не нуждаюсь в паспорте. Однако представителю контр-разведки это показалось мало убедительным, и солдат объявил меня арестованным, предложив следовать за ним в зал III класса. Там было много народу. Ему легко было призвать кого-либо к себе на помощь, и я решил не итти из зала I класса. В голове быстро созрела решимость бежать. Видя мое упорство, солдат открыл дверь в третий класс, высунул туда голову и стал кого-то звать, а в это время я тихо толкнул дверь из I класса и быстро скользнул на дебаркадер, обежал вокруг станции, перепрыгнул через забор и скрылся в лесной темноте. В тот же момент подошел и ожидаемый мною поезд. Контр-разведчик очевидно решил, что я скрылся в поезде, но я бежал в это время по тропинкам в лесу.

Выйдя из лесу, я не знал, в которую сторону следует итти. Небо было пасмурное, и по нему невозможно было определить направление. Побрел в лес, чтобы осмотреть, которая сторона деревьев поросла мхом от северных холодов; но в темноте это было установить очень трудно. Решил залечь в сточную железнодорожную трубу и ждать прохода поезда. Если он пойдет в моем направлении—значит мой путь верен. Если же не пойдет, значит нужно возвращаться в другом направлении. Ждать пришлось долго. Очевидно, обыскивали поезд, искали меня. Но вот, наконец, слышу свисток. Через несколько минут два светящихся глаза засверкали вдали, и поезд пробежал по тому же направлению, по которому шел я. Выход есть, и мне стало так радостно, так хотелось огласить лесную равнину каким-либо торжествующим криком, шумом, хотелось запеть...

До Улеаборга, по извилистым дорогам, было верст семьдесят. Предполагая возможность погони, я решил итти без остановки всю ночь. Пошел вдоль полотна железной дороги. Снегу было мало, мороз был очень легкий. В финских сапожках без подметок итти было неудобно. От бега и быстрой ходьбы мучила жажда, да и голод давал себя чувствовать. Уже сутки, как я ничего не ел, а „угощался“ финским кофе. Подходил к железнодорожным будкам, пытался стучать, в надежде купить себе хлеба и молока, но, усталые после тяжелого дневного труда, будочники не слышали моих призывов, спали.

Мучимый голодом и жаждой, я лазил в сараи, погреба, но ничего не находил и утолял жажду и голод снегом.

За ст. Хаукипудас путь мне преградил мост. Итти через него, мимо часовых, в полуночный час, было рискованно, и я стал искать других путей. Шел тропинками, по огородам, мимо и через постройки и, наконец, набрел на подобие большой дороги. При раздвоении дорог брал ту, которая шла, приближаясь, к ж.-д. пути. Эта дорога привела меня к большой реке,—той самой, через которую был мост. У берега стояли лодки, служившие для перевоза. Около берега была широкая окраина, а дальше — сплошное поле льда. Решил дождаться утра, найти лодочника и переехать, а пока забраться спать в какой-нибудь амбар. Нашел какое-то хранилище соломы, где, среди мышиного писка, провалялся до начала рассвета и потом пошел к избушке перевозчиков, на берег реки. Там уже мерцал огонек. Люди вставали. На мою просьбу знаками о переправе, старик указал на ноги, что можно, мол, пройти. Я просил провести, и старик повел меня к реке, перекинул через окраину доску и по ней мы перешли на прочный лед. Перейдя на другой берег, он указал мне дорогу на Оулу, т.-е. на Улеаборг, и был очень рад данной ему марке за переправу.

Наступил теплый день. Снег таял, от воды мои сапоги разбухали и их острые носы загибались кверху. Итти было трудно, да и усталость начинала покорять. По пути избегал встреч, скрывался в лесу при виде группы людей, всадников и телег. В одной деревеньке встретил лавочку, купил печенья, яблок и устроил себе обед.

Только в два часа пополудни добрался до редакции Улеаборгской с.-д. газеты, пробыв в пути время от восьми часов вечера предыдущего дня. В редакции нашел всех своих знакомых бодрыми и, посидев пару часов, пока мне искали подходящее помещение, я уже не был в состоянии итти. Ноги отяжелели, пальцы ног покрылись кровавыми мозолями. Товарищи решили на несколько дней скрыть меня за городом, на хуторе у с.-д. Только через пять дней я мог свободно и сравнительно безболезненно владеть своими ногами. Тотчас же решили ехать. Товарищ Ускила нашел документ, к которому нужно было приклеить мою фотографию, и местный фотограф изготовил карточку в срочном порядке, уничтожив негатив.

До Гельсингфорса добрались благополучно. Нашел Вяйка, Ровио и др. товарищей. Ровио достал мне финский паспорт, и через несколько дней я направился в Питер. Поезд был полон военными и буржуазной публикой. Проехали благополучно Белоостров; прошла жандармерия и таможенный осмотр. Во второй половине октября 1916-го года я был уже вновь в Питере.

XXXIV.

В Питер приехал в разгар битвы. На улицах Выборгской стороны „пахло порохом". Останавливаюсь за Невской, у своих родных, и разыскиваю „Петербургский Комитет". На заседании Исполнительной Комиссии П. К. встречаю Евдокимова, Антипова, Шмидта, „Аню" (Костину). Знакомлю их с делами за-границей, делюсь литературой, которую удалось захватить с собой, и получаю от них сведения о важнейших событиях этого года.

После моего отъезда за-границу, в феврале 1916-го года, в Питере был целый ряд стачек. Из них особенно ожесточенная была у Нового Лесснера. Стачка вспыхнула стихийно, на экономической почве. Главным требованием было повышение заработной платы для чернорабочих до 2 р. 50 коп. в день. Стачка началась 21 марта, накануне праздников, и этим уже была неудачна. Однако, несмотря на неблагоприятное положение, коллектив принял на себя руководство стачкой и выпустил в этих целях несколько воззваний, часть коих сохранилась у меня. Передаю их целиком:

„Приходя в завод, не приступайте к работам, отстаивайте ваши главные требования! Пусть жертвы, принесенные вами во время этой забастовки, не будут напрасны. Пусть фабриканты и заводчики на опыте этой стачки убедятся в нашей солидарности, в нашей организованности, ибо, дав прибавку чернорабочим у нас, заводчики будут вынуждены пойти на прибавку в целом ряде других заводов. Пусть напоминанием о ходе этой забастовки мы не дадим разгромить нашу солидарность. Помните: прибавка, требуемая нами для чернорабочих,—необходима им, как воздух, как вода! Прислушивайтесь к своему коллективу — *он составлен из ваших*

представителей и представителей всех революционных течений на заводе. Прислушивайтесь к голосу и совету передовых товарищей, и тогда вы имеющиеся благоприятные признаки используете в своих интересах.

„Руководящий Коллектив рабочих завода Новый Лесснер".

„29 марта 1916 года".

Однако трудности экономической борьбы при отсутствии общего профессионального центра, в условиях полицейского террора и угроз фронтом, сказались через несколько дней после объявления стачки. Основной ошибкой коллектива было—разрешение брать расчет, которое свело забастовку на нет и дезорганизовало стачечников. Кроме того, забастовка, поставившая вопрос об увеличении заработной платы чернорабочим, могла иметь успех только в том случае, если имелось на-лицо общее или, во всяком случае, движение большинства предприятий металлической промышленности за этим требованием. Этого не было, и стачка, начатая неудачно по времени, не была связана с общим движением металлистов. Это очень выпукло видно из заявления самого коллектива:

„От Руководящего Коллектива рабочих завода Н. Лесснер.

„Товарищи!

„Часть из вас, получая расчет, записываясь на работы, усиленно обсуждает: что делать? как быть дальше? Наконец, другие товарищи, участвуя в забастовке, в своем понимании ее на протяжении 8 дней руководствуются объявлениями, вывешиваемыми заводской администрацией, или же различными слухами, толками, берущими свое начало в тех же кабинетах, как высшей, так и низшей администрации. Отсюда всякие неверные, нелепые мнения. Благодаря этому часть рабочих толкует о проигранной стачке, рисуя себе всякие страхи: призыв на фронт и пр. и пр. Каково же в самом деле положение? Есть ли место унынию? Или же причина коренится в неумении товарищей учесть все обстоятельства, выдвинувшиеся в ходе стачки? Если товарищи больше будут прислушиваться к голосу передовых товари-

щей, к голосу своего руководящего коллектива, будут выполнять решения своих представителей, не будут действовать каждый за свой риск и страх, то нет места унынию. Надо твердо запомнить и знать, что говорили мы на общем собрании и в своем первом листке. Мы говорили: *больше твердости, больше организованности!* Не верьте слухам, объявлениям администрации! Помните, что ваш коллектив зорко охраняет ваши интересы. Он во-время укажет вам, что делать и как делать, и только таким путем мы вырвем у наших капиталистов все, что мы в силах отвоевать в данный момент. Мы и раньше говорили, подтверждаем и теперь: борьба трудна, и чем больше организованности, тем больше шансов на выигрыш стачки. Наше постановление о невзятии расчета было нарушено, и мы в интересах стройности стачки вынуждены были и остальным рабочим рекомендовать брать расчет, хотя понимали, что этим ослабляем свои силы. Появилось объявление о записи на работу,—и мы, учитывая невозможность удержать товарищей от записи, вынуждены были не протестовать против нее, опять-таки зная, что это не в наших интересах. Товарищи! Сделана ошибка! И если хотите, чтобы забастовка окончилась победой рабочих, не повторяйте ошибок в будущем. Знайте, товарищи, администрация, вынуждаемая военными властями, желанием как можно скорого выколачивания прибавочной стоимости, наконец, боязнью перехода завода в казну, боязнью, что и во многих других заводах будут тоже предъявлены требования,—вынуждена пустить завод как можно скорее. В интересах администрации нарушать силу рабочих, их организованность, стараясь всякими страхами запугать их, разбить их силы. Помните, товарищи, что в исходе нашей стачки, в отстаивании наших основных требований, т. е. в приеме на работу всех рабочих и увеличении платы чернорабочим мужчинам и женщинам—заинтересованы все Питерские рабочие. Недаром Общество фабрикантов и заводчиков рекомендует акционерам завода „Г. А. Лесснер“ не уступать в этом требовании. Наконец, помните, товарищи, что если сейчас нет призывов на фронт, массовых арестов передовых товарищей, то они будут, как только администрация завода убедится в слабости нашей, в неумении отстаивать свои интересы. *Товарищи!* Сегодня, завтра администрация

вывесит объявление о начале работ, или же, произведя основательную чистку, т.-е. не приняв на работу многих передовых товарищей, будет рассылать остальным рабочим приглашение явиться на работу. Будет ли сделано то или другое, знайте, что в ваших интересах, приходя на завод и не прислушая к работам, послать ваших представителей к администрации завода вести переговоры о принятии всех рабочих и о прибавке чернорабочим, ибо иначе не только вы будете работать на старых условиях, но администрация, пользуясь вашей неорганизованностью, еще больше ухудшит условия труда. Знайте, товарищи: прошло 8 дней стачки, и все же мы говорим: *положение благоприятно, мы победим, мы сможем отстоять наши главные требования, если вы будете стойки и солидарны.* Перед администрацией нет другого исхода, она вынуждена удовлетворить наши требования. И как было в начале стачки, таково положение и теперь. Помня и отстаивая свои главные требования—*прием всех рабочих на завод и прибавка чернорабочим,—мы сумеем достигнуть кое чего и в остальных % прибавках рабочим.*

„За все время забастовки администрация нащупывает нашу силу и солидарность рабочих, ибо она вынуждена как можно скорее пустить завод, боится рабочих и поэтому пускает сегодня три мастерских; завтра же, убедившись в нашей неорганизованности, пустит и остальные мастерские, предварительно выкинув самых передовых товарищей, предварительно вместе с полицией произведя сотни арестов, пошлет сотни наших товарищей на передовые позиции. Если она этого еще не сделала, то вы сами не помогайте ей в этом.

„Товарищи!

„Поймите серьезность положения! Все вы, пришедшие на завод, можете заставить администрацию не разгромить наши силы, наши ряды. У администрации нет другого выхода и она вынуждена будет удовлетворить наши требования. Будьте стойки, действуйте организованно и прислушивайтесь к голосу нашего Руководящего Коллектива и передовых рабочих. Действуя неорганизованно, вы разбиваете стачку и содействуете ее провалу. Жертвы, принесенные рабочими в этой забастовке, не должны быть напрасны. *Имейте больше веры в свои силы*, не идите на провокацию и не разбивайте ваших

рядов! Не способствуйте вашей неорганизованностью видам и намерениям ваших классовых врагов—капиталистов! *Не приступайте к работам, посылайте депутатов к администрации и требуйте удовлетворения ваших главных требований: прием всех рабочих и прибавка чернорабочим!*

„Руководящий Коллектив рабочих завода Новый Лесснер.

„Петроград, 31 марта 1916 года".

Эти воззвания, размноженные на машинке и гектографе, распространялись среди рабочих, когда завод был закрыт.

В апреле коллективом был издан уже печатный листок, посвященный стачке, следующего содержания:

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

„К рабочим завода „Новый Лесснер".

„Товарищи! 21-го марта мы были вынуждены дать отпор разыгравшимся аппетитам капиталистов, хозяев зав. Лесснера. Все рабочие хорошо сознавали, во имя чего поднималась стачка... Господа капиталисты, патриоты всех рангов, до того расширили формы своего грабежа, что мало-оплачиваемому рабочему жить стало невозможно. И мы основным своим требованием выставили повышение заработной платы всем чернорабочим.

„Мы твердо были уверены, и не раз на собраниях предупреждали об этом вас, что только полною солидарностью и крепкою организованностью мы добьемся победы. И пока наши действия были дружны, победа была за нами...

„Но наша солидарность была расстроена нами самими. Наиболее робкие и слабые из нас, напуганные раздутыми опасностями, сперва стали брать расчет, а потом снова вырядились в ненавистное ярмо капиталиста...

„Тяжелою и позорною ценою купили мы себе жалкое право собственного благополучия. Своими ошибками, малодушием и страхом мы предали своих товарищей. Более тысячи человек лучших и сознательных из нас выброшены за ворота на произвол судьбы...

„Как же мы отнеслись к этому факту хозяйской расправы? Могли ли мы бросить своих товарищей в этот тяжелый для них момент? Что мы сделали, чтобы их отстоять? Неужели мы молча наблюдали, как с ними расправляются полицейские и капиталисты? К нашему стыду, это было именно так. Но стачка еще не закончилась... и пока не поздно,—не наш ли долг встать на защиту рассчитанных товарищей?

„Возвращение всех уволенных за стачку рабочих!

„Помните, товарищи, что только этим путем мы можем исправить свои ошибки, сделанные во время забастовки!

„Рассчитанные рабочие должны быть возвращены!

„Коллектив рабочих зав. Нового Лесснера
при Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
„Апрель, 1916 года".

Впечатление от этой стачки в рабочих районах Питера и даже за пределами его было огромное. Фабриканты и правительство ответили репрессиями. Деятели военно-промышленных комитетов играли тогда постыдную роль стачколомов. Меньшевик Брейдо, член рабочей группы В.-П. Комитета, особенно усердствовал. Две тысячи человек, в результате поражения, оказались на улице; имена их были занесены в черные списки. Многие попали в особые батальоны и на фронт. Этой стачке была посвящена целая статья в № 3-м нелегального „Пролетарского Голоса" — издания Петербургского Комитета.

Перед первым мая П. К. развил большую агитацию, выпустил специальную листовку и указанный выше 3-й номер „Пролетарского Голоса". Удалось провести много митингов-массовок и стачку на многих фабриках и заводах Питера. Лето также прошло в организации, собирании сил и в отдельных выступлениях, принявших в сентябре массовый характер. А в октябре дело дошло до уличных столкновений.

Как и в предыдущие годы, движение начиналось и проявлялось особенно организованно и революционно на Выборгской стороне. 17 октября началась забастовка на заводе Рено. Рабочие пошли снимать другие заводы. Появилась полиция, начала разгонять. Особенно крупные, многочисленные группы рабочих были около завода „Новый Лесснер".

Рядом с этим заводом были расположены казармы 181 запасного пехотного полка. Между солдатами и рабочими отношения были чрезвычайно дружественные. Среди толпившихся рабочих были солдаты. Говорили тогда, что был среди них и какой-то солдат раненый и „георгиевский кавалер". Когда полиция начала свирепствовать и напала с шашками и нагайками на толпу, солдаты соседней казармы, смотревшие на улицу через низкий забор, не выдержали, повалили забор и вместе с рабочими побили и разогнали полицию. Властями были вызваны казаки для ареста солдат и рабочих. Но казаки не решились действовать, и их убрали. Поступок солдат вызвал переполох среди военных властей. В казармы приезжало всяческое начальство; однако, арестовать „зачинщиков" из 181 полка смогли лишь ночью, после поверки. Арестовано было 130 человек, и их угрожали предать военному суду.

Стачка и все движение носило явно политический характер, но началось стихийно, непосредственно самой массой. За сигнал к стачке был принят листок Петербургского Комитета нашей партии следующего содержания:

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

„К пролетариату Петербурга.

„Товарищи рабочие!

„С каждым днем жизнь становится все труднее. Преступная война, затеянная хищниками международного капитала из-за соперничества за власть над миром, кроме миллионов убитых и искалеченных, кроме разоренных стран и превращенных в развалины сел и городов, несет в себе и другие беды: хозяйственное истощение воюющих стран, продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак — Царь-Голод, от которого человечество, казалось, раньше, избавилось навсегда,— если не считать отсталых стран вроде России, Китая и Индии,—вновь угрожающе надвигается на Европу, и ледяное дыхание его веет ужасом и смертью.

„Война ведется на истощение; она окончательно приняла затяжной характер. Правящие классы всех стран решительно

провозглашают лозунг „война до конца“, ясно выражающий это. Не в разгроме только вооруженных сил противника видят руководители войны решение предпринятой затеи,— а в его хозяйственном, экономическом разгроме, в полном материальном его истощении. Только выпустив все жизненные соки из народов противной стороны, только доведя их до полной нищеты и духовного и физического вырождения,—смогут они сказать себе, что задачи их исполнены: конкурент устранен с дороги, если не навсегда, то во всяком случае надолго. И вот прекращение чудовищной борьбы отодвигается все более и более в неведомую даль. Этому способствует еще и то, что война сама по себе несет небывалые выгоды господствующему классу, давая громадные проценты на затраченный ими капитал, открывая возможность самой наглой спекуляции и безудержной эксплоатации народных масс.

„Продовольственный кризис, отсутствие продуктов первой необходимости и растущая не по дням, а по часам дороговизна—все это последствия ведущейся ныне борьбы на истощение. Для России, кроме того, дело усложняется полным расстройством хозяйственной жизни страны и, в первую голову, средств сообщения, к которому привело ее господство разбойничьей царской шайки; наконец, огромную роль играет и та волна бесстыднейшей спекуляции, которая залила своей грязной пеной всю страну. Когда же нажиться, как не теперь,—вот вся идеология современных „хозяев жизни“, и всякий — от министра до лавочника — спешит урвать свою долю добычи. Крепостническое дворянство, под видом „твердых цен“ вздувающее цены на хлеб, сахарозаводчики, припрятывающие запасы сахара, чтобы вздуть на него цены, петербургские городские заправилы, наживающиеся на тухлой рыбе и тухлом мясе,—все прикладывают тут свои грязные лапы—и над всей этой свистопляской зарвавшихся хищников парит все тот же двуглавый орел—символ Романовской монархии,—на крови и золоте старающейся укрепить свое господство...

„Что могут и что должны делать народные массы и, в первую голову, пролетариат? Как бороться с продольственным кризисом, с надвигающимся призраком голода? Что противопоставить натиску хищников мародеров?

„Перед лицом общих причин, вызвавших кризис во всех странах, какие-либо частичные средства будут бессильны. И повышение заработной платы, и кооперация, и создание рабочих столовых и тому подобные меры „экономической самозащиты“ рабочих масс могут только несколько облегчить положение отдельных слоев пролетариата, но самых причин кризиса не устранят. Причины эти, лежащие в самом характере нынешней борьбы на истощение, могут быть устранены только с прекращением самой борьбы. *Только объявив решительную войну войне, только остановив бушующий мировой пожар, человечество спасет себя от надвигающегося голода, нищеты и вырождения.* Другого пути нет. Война выгодна господствующим классам, и они готовы воевать до бесконечности. Но народы, которым она несет только нищету, ужас и смерть, только вырождение духовное и физическое, должны сами позаботиться о судьбе своей и положить конец безумству и преступлению. *Пора народным массам взять инициативу в свои руки:* довольно терпеть и молчать. И пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собою все живые и демократические элементы страны.

„Товарищи рабочие и работницы и все граждане России!

„Вы должны твердо запомнить, что для того, чтобы устранить последствия, вы должны устранить причины. Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества.

„Пролетариат Германии и других стран давно понял это и ведет, на почве борьбы с дороговизной, борьбу со всем господствующим строем, борьбу за освобождение и мир. *Враг каждого народа находится в его собственной стране,* и только беспощадной борьбой против него народные массы могут спастись от обнищания и вырождения и добиться лучшего будущего.

„Товарищи! Мы призываем вас к борьбе. Сплоченными рядами под сенью широкоразвернутых красных знамен революционного социализма, мы выступим решительно—и победим. Да здравствует наша борьба!

„Долой преступную войну и ее зачинщиков! Долой Романовскую монархию! Да здравствует демократическая респу-

блика! Долой эксплоататоров и насильников! Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует социализм! Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!

„Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

„Октябрь 1916".

В листке, как видно, призыва к забастовке не было. Однако, настроение рабочих было столь повышенное, что один слух о том, что П. К. выпустил листок, могли принять за призыв к стачке. Правительство Штюрмера в то время вело борьбу с думским блоком. Обе стороны клеймили друг друга „изменниками". Было запрещено печатание думских речей даже буржуазных представителей, и это возбуждало невероятный интерес к ним со стороны всего народа. Все учреждения, машинистки всего Питера были заняты копировкою этих речей; и, вероятно, никогда они не расходились в таком количестве, как в это время. Основная тема этих речей—неспособность правительства организовать войну, или, как говорили тогда, организовать „оборону страны". Речи думских социалистов—Чхеидзе, Скобелева, Керенского и др. не выделялись из того же круга буржуазной идеологии и также вращались около „обороны" и „спасения страны". В их речах было немного больше „дерзновения", но не принципиальной, классовой особенности в переживаемую эпоху.

Н. С. Чхеидзе, которого я встречал часто по соглашению у Н. Д. Соколова, отвечал мне на мою критику, что они тоже „циммервальдисты", тоже противники войны; но война стала фактором, который необходимо использовать с.-демократии, не порывая с демократией, настроенной патриотично.

Петербургский Комитет поспешил ликвидировать вспыхнувшую стихийную стачку. По этому случаю был выпущен специальный листок такого содержания:

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

„Снова товарищи Петербургские рабочие обнаруживают перед всем миром свои мужественные желания, свою политическую мудрость, когда с кликом „долой войну" выходят

на улицу. Никто не может бросить им в лицо упрек, что лишь из-за своих узко личных расчетов они оставляют работу. Нет! Возмущенные этим долготерпением безмолвных народов, которые 25 месяцев позволяют своим правительственным шайкам уничтожать миллионы жизней, а капиталистам грабить осиротелую бедноту, петербургские рабочие открыто и громко заявляют о том, что необходимо положить конец этому потоку грабежа и смерти. Тяжкую бессмысленность этой безумной войны, которую с хладнокровием убийц ведут господствующие классы, особенно ясно теперь начинают понимать наши вчерашние товарищи по заводу, по фабрике — солдаты.

„Ведь это правительство муштрует и держит их день и ночь на улицах, превращая города в позицию с тем, чтобы по сигналу продажных душ заставить сеять смерть среди людей, повинных лишь в том, что они имеют смелость заявить правду в глаза.

„Товарищи солдаты! Вас посылают на границы России во имя интересов тех, кто давит вас в тисках своей власти. Здесь же дула ваших ружей направляются в безоружных рабочих, в ваших осиротелых матерей и сестер во имя того, чтобы беспрепятственно грабили их капиталисты. Такое братоубийство они называют защитой отечества; но совместное выступление наших братьев-солдат в эти дни может служить показателем того, что они с нами.

„Товарищи рабочие! Разъясните самым отсталым и темным из вас, что несет народу эта бесконечная война: устраивайте сборы, крепче связывайтесь с солдатами, но не давайте себя обмануть тем, кто хочет слухами, возбужденными действием полиции и провокации, вызвать вас на преждевременную бойню.

„Товарищи рабочие и солдаты! Покажите, что напрасны надежды ваших врагов, ждущих, чтобы выступили вы в схватку с ними теперь, когда еще не собраны ваши силы. Каждый день приближает грозу на головы правительства и правящих классов. Недостаток необходимейших продуктов продовольствия, хищничество заправил, ворох бумажных денег, расстройство путей сообщения все шире обхватывают Россию. — Так пусть же грядущий час народного суда заста-

нет наши ряды сомкнутыми и готовыми к длительной и стойкой борьбе!

„Читайте наши воззвания, устраивайте митинги, выносите резолюции, стремитесь к организации демонстраций и стачек, но не принимайте каждую демонстрацию, каждую стачку протеста за начало последней схватки в нашей трудной войне против царской монархии. Да здравствует эта война, начавшаяся давно, по временам затихавшая! Она принесет нам действительную победу, если мы сумеем во всеоружии, согласованности развивать ее. Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискацию помещичьих земель.

„Да здравствует революция! Долой войну! Долой монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международный революционный пролетариат! Да здравствует социализм!

„Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.“

Рабочие встали на работу, но ненадолго. Через несколько дней Петербургский Комитет опять поднял Питерских рабочих на защиту моряков балтийского флота, которым угрожал военный суд. В начале 1916 года в Питере, Кронштадте и Гельсингфорсе были многочисленные обыски и аресты среди моряков и лиц, соприкасавшихся с ними. Было создано громкое дело о „Военной организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. Партии“. Двадцать следующих товарищей сели на скамью подсудимых Петербургского Военно-Морского Суда: 1) у.-оф. Никифор Брендин, 2) машинист I ст. Гр. Варюхин, 3) матрос II ст. Александр Вахрамеев, 4) машин. I ст. Степ. Ерохин, 5) у.-оф. Федор Кузнецов-Ломакин, 6) матрос I ст. Вас. Марусев, 7) машин. I ст. Иван Мурашев, 8) кочегар I ст. Конст. Мусъяченко, 9) матрос I ст. Ник. Писарев, 10) у.-оф. электр. II ст. Тим. Попов, 11) маш. I ст. Вас. Пешков, 12) арт. у.-оф. I ст. Ив. Сладков, 13) машин. I ст. Тим. Ульянцев, 14) арт. ун.-оф. I ст. Влас Филимонов, 15) машин. I ст. Мих. Филиппов, 16) матрос II ст. Ник. Ховрин, 17) машин. I ст. Ив. Хрылев и

гражданских лиц: 18) Иван Егоров, ссыльно-пос., 19) Армина Михельсон, 20) Мих. Стакун.

Кроме этих лиц по делу были арестованы И. Ф. Орлов, Вас. Шмидт, Соломон Рошаль, Елена Хундадзе; но дело о них было выделено, и к процессу они не были привлечены.

Объемистый, в 50 печатных (на машинке) страниц „Обвинительный акт" довольно подробно описывает работу Петербургского Комитета среди моряков. Агентура Охранного Отделения была довольно хорошо осведомлена.

„С осени 1915 года,—начинает обвинительный акт,—в Кронштадтское жандармское управление стали поступать сведения, что среди судовых команд Балтийского флота заметно усилилась деятельность революционных организаций социал-демократического направления, стремящаяся посадить на флот наибольшее число своих сторонников, которые должны были подготовить судовые команды к выступлению с различного рода требованиями ко времени окончания войны. Указанная деятельность, хотя и не успела сорганизовать планомерной пропаганды, все же, как показывали события, сильно влияла на приподнятое настроение команд, которое в конце концов и вылилось в крупные беспорядки 19 октября 1915 года на линейном корабле „Гангут", участники которых, в числе 26-ти нижних чинов, по приговору военно-морского суда от 17-го декабря того же года и понесли наказание.

„Подобные же беспорядки возникли в то время и на крейсере „Рюрик",

„Наличие такой пропаганды подтвердилось участившимися и на других судах беспорядками на почве недовольства со стороны команды пищей и офицерами с немецкой фамилией.

„Параллельно с этими данными Петроградское Охранное Отделение также получило сведения о возникновении военной организации Российской социал-демократической партии среди судовых и береговых команд Балтийского флота.

„Согласно этим сведениям, на каждом военном корабле образовались социал-демократические кружки, имеющие предводителей в общем руководящем Комитете. Последний, устраивая собрания на берегу—в чайных и ресторанах,—главным образом, как указывали эти сведения, направляет

свою деятельность к разъяснению матросам текущих событий в желательном освещении, с целью создать среди них атмосферу недовольства.

„Прием этот, видимо, успел оказать влияние на матросов, создав среди них крайне приподнятое настроение, хотя никаких других оснований к этому не замечается. Но идейные руководители движения всячески стараются удерживать матросов от одиночных беспорядков, дабы иметь главную обстановку на случай общих выступлений, учитывая возможность активного движения со стороны рабочего класса, могущего оказать решительное влияние на изменение существующего государственного строя.

„Каких-либо выступлений к определенному сроку пока, по сведеням агентуры, не намечено. И вообще, вся революционная работа проявляется лишь в области организационной. Поэтому, успев создать желательное настроение на судах флота, руководители испытывают затруднение в сдержании одиночных выступлений, и в этом отношении на них произвело неприятное впечатление открыто выраженное недовольство на линейном корабле „Гавгут".

„Хотя кружки возникли на судах флота и самостоятельно без влияния функционирующей в Петрограде группы, присвоившей себе наименование Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, тем не менее руководящий Комитет судовых организаций, со времени своего возникновения, искал случая связаться с „Петроградским Комитетом", что ему и удалось через одного из активных деятелей рабочего движения, являющегося представителем Петроградского Комитета от Выборгского партийного района, крестьянина Ивана Федорова *Орлова*".

Обвинение было по 1 части 102 ст. и 2 п. 317 ст. Воен. Морск. Уст. о наказании. На суде защиту подсудимых организовал Н. Д Соколов. Поведение и интеллигентность подсудимых вызывали восторг у друзей и невольное уважение и удивление судей—врагов. Но Петербургский Комитет решил не ограничиваться одним красноречием защиты, а повел агитацию за массовую защиту путем стачки. И 26-го октября в день суда над товарищами-матросами свыше 130.000 рабочих бросили работу, покинули горны, станки и душные своды тюрем труда на три дня.

Правительство и „Общество заводчиков и фабрикантов" решило наказать рабочих „легоньким" локаутом и закрыло бастовавшие 26 октября предприятия. Но это не запугало рабочих, и в ответ на локаут рабочие других мастерских, фабрик и заводов, не принимавших участие в стачке 26 октября, решили поддержать локаутированных товарищей также стачкой. Петербургский Комитет выпустил следующее воззвание, призывающее к борьбе за открытие предприятий:

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь"!

„Ко всем рабочим и работницам Петрограда.

„Товарищи рабочие и работницы! Вы сохраняете в себе горячую любовь к свободе. Вы через горы препятствий идете к намеченной цели,—к созданию свободной человеческой жизни. Вы боретесь против насилия господствующих классов. Вы стремитесь освободить себя от оков, наложенных на народы России царским самодержавием. В этой грандиозной борьбе всех угнетенных против угнетателей вы, Петербургские рабочие, проявляете особую неутомимость. 26-го октября, узнав о суде, который в застенке вершит судьбу товарищей матросов и солдат, привлеченных по обвинению в принадлежности к военной организации Р. С.-Д. Р. П., вы по зову Петербургского Комитета нашей партии заявили свой голос возмущения и покинули заводы в знак этого протеста на 3 дня. По тому, как разлилась эта стачка, в течение 3-х дней охватившая около 130.000 человек, все, с надеждой ожидающие целительного переворота, видели с радостью, как связаны революционная армия и революционный народ.

„В потоках крови, в вихре ужасного уничтожения, которые несет с собою чудовищная война, вы не потеряли способности откликаться на события внутренней войны: выступили защитником армии, безжалостно расстреливаемой в интересах дворянского царя и капиталистов. Вы, Петербургские рабочие и работницы, сказали открыто, на чьей стороне ваше сочувствие. За это мужественное поведение—*вон из заводов*. Из-за угла, не довольствуясь прямым уничтожением вас на улицах, правительство предписало заводской

администрации закрыть заводы на неопределенное время. Мы еще не знаем, как направятся удары локаута. Захочет ли правительство, закрыв заводы, внеся расстройство в ряды рабочей армии, отобрать наиболее беспокойных и молодых и отправить их на позиции? Использует ли оно локаут для того, чтобы превратить самый завод в казарму, применяя все жестокости военного положения? Что бы ни задумывали правительство и шайка капиталистов, обогащающихся от ведения войны, их способы борьбы против нас указывают на одно: никто не смеет проявлять своего участия в политической жизни страны. Все под пятой насилия должны безмолвно и покорно отдавать свои жизни для процветания и благополучия кучки тунеядцев. Срывая с себя маску лицемерной готовности все делать лишь для войны, выбрасывая на улицу десятки тысяч рабочих, поднимая меч междоусобной борьбы, правительствующие классы лишь облегчают задачу их свержения. Они сами приближают к нам позиции, превращая наш спор с ними в войну. В ответ на закрытие заводов мы призываем всех, еще работающих, оставить работу с требованием: немедленное открытие предприятий. *Работы и хлеба!* Пусть предательские замыслы разбить наши ряды, встретят еще большую сплоченность и единодушие! *Долой локаут!* С этим лозунгом идите от завода к заводу, от предприятия к предприятию! Оставим работу, пока не будут приняты все до одного выброшенные теперь на улицу! Нужно отстоять свое право жить и бороться! Чтобы об этих требованиях знало все население города, чтобы спор между рабочими и их угнетателями вынести из глухих углов городских предместий, пойдем, организуя демонстрацию с кличем:

„Да здравствует стачка за снятие локаута! Да здравствует борьба революционного пролетариата во имя наших лозунгов: *Долой войну! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционная борьба за социализм!*

„Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

„1 ноября 1916 г.“.

Но в самый день выхода листка 1-го ноября, локаут был снят. Заводы и фабрики были открыты без всяких последствий. Очевидно, правительство боялось пустить в ход свои строгости, чтобы не вызвать бури в ответ.

XXXV.

Революционная работа кругом кипела. Все круги населения были втянуты в политику путем частных „исчезновений" хлеба, дороговизны и хвостов. Власть поносили, не стесняясь, на каждом шагу. Атмосфера была насыщена борьбой. Для работы в Петербургском Комитете удалось привлечь много новой публики.

Работники Бюро Центрального Комитета, организованного мною в первый приезд из-за границы во время войны, осенью 1915 года, все выбыли из строя. Некоторые сидели в тюрьме, другие находились в ссылке или ожидали ее. Приехав второй раз осенью 1916 года в Питер, я нашел только К. М. Шведчикова, ожидавшего высылки. Работу по созданию руководящего центра приходилось начинать сначала. Все-таки работа прошлого не прошла даром. Осталось много звеньев старого аппарата, и это значительно облегчало дело. С помощью т. В. Тихомирова (Вадима) удалось образовать сеть нелегальных квартир для явок, хранения и распределения материала. Он же наладил поездки в Финляндию за нелегальной литературой.

Труднее пришлось с подбором товарищей для самого Бюро Центрального Комитета. В Петербургском Комитете было так мало работников, что забирать оттуда, хоть и для нужной работы, можно было только в крайнем случае. Вскоре удалось разыскать товарищей, бежавших из ссылки Скрябина и Залуцкого, и втроем мы составили коллегию Бюро Центрального Комитета. Сотрудников найти в этом году было уже значительно легче. Перелом в народном настроении, рост оппозиции даже среди буржуазии, толкал в наши ряды не мало содействующих, активных людей из учащейся молодежи.

Работать приходилось при крайне тяжелых условиях. Вокруг себя нам удалось сгруппировать много активных товарищей. Но развернуть широко работу не удавалось за

отсутствием средств. Мы были очень бедны. С 2-го декабря 1916 года по 1-е февраля 1917 г. в кассу Бюро Центрального Комитета поступило всего 1.117 руб. 50 коп. Сообразуясь с этими средствами, приходилось вести всю работу. Отправляя работника в провинцию, мы не могли обеспечить ему даже месяц пребывания там; и поэтому нам приходилось подчинять инициативу по объединению и связям случайным приездам товарищей с мест или „оказиями". На содержание личного состава Бюро расходовалось очень мало. Большинство имело заработок, а нелегальные работники получали не свыше ста рублей в месяц даже в феврале 1917 г. Много средств требовала доставка литературы, но и на это дело уделять много мы не могли.

Не менее тяжелы были и условия личного существования. С первых же дней приезда, когда я стал предметом усиленного преследования со стороны шпионов, мне стало ясно, что обзаводиться своей квартирой, хорошим паспортом и т. п. удобствами означало в этих условиях идти на верный провал. Чтобы иметь возможность бороться с уловками и преследованием шпионов, мне нужно было как можно больше квартир. Товарищи помогали находить ночевки, и я имел на каждый день особую. Расположены они были в разных частях Питера, даже в разных концах его,—например, в Гражданке, с одной стороны, и в Галерной Гавани, с другой, и между ними в центре города. Жизнь моя превращалась в постоянное скитание. Трудно было писать, читать, а иногда и думать, так как гостеприимные товарищи, нередко усталого, занимали меня своими политическими программами и любезными разговорами до глубокой ночи. Так существовать можно было два—три месяца, больше не хватало физических сил.

Питерские пролетарии всячески старались облегчить мое существование; но они не могли избавить меня от преследований шпиков и не были в состоянии предложить мне большей безопасности и удобств, чем располагали сами. Особенно приторен и сладок был рабочий—иуда Шурканов, бывший депутат III Думы. Свою привязанность ко мне и „обожание" он выражал объятиями, а в заботах доходил до того, что предлагал в мое распоряжение собственную квартиру, высказывал желание оборудовать „особенную"

комнату, скрытую от посторонних глаз. Хотя я и не подозревал в этой дружбе предательства, но предложением не воспользовался, и за все время скитания ни разу у него не ночевал. В общем же все его поведение и обстановка мало располагали меня к дружбе с ним, и я заглядывал к нему в случаях крайней нужды, когда тот или иной товарищ назначал у него свидание. Однажды, после одного из таких свиданий, не задолго до революции, я попал в такую шпионскую петлю, что вынужден был бродить по огородам Выборгского и Лесного чуть не до самого рассвета, обморозил руки, попал в Гражданку к рабочему завода Айваз Н. И. Назарову в пятом часу утра, но все-таки вырвался из круга наблюдений, пришел на ночлег без шпиков.

Такое положение страшно стесняло работу, требовало необычного напряжения и как раз не в самой работе, а в преодолении препятствий, лежащих на пути к ней. Выборгский район по-прежнему шел впереди в партийном отношении, выделял для общей партийной работы недюжинные силы рабочих: Чугурина, Александрова, Каюрова и целый ряд других.

Бюро Ц. К. удалось составить из „тройки"—пишущего эти строки, под кличкой А. Беленин, П. Залуцкого и Молотова (В. Скрябина). Работа между нами была распределена таким образом: П. Залуцкий входил в Петербургский Комитет, вел работу там и служил связью с Б. Ц. К.; Молотов ведал делами литературными и организовывал нелегальную типографию Бюро Ц. К. На мою долю приходилось представительство и организация работы и связи с провинцией и за-границей.

Штаб-квартира Бюро была у М. Г. и Д. А. Павловых, по Сердобольской ул., д. 35. Мария Георгиевна была „хранительницей печати" и небольшого архива Б. Ц. К., а также и других бумаг и литературы. Явки бывали в различных пунктах города. Переправа литературы из Финляндии, хранение ее и распределение в Питере и по провинции находилось у ответственного работника т. Вадима (В. Тихомирова). Ему удалось организовать небольшую группу девиц, которые обслуживали это дело, совершали поездки в Финляндию, хранили и распределяли литературу по данным адресам.

Отношения с „Петербургским Комитетом“ были наилучшие. „Мирон“ Черномазов давно был отстранен и бесполезно интриговал против меня среди работников Выборгской стороны. Работа велась единодушно, дружно и двигалась вперед гигантскими шагами.

Двухлетие со дня ареста наших депутатов—4-го ноября 1916 года—было отмечено листовкой П. К. и устройством митингов по фабрикам и заводам. Листовка хорошо написана и, на редкость, великолепно отпечатана в типографии „Вечернего Времени“.

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

„Товарищи!

„Два года тому назад, пять членов Рос. Соц.-Дем. Раб. Фракции распоряжением царского правительства были схвачены и брошены в тюрьму. Тогда же было сообщено, что арестованные депутаты будут обвиняться в Государственной измене. Через 3½ мес. совершился скорый суд, и теперь рабочие представители томятся в далекой Сибири, осужденные на вечное поселение за принадлежность к Росс. С.-Дем. Раб. Партии. Но так как на скамье подсудимых в лице 5 депутатов сидел весь Российский Пролетариат, то он и приговор суда отнес к себе и пользуется всяким случаем выразить свою солидарность с осужденными. Они и теперь остаются для него единственными представителями. Полномочия с них не сняты.

„Товарищи! Арест 4-го ноября 1914 г. 5 рабочих представителей будет памятным днем. В то время война только еще запускала свои когти в тела европейских народов. После первых потоков крови, в громе барабанов, буржуазной лакейской печати, в опустошении, вызванном мобилизацией,—тогда у многих и многих еще были закрыты глаза на положение, созданное войной.

„А вот из обвинительного материала, предъявленного нашим депутатам, русские рабочие и рабочие всего мира узнали, что осужденные не свернули знамени классовой борьбы, как это сделали парламентские представители некоторых воюющих стран.

„В то время, когда продажные писаки кричали на всех перекрестках о единении всех классов, создаваемых войной, русское правительство, нападая 4 ноября на рабочий класс, доказало, что преступно думать, будто война, учиненная капиталистами в их интересах и для раздела мира между сильнейшими из них, может прекратить войну между трудом и капиталом.

„4-го ноября арестовывались только пять из числа миллионов пролетариев. Но эти пять указывали путь, по которому должна итти многомиллионная армия международного пролетариата. Если начало европейской бойни обнаружило неспособность Интернациональной организации рабочего класса—II-го Интернационала—воспрепятствовать войне, то в работе пяти депутатов открылась уверенность, что соберутся новые силы, что война только яснее обозначила ошибки, совершаемые колеблющимися противниками капитализма.

„До 4-го ноября еще могли думать, что война между государствами может потушить борьбу, которую ведет рабочий класс внутри государств. Сосланные депутаты показали, что ни на минуту русский рабочий не останавливал революционного движения против своих эксплоататоров, против своего правительства.

„И кто осмелится сказать, после двухлетних истязаний, какие совершает над народами война, что депутаты были неправы, призывая пролетариат к неустанной борьбе?

„Разве не очевидно, что вовлеченный в чуждую ему войну, поддавшись влиянию буржуазии, смягчив остроту своих классовых позиций, пролетариат сможет исправить свою ошибку, — остановить кровопролитие, — только в том случае, если во всех странах рабочее движение будет итти по пути, которого твердо держались осужденные депутаты?

„Пока рабочие массы служат лишь покорным орудием в руках господствующих классов, пока судьбами народов вершат придворные клики и разбойничьи организации международных капиталистов, пусть лучше гноят нас в тюрьмах, пусть гибнут наши жизни во имя создания жизни новой, чем оказывать готовность служить пушечным мясом в угоду господствующим классам. Следуя примеру революционной борьбы 5-ти депутатов, дружнее поведем работу за организацию своей победы!

„Товарищи рабочие Германии, Англии, Франции переходят к нашей тактике борьбы против своих правительств. Кончился обман, купленный такой дорогой ценой. Сомкнутыми рядами, возродившись в III-м Интернационале, мы усилим борьбу за прекращение войны, путем проведения гражданской войны с господствующими классами.

„4-ое ноября—день похищения нашего рабочего представительства—мы ознаменуем устройством митингов и усилением агитации за лозунги наших сосланных депутатов.

„Долой войну! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм! Да здравствует III-й Интернационал революционного пролетариата!

„Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

„4-го ноября 1916 г."

Русская буржуазия, подхлестываемая неудачами на фронте, начала леветь. Ее представители—Милюков, Гучков и К°—вели атаки на министров. Из недр буржуазной оппозиции вышло требование „правительства спасения страны". Вокруг Думы под этим лозунгом началась кампания. В эту кампанию буржуазия мечтала втянуть и рабочий класс, и нашла удобное орудие для проведения в жизнь своих целей—в лице рабочих, состоящих на послушании при Военно-Промышленных Комитетах. Но Петербургский Комитет партии, учитывая уроки революционной борьбы 1905 года и воинственный империализм российской буржуазии, повел борьбу против подчинения борьбы рабочего класса министерским комбинациям думских либералов. По этому случаю Петербургский Комитет выпустил свою листовку, в которой противопоставляет лозунгам буржуазии лозунги революционной демократии:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

„Товарищи! В течение всей войны Государственная Дума, когда открывались ее заседания, выражением верноподданнических чувств клялась на верность царскому правительству, лобызалась с его министрами. Теперь воинствующие депутаты, оставаясь по-прежнему царскими холопами, под-

няли шум, ссору с правительством. Из-за чего? Они заявляют, что для продолжения войны до конца требуется перемена министерств. Когда истощенные от непомерных тягостей войны, благословляемой капиталистами, народные массы начинают терять терпение, готовы пойти на угнетателей, это движение народа либеральные дельцы стараются использовать для своих разбойничьих аппетитов. Им нужно министерство общественного доверия. Что оно может принести истерзанному народу? Взамен Штюрмеров—Милюковы. Говорящие о спасении страны, но готовые вести ее на новые смерти, требуя новых и новых жертв.

„Нет! Мы всегда должны помнить, что те, кто призывает нас вести войну до конца, меньше всего думают о нас, меньше всего озабочены судьбой народа. Замена одних убийц другими не заставит нас прекратить борьбу против обновленного правительства. Особые надежды возлагает на вожделение либералов та кучка шовинистических рабочих, которая до сих пор находила лишь слова осуждения нашим революционным выступлениям. Она обращается к нам с призывом бороться за „правительство спасения страны".

„Ушедшие от нас в самую трудную минуту военной напасти, чтобы содействовать правительству и буржуазии в ведении этой войны; осуждая наше революционное стремление не складывать оружие борьбы против войны и угнетателей; замолчав похищение наших депутатов, отторгнутые нами, эти „рабочие политики" зовут итти за их лозунгами! Отдать спасение страны в руки тех, кто долгие месяцы кровопролития хочет обратить в годы, кто беспощадно душит рабочее движение!

„Товарищи! Разве десятки лет кровавого опыта рабочего движения не указывают ясно, кто действительно может бороться против разбойничьей монархии?

„Собирая свои силы, распространяя агитацию в рядах крестьянской бедноты, в среде армии, мы будем ковать подлинный молот революции. От ударов его погибнет истязающее народ правительство.

„Мы знаем лишь эту первую задачу. Через свержение царского правительства к созданию временного Революционного Правительства рабочих и крестьянской бедноты!

„Мы потребуем от этого правительства немедленного прекращения войны, немедленного созыва *Учредительного Собрания*, осуществления политических свобод, чтобы в таких условиях повести борьбу за проведение действительного народовластия—Демократической Республики; за конфискацию помещичьих земель; чтобы дать в руки рабочему классу его сильнейшее оружие—сократить его рабочее время установлением 8-ми часового рабочего дня!

„Теперь же будем на страже! Захлебывающиеся в потоках крови, льющейся по их вине, правительства и господствующие классы будут напрягать все усилия, чтобы исход войны принес им дальнейшее закабаление народов и укрепление их власти. Рабочие всего мира, рабочие воюющих стран в первую голову, должны направить удары против своих правительств. Обезоружив их, способствуя народам через совершение политических переворотов положить конец этой войне, мы действительнее всего будем спасать страну от гибели.

„Но помните, товарищи! Пока жизнь народов пожирают капиталисты; пока они хозяева мира, они не задумаются, в погоне за прибылями, снова и снова бросить народы в костер войны. Только уничтожение капиталистического строя и замена его социалистическим положит конец войнам, людским страданиям.

„Поэтому, развитием революционной мощи международного пролетариата, созданием III-го Интернационала, мы, русские рабочие, отдадим все силы на осуществление социализма. Мы поддержим товарищей Англии, Германии и Франции в их готовности повести борьбу за низвержение капиталистических правительств, сняв с себя оковы царской монархии.

„Без отдыха вперед! Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует временное Революционное Правительство! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революция! Да здравствует социализм!

„Пет. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Парт.

„Ноябрь 1916".

Партийная работа конца осени и начала зимы прошла в Питерском районе под знаком разъяснения причин, вызывавших дороговизну жизни, а также в агитации на почве продовольственного кризиса. Это было время, когда цены на продукты бешено росли, вызывая бунты хозяек на Питерских рынках, когда начал исчезать хлеб, и правительство было вынуждено стать на путь государственного вмешательства в торговлю хлебом. Была сделана робкая попытка по пути государственной хлебной монополии, господами которой оказались крупные помещики.

Разрешением продовольственного вопроса были заняты все общественные организации. И каждая из них, в зависимости от своей природы, давала свои рецепты спасения от голодовки. Помещики яростно восставали против какого-либо регулирования, стеснения их „свободы" и постарались захватить в свои руки проведение в жизнь первых государственных мероприятий по снабжению хлебом армии и городов. Промышленники в свою очередь были чрезвычайно заинтересованы в улажении этого вопроса и стремились сосредоточить снабжение фабрично-заводского населения в своих руках.

Одним словом, все эти группы подходили к вопросу с точки зрения использования продовольственного положения в своих классовых интересах наживы.

Рабочая группа Центрального Военно-Промышленного Комитета также приняла участие в обсуждении этого вопроса. Она обратилась к рабочим организациям, главным образом кооперативам, с просьбой дать сведения о нормах потребления продуктов рабочими. На запросы рабочей группы были и ответы, но они нигде не публиковались. Наши работники на юге доставили мне копию одного из ответов, предлагавшего нечто принципиально отличное от всех других. Этот ответ принадлежит Харьковским или Екатеринославским товарищам. Между прочим, в нем сказано:

„Если обеспечение продуктами рабочих будет организовано, то мы настаиваем на том, чтобы заведывание ими и распределение их было всецело передано в руки самих потребителей—рабочих. Если доставка будет производиться на каждое предприятие отдельно,—в таком случае должен быть организован особый заводский комитет, избранный всеми

рабочими предприятия; — в случае же, если организация будет носить общегородской характер, то должна быть создана соответствующего характера организация из представителей рабочих всего города.

„Передачу дела всего продовольствия рабочих исключительно или даже преимущественно в руки предпринимателей мы, как заинтересованные в этом деле, считаем ни в коем случае не допустимой и для рабочих в высшей степени оскорбительной. Кроме того мы уверены, что в руках предпринимателей продовольствие будет использовано для понижения оплаты труда".

Политические мотивы переживаемого момента определяли этот ответ. Рабочему классу и городской бедноте было важно взять в свои руки дело снабжения или хотя бы сделать его подконтрольным, так как выдвигаемые проекты „привилегированного питания" руками помещичьего правительства свелись бы к разделению самих рабочих и улучшению положения лишь одной части бедноты за счет другой. Поэтому товарищами и были выдвинуты „всеобщее избирательное право" и равенство всех в области питания.

Петербургская Инициативная Группа с.-д.-меньшевиков также выступила с декларацией по вопросу борьбы с дороговизной:

„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„1) Дороговизна угнетала трудящиеся массы России и до войны. Корни дороговизны тогда лежали не только в общих условиях капиталистического развития, но еще больше в экономической и политической отсталости нашей страны.

„2) Эта отсталость питалась главным образом нестерпимым пережитком прошлого — самодержавным политическим строем. Хищническая система налогов, понижающая покупательную силу населения, держащая на низком уровне производительность труда; технически отсталая промышленность, развращенная запретительными таможенными пошлинами и безудержной эксплоатацией дешевой рабочей силы; вывоз хлеба и других предметов питания заграницу, основанный на недоедании народных масс; общий низкий эко-

номический уровень массы населения, из которого казна высасывает все соки, что затрудняло накопление сбережений, капитала в стране и вызывало расстройство денежного обращения, обесценение рубля; преобладание в бюджете непроизводительных расходов, необорудованность страны дорогами, школами и другими средствами культурного существования; постоянная боязнь бюрократии потерять свою самодержавную власть и отсюда непрерывное ее стремление к политическому подавлению всякой самодеятельности, к дезорганизации массы населения, к направлению одних народностей на другие; развращенная произволом, тупая администрация, бессильная что-либо организовать, кроме взяточничества и издевательства над бесправным населением—все эти особенности нашего политического уклада, закрепляя отсталость страны, делали у нас и до войны дороговизну более тягостной, чем в других странах, и борьбу с ней почти невозможной.

„3) На этой почве война, в которую Россия втянута правительством и господствующими классами, необычайно обострила дороговизну, создала невыносимый продовольственный кризис.

„4) Война, с одной стороны, отвлекла от производительного труда десятки миллионов людей, превратив их в солдат, а с другой стороны, обрекла десятки миллионов людей на непроизводительный труд изготовления пушек, снарядов и т. п. Мирные отрасли труда пришли в расстройство от нарушения войною международного обмена товаров, от распада мирового рынка на ряд обособленных рынков, от недостатка сырья и машин, от расстройства путей сообщения, от обесценения рубля, вызванного бесконечными выпусками правительством бумажных денег для покрытия неслыханных расходов на войну.

„5) Пользуясь этой хозяйственной разрухой, наши помещики, промышленники и капиталисты ведут безудержную спекуляцию, безмерно взвинчивая цены на все предметы массового потребления. Самодержавное правительство в своей борьбе против народа всегда опирается на те же помещичий и торгово-промышленный классы, помогает им в их спекуляции на народной нужде. Предоставляя полный простор организованному грабежу и барышничеству имущих

классов, правительственная власть насильно не дает народным массам организоваться для борьбы с этим грабежом.

„6) Само правительство, делая вид, что борется с дороговизной и недостатком продуктов, на деле своей продовольственной политикой, нелепыми и несогласованными действиями тупой и продажной администрации, лишь вносит путаницу, ухудшает положение.

„7) В результате неслыханная дороговизна, за которой не может угнаться никакое повышение заработков, полный недостаток необходимых предметов существования, неимоверные страдания рабочих масс, угроза для них не только в настоящем, но и в будущем. Как война, так и созданный ею продовольственный кризис есть средство увеличения силы правительства и господствующих классов, их обогащения за счет народных масс.

„8) Чтобы стал возможным выход из создавшегося невыносимого положения, необходимо устранить то, что создало его остроту; необходимо немедленное прекращение войны и уничтожение самодержавия и бюрократии, *мир* и *политическая свобода*—предварительные условия серьезного ослабления продовольственного кризиса: мир, добытый согласованным напором пролетариев всех стран, политическое освобождение страны, полная демократизация всей ее жизни, завоеванная борьбой народных масс, с сознательным пролетарием во главе.

„9) Только осуществление всех гражданских свобод — неограниченная свобода съездов, собраний, профессиональных союзов и кооперативов, полная демократизация городских дум и земств—может сделать успешной борьбу с усиливающимся с каждым днем продовольственным кризисом.

„10) Мы заявляем, что ни бюрократические совещания, ни съезды представителей цензовых земств и городских дум—не могут решить продовольственного вопроса, согласно интересам трудящихся классов. Мы требуем созыва демократически организованного всероссийского продовольственного съезда, на котором наиболее заинтересованные слои, миллионы крестьянской бедноты и рабочих были бы представлены в количестве, отвечающем их численности и значению. Мы требуем передачи продовольственного дела в руки самого народа.

„11) Мы протестуем против самозванного представительства интересов пролетариата рабочей группы Центрального Военно-Промышленного Комитета, которая не имеет на то никакого мандата организованных рабочих России и занимает в центральном вопросе современности, в вопросе о войне, оборонческую позицию, не разделяемую большинством русских рабочих и враждебную интересам рабочего класса.

„Петербургская Инициативная Группа Соц.-Дем. Меньшевиков. Декабрь 1916 года".

Эта резолюция отличается неопределенностью конкретных лозунгов. „Мир и политическая свобода" не могли явиться без борьбы с войной и царизмом. Мечтать в 1916 году о „согласованном напоре" в пользу мира могли только Маниловы, обходившие вопрос об измене социализму официальных партий значительной части воюющих стран.

Наиболее выдержанное, принципиальное решение по продовольственному вопросу было вынесено Петербургским Комитетом осенью 1916 года. Продовольственный кризис был использован также в интересах борьбы с основною причиной всех народных бедствий—царизмом и войною. Петербургским Комитетом была выработана специальная резолюция, получившая широкое распространение при помощи митингов, массовок и т. п. по всем районам Питера. Вот эта резолюция:

„Мы, рабочие . . . . . завода, обсудив вопрос об обостряющемся продовольственном кризисе, признаем:

„1) что продовольственный кризис, наблюдающийся во всех странах, есть неизбежное следствие происходящей войны, окончательно принявшей характер борьбы на истощение сил;

„2) что дальнейшее продолжение войны влечет за собою усиление продовольственного кризиса, голод, нищету и вырождение народных масс;

„3) что в России продовольственный кризис осложняется еще господством царской монархии, приведшей в полное расстройство все хозяйство страны, отдавшей ее на произвол хищников капитала и беспощадно подавляющей всякую самодеятельность народных масс;

„4) что все частичные средства борьбы с продовольственным кризисом, как-то: кооперативы, повышение заработной платы, столовые и т. д. могут лишь незначительно ослабить следствие кризиса, не устранив его причин;

„5) что единственным действительным средством борьбы с кризисом является борьба против причин, вызвавших его, т. е. *борьба против войны* и правящих классов, затеявших ее,—

„принимая все это во внимание, мы призываем русский рабочий класс и всю демократию на путь революционной борьбы против царской монархии и правящих классов под лозунгом: *долой войну*".

XXXVI.

Побуждаемый ростом нелегальных организаций нашей партии, пытался привлечь интеллигенцию к работе при Бюро Центрального Комитета и Петербургском Комитете, но тщетно. Все „бывшие" с.-д. большевики интеллигенты и литераторы засели в учреждениях и организациях союза городов, земств, военно-промышленных комитетов и т. п. Многие из них, как например: Стеклов, Шарый, Данский, Красин, Красиков и другие—на „версту" не подходили к нелегальной работе и бежали от нелегальной публики. Из всей массы интеллигенции прошлого мне удалось привлечь лишь немногих.

И в этот приезд также часто навещал А. М. Горького, встречался у него с интересными людьми, получал от него сведения и материалы, а также некоторую сумму денег на нашу работу. Сам Алексей Максимович мечтал о создании в России из буржуазной интеллигенции — радикально-демократической партии, так как существующие, по его мнению, не удовлетворяли и не могли удовлетворять ее.

В декабре 1916 года состоялись в Москве различные съезды организаций, работавших на „оборону страны": Союза земств, Союза городов, с участием Военно-Промышленных Комитетов, Бирж (Коммерческой и Хлебной), Кооперативов, и „Рабочих Делегаций" (от Больничных Касс, Кооперативов, Профессиональных союзов). Эти съезды приняли целый ряд антиправительственных, либеральных резолюций. Одна была принята на собрании уполномоченных Губернских Земств 9 декабря 1916 г.; она содержит ряд нападок на „лиц", которые плотным кольцом сомкнули верховную власть, внесли ядро растления в недра народной совести и продолжают подтачивать „корни нашей государственности". „Разруха растет с каждым днем,—продолжает резолюция и предлагает:—спа-

сение в действенном патриотизме и живом чувстве ответственности перед родиной. Когда власти становятся преградой на пути к победе,—ответственность за судьбы родины должна привять на себя вся страна... Правительство... ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон". Такова была позиция „земского либерализма". Сохранить „корни государственности" и „царский трон",—вот к чему сводилась задача либералов, напуганных грядущей революцией!

Буржуазия, объединенная в Союз городов, также приняла резолюцию, требующую „ответственного министерства" и приглашавшая к объединению на почве работы по продовольствию страны и армии. Но и этих резолюций было достаточно, чтобы Штюрмер разогнал съезды. После разгона уполномоченные стали, на словах, еще левее и приняли следующую резолюцию:

„Совещание представителей общественных организаций 11 декабря 1916 года.

„Запрещение и разгон съездов заставляет нас, представителей общественных организаций всех классов населения, съехавшихся на продовольственное совещание, выразить свое возмущение и решительный протест против привычной политики старой власти, распыляющей и дезорганизующей страну в момент, требующий от народа крайнего напряжения и объединения всех его сил.

„Отечество в опасности! Продовольственная разруха растет с каждым днем. Легкомысленные, никаким общим планом не связанные действия бездарной власти делают этот кризис все более и более страшным. Призрак голода грозит армии и народу. Правительство, давшее Сухомлиновых, Мясоедовых и Штюрмеров, с самого начала войны мешало армии исполнить ее трудную задачу. Миллионами жизней и пятнадцатью занятыми губерниями заплатила страна за ошибки и преступления власти. Русское общество с самого начала войны, забыв все прежние прегрешения власти, отдало свои силы на совместную с правительством борьбу против внешнего врага. Но безответственная власть, в стремлении спасти свои отжившие привилегии и прерогативы, став игрушкой в руках кучки темных проходимцев, продолжала и продолжает вести в тылу предательскую борьбу с

обществом и народом. Этой бессовестной и преступной власти, дезорганизовавшей страну и обессилившей армию, народ не может доверить ни продолжение войны, ни заключение мира.

„В роковые дни, решающие судьбы родины, должно быть покончено с политической системой, приведшей страну на край гибели. Час настал. Неотложной задачей момента становится объединение всех слоев и классов населения в крепко спаянную организацию, способную вывести страну из мертвого тупика. Опираясь на организующийся народ, Государственная Дума должна неуклонно и мужественно довести начатое великое дело до конца. Ни компромиссов, ни уступок.

„Наше последнее слово—к армии. Пусть знает армия, офицеры и солдаты, что правительство, разрушая и распыляя живые силы страны, наносит непоправимый удар общему делу. Пусть знает армия, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею гибельного кризиса".

Эта резолюция получила широкое распространение. Вообще, благодаря цензурным строгостям, все резолюции, речи, письма отдельных государственных мужей и прокламации приобретали особый интерес и копировались весьма усердно всеми способами. По рукам ходили рукописи, трактовавшие вопросы войны, продовольственного кризиса, различные „взгляды" на войну, текущий момент и т. п. Некоторую часть мне удалось сохранить, но большую часть я переправил за-границу.

На-ряду с прокламациями, воззваниями, речами депутатов и тому подобными документами, частью помещенными выше, в последние месяцы 1916 г. ходили по рукам рабочих еще следующие декларации:

1) Обращение „Ко всем гражданам", отбитое на пишущей машинке, следующего содержания:

„Третий год длится позорное, бессмысленное самоистребление народов. Несколько миллионов людей убито и искалечено, около ста миллиардов общественного достояния потрачено безвозвратно, разорены целые страны, все трудоспособное население Европы под ружьем или на военных заводах...

„Во имя чего? Во имя освобождения народов от ига Германии,—говорят нам. Во имя освобождения народов от ига Англии,—говорят немцам. Только невежды могут повторять эту ложь, пущенную господствующими классами. В этой войне банкиры Лондона, Парижа и Берлина руками подвластных и союзных им народов решают вопрос, кому из них господствовать над миром.

„Промышленники и помещики всех стран не довольствуются той долей нетрудовой прибыли, какую ежегодно им дарят рабочие и крестьяне, недополучая за свой труд и переплачивая на товарах. Они стремятся собранные таким образом несметные капиталы вкладывать в новые производства, ради новой большой нетрудовой прибыли. А так-как собственная страна, по бедности ли населения (Россия), по насыщенности ли рынков (в Германии, Англии) не может поглотить всей добавочной выработки товаров,—возникает стремление продавать эти товары за границу, не допуская в то же время продажу иноземных товаров у себя, в отечественной стране, хотя они были бы лучше и дешевле.

„Так сталкиваются интересы капиталистов отдельных стран. Но интересы капиталистов—это интересы правительств, потому что современные правительства — монархи, президенты, министры и депутаты, чиновники, офицеры и духовенство—простые наемники капитала, так же как газетные писаки, дипломаты, шпионы и вся колоссальная шайка лакеев и прихлебателей, которая именуется „общественным мнением".

„Пользуясь покровительством своих министров, своего суда, своей церкви и полиции, опираясь на свое исключительное положение в хозяйстве страны (как собственники всех средств и орудий производств), капиталисты руководствуются одним идеалом в политике внутренней: понизить заработок рабочим, повысить аренду съемщикам земли и квартир, вздуть цены на товары и придушить всякую попытку народного протеста.

„Опираясь на то же правительство и на одураченных, вымуштрованных до потери человеческого образа солдат,—капиталисты преследуют одну цель в политике внешней: укрепить за собою во что бы то ни стало богатые рынки для выталкивания туда избыточных товаров, для приложе-

ния там избыточных капиталов. Лакеи германских биржевиков с таким же „честным патриотическим сознанием“ трубят об освобождении Польши, с каким г. Милюков призывает русский народ к освобождению Галиции, Армении и Царьграда. Разница лишь та, что каждый лакей старается только для своего господина.

„В течение многих лет, Англия, захватившая лучшие колонии, и Германия, еще совсем почти не имевшая колоний, но располагавшая огромными избыточными капиталами, готовились к борьбе между собою и искали союзников. Те страны, имущие классы которых имели основание бояться конкуренции английских капиталистов или находились под тяжелой пятой лондонских акционерных компаний,—примкнули к Германии; государства же, боящиеся соперничества немецкой промышленности, заключили военные договоры или поддерживали „сердечное согласие“ с Англией. Весь мир распался на два лагеря, ревниво следившие друг за другом, состязавшиеся в лихорадочных вооружениях, готовые по любому пустому случаю толкнуть человечество на самоистребление.

„Праздный спор,—кто начал войну?—Капиталистические клики всех стран готовились к ней... На всех них лежит вина за это невиданное по жестокости и количеству жертв преступление. Асквит, Бриан, Бетман и Трепов, Шиман и Милюков, Д'Аннунцио и Роллан — все бесчисленные лакеи, пророки, певцы капиталистических классов сказали свое слово „*война до конца*“, - война до тех пор, пока пятнадцатилетние мальчики не будут отправлены в окопы, пока старики и женщины не умрут с голода, оплакивая смерть сыновей, мужей и братьев, пока не будут уничтожены все сокровища и памятники человеческой культуры!—Война до тех пор, пока мошенники власти не перервут друг у друга холопствующих народов в дележе благ, принадлежащих этим народам!

„Граждане — вы рабочие и крестьяне, вы пролетарии умственного труда,—где же *ваше слово*, почему не звучит оно громко и властно? Или ваша совесть, потрясенная до конца, ваша мысль, запутавшаяся в противоречиях, уже неспособна подсказать вам решений, достойных человека и гражданина? Или вы убеждены, что свобода и экономиче-

ское благосостояние России не мыслимы без завоевания Галиции, Армении и Царьграда? Неужели и после этих 28 кровавых месяцев вы способны разделять лживые утверждения продажных газеток, что эта война—война за свободу человечества, и что это — последняя война? Неужели вы не отдаете себе отчета в том, что если капиталистические шайки воюющих стран не утопят Европу в крови, а заключат мир,—они не будут готовиться к новой борьбе, искать новых союзников и вооружаться до последнего народного гроша? Не только Англия и Германия в лице своих банков и компаний претендуют на мировое господство; такими же претендентами являются американские и японские капиталисты; и как бы ни кончилась война, она лишь начало ужасающих мировых конфликтов, в которых Россия будет играть свою обычную роль наемника той или иной коалиции индустриальных держав.

„Свобода и мирное сотрудничество народов — великая цель, достойная жертв. Но не она воодушевляет гешефтмахеров капитала. Индия и Египет стонут под ярмом „освободителей"—„англичан". Марокко и Тунис историей своих восстаний свидетельствуют о „либерализме" Франции. „Освобожденная" Триполитания превращена итальянцами в застенок. Разгромленная Галиция и Армения, попираемая Финляндия, пепел Туркестанских селений, эшафоты Ирландии и уничтожения китайского народа взывают к отмщению. Чем эта компания „освободителей" лучше угнетателей немцев?

„Прочный мир между народами возможен лишь тогда, когда все средства и орудия производства, служащие ныне источниками нетрудового дохода для их частных владельцев, будут секвестрованы государствами и объявлены публичным достоянием, подобно мостам и дорогам, речным путям... Каждый здоровый человек должен будет трудиться, и каждый трудящийся получит от общества полную стоимость своего труда. Вся выработка продукта будет поступать в общественные магазины и распределяться среди народов по ценам, равным стоимости труда, затраченного на производство и доставку этих продуктов. С плеч народов в стране снимается тот многомиллионный налог, какой выплачивается ныне капиталистам в виде урезок заработной платы и переплат на товарах. Только излишек продуктов, за удовлетворением

всех потребностей страны, будет вывозиться за границу, в обмен на необходимые товары, вырабатываемые в других странах. Каждое предприятие будет производить лишь в меру предъявляемых к нему страной требований. При таких условиях не может быть искусственных товарных излишков, которые теперь проталкиваются капиталистами на чужие рынки и служат первой причиной международных столкновений,— излишние капиталы, стремящиеся к прибыльному приложению в чужих краях. Капитал вообще создается из недоплат работнику за труд и переплат потребителей на товарах. Если трудящийся получит полную стоимость своей выработки, а потребитель заплатит за товар лишь то, что он стоит,—откуда возьмется прибыль, слагающая свободные капиталы? Да и кто будет стремиться к прибыли, если производство и распределение благ будет всецело в руках свободных организованных народов, а не банкирских шаек?

„Граждане, поверив лжи своих правителей, отдав жизнь детей и все достояние страны в руки своекорыстных групп, вы, ослепленные звонким словом „свобода народов", терпите неслыханный позор в своем отечестве; вы как бы отказываетесь видеть, что вами правят кликуши и проходимцы, сознательные провокаторы и предатели, Распутин и Питирим, Протопопов и Родзянко,—глашатаи свободы, династия Романовых в роли защитника угнетенного человечества, Милюков и Шидловский—духовные вожди России.

„Где границы нравственного падения властвующих классов нашей родины, где предел нашего общественного развала? Пустеют поля, закрываются общественно-полезные предприятия. Все, что еще производится в стране,—скупается за бесценные, никому не нужные бумажные деньги и поедается армиями. Остатки подбираются спекулянтами и гноятся в складах, в видах дальнейшего поднятия цен. И почти ежедневно на плечи нищающего народа возлагаются все новые и новые налоги, за счет народного труда заключаются новые займы.

„Граждане! Не кажется ли вам, что роковая грань достигнута; капиталистический мир изживает самого себя: или погибнет человечество, руководимое плутократией, или оно еще способно открыть новую эпоху свободного труда и международной солидарности.

„На полях сражений исчезла идея государства, как объединения капиталистов, ради насилия внутри и завоевания во вне. На пролитой крови народов утверждается идея нового государства, как организации трудящихся ради справедливого распределения благ, равенства в отправлении обязанностей и равного участия в управлении. В этот час величайшей опасности мы, в полном единении с итальянской, сербской и болгарской социалистическими партиями, в братской солидарности с значительной частью французского, германского, английского и австро-венгерского пролетариата, призываем трудящиеся классы России взять в свои руки судьбы отечества.

„Помните, граждане, что каждый час войны уносит сотни и тысячи жизней, и эта невольная жертва народов на алтарь капитала, эта бесцельно пролитая кровь взывает к нашей совести. Нельзя медлить, преступно бездействовать! Всеобщая политическая стачка и восстание, низвержение правительства и династии Романовых, конфискация всех общественно-важных предприятий и установление мира— вот цель, достойная всех жертв и лишений, вот предел, через который должна переступить Россия.

„Должен пасть позор столетий — наш самодержавный строй. Русский народ сумеет обойтись без указки коронованных мудрецов. Все приспешники дворца и власти, все эти министры на час, взяточники и провокаторы должны получить возмездие в меру содеянного ими. Все капиталы, награбленные на военных заказах и на спекуляции, должны быть подвергнуты конфискации.

„Граждане! В час национальной опасности Франция 1789 г. провозгласила идею народовластия и победила. В этот час общечеловеческой опасности, когда капиталистические клики грозят *бесконечными войнами* вернуть мир к временам Аттиллы, мы призываем вас к более высоким задачам.

„Недостаточно провозгласить республику и собрание народных представителей, избранных свободно всеми гражданами России. Необходимо достичь того, чтобы это собрание объявило все частные предприятия, имеющие общественное значение—фабрики, заводы, копи, пути и средства сообщения, дома, склады, помещичьи, монастырские, каби-

нетские земли, леса, имения и проч.—государственным достоянием и передало бы управление ими рабочим и крестьянским союзам, кооперативам, демократическим местным самоуправлениям или особым комитетам,—под верховным контролем всего народа в лице Собрания народных представителей.

„Призывая вас к восстанию во имя Республики, мы имеем в виду политическое раскрепощение русского народа. Первое же, что надлежит делать Республиканскому Собранию—это передать в руки трудящихся все средства и орудия производства, принадлежащие капиталистам, т.-е. произвести экономическое раскрепощение народа.

„Осуществив политическую и экономическую революцию в своей стране, русский народ предложит мир на основе уничтожения постоянных армий и военных флотов, на основе разрешения международных споров не войной, а судом, на основе устранения таможенных пошлин и провозглашения полной свободы международного товарообмена. Если трудящиеся классы других стран не в силах будут поддержать нас, если нам будут угрожать нападением вооруженные банды тех или иных капиталистических стран, мы будем воевать за спасение своей свободной Республики и за действительное освобождение народов от ига капиталистических шаек. Но тогда наши армии пойдут в бой не под царскими орлами, а под красными знаменами Российской Социалистической Республики, и нет в современном обществе таких сил, которые смогли бы остановить победоносное шествие таких армий.

„Граждане! Приближается час гибели нашей страны и всей культуры мира! В вашей власти сделать его часом торжества и великого возрождения. Ради нашей свободной Республики, ради вольного труда на общественных полях и фабриках, ради вечного мира между народами сплотимся и встанем, как один, против эксплоататоров и палачей. Война расшатала их власть. Их сила в нашей трусости и лени, иной силы у них нет. Один сплоченный порыв даст нам победу над капиталом и всеми прислужниками его. Мобилизуйте все демократические силы, создавайте стачечные комитеты, организуйте собрания и кружки, боритесь с предрассудками о целях и задачах этой войны, размножайте

наши воззвания, проповедуйте везде и всеми доступными средствами правоту наших взглядов, стремитесь, чтобы слово наше проникло в казармы, на фабрики, в деревню и на фронт. Готовьтесь к великому дню восстания, когда России нужен будет весь ваш жизненный опыт, ваше мужество, а быть может и сама жизнь.

„Петроградская группа рабочих—социал-демократов!"

Подобные группы социал-демократов, не имевшие постоянных связей с общегородской организацией, существовали в Питере в большом числе. Некоторые из таких кружков обособились и замкнулись из боязни провокаторов. Мне были известны две группы работников, долго не входивших в сеть Петербургских организаций по причине недоверия к Черномазову. Эти кружки все же вели работу; но, вследствие их оторванности от местного центра, она носила кустарный характер.

Второй документ—„*Характер капиталистических войн*"—также отбит на пишущей машинке без подписи, следующего содержания:

„Всякая война в капиталистическом строе ведется в интересах господствующих классов, борющихся за господство на мировом рынке. Таковы войны Наполеона, желавшего избавиться от конкуренции английской буржуазии и поведшего поход против России, которая за деньги посылала свои армии в Англию и тем поддерживала агрессивную политику последней. Такова Севастопольская кампания, когда Англия, Германия, Франция и Турция надолго положили предел стремлениям России пробить себе выход на мировой рынок через Балканский полуостров. Такова Русско Турецкая война 1877 года, после которой опять-таки Европейские государства при помощи Берлинского трактата о мире не позволили России полностью воспользоваться победой над Турцией и утвердиться в Константинополе. Такова Русско-Японская война, когда Япония отняла маньчжурский рынок у России. Такова последняя Балканская война Балканского Союза с Турцией, пытавшегося освободиться от гнета турецкого деспотизма, посредством которого нынешние враги Англия, Германия и Франция пытались сохранить на Балканах так называемый стату-кво (данное положение).

сводящееся ни к чему другому, как к удержанию хозяйственной жизни Балканских народов на низком уровне развития, при котором Балканы могли бы быть колонией для европейской промышленности и преградой для устремлений российского капитала. Таковы все колониальные войны, типичным выразителем которых явилась Триполитанская авантюра Италии, направленная против Турции".

Третий документ—резолюция о задачах демократии. Исполнена на пишущей машинке. Резолюция так определяла эти задачи:

„Задачи демократии.

„Буржуазия вообще, а в частности наша русская, показала, что она не способна организовать производство и распределение благ. Там, где она господствует, там вместо развития производственных сил она разрушает их в процессе периодических войн.

„Там, где, как у нас, буржуазия не находится у власти, там она, вследствие боязни революции, боится взять власть в свои руки, и тем обрекает страну на неизбежную гибель в общей мировой свалке. Спасти ценности общечеловеческой культуры может только всемирный пролетариат, который немедленно должен выступить для прекращения кровавой бойни народов.

„Мир должен быть всеобщим, а не сепаратным, какой хочет заключить наше дворянство, боящееся разгрома германского юнкерства, на которое в случае революции в России может опереться наша реакция. Толкнуть всемирный пролетариат может новая победоносная Российская Революция, которая может удасться только при условии прочной, классовой организации пролетариата. Задача демократии—прекратить войну. Задача русского рабочего класса организованной борьбой с русским самодержавием освободить и толкнуть демократию на исполнение поставленной задачи.

„Господствующие классы, виновные в современной войне, всю ее тяжесть взвалили на народные массы, которые несут неисчислимые кровавые жертвы и стонут под гнетом финансовой системы в тылу. Господствующие классы, покрывая не только издержки войны, но и часть обычных расходов колоссальным увеличением налогов на предметы первой необходимости и безграничным выпуском бумажных денег,

тем самым предотвращают обложение собственности, соответственно падению курса рубля, сокращают свои долговые обязательства и платежи по ним и увеличивают денежную расценку своей собственности, сообразно падению курса рубля и ее возросшей доходности.

„Те же косвенные налоги и бесконечные выпуски бумажных денег вызывают бешеное по быстроте вздорожание жизни, подготовляющее невиданное по размерам обнищание широких масс крестьянства и в особенности городской мелкой буржуазии и обусловливающее постоянное сокращение тех средств существования, какие рабочий, несмотря на рост продолжительности и напряженности труда, может приобрести на свою заработанную плату.

„Постоянные выпуски государственных займов, в свою очередь предотвращая обложение собственности, возложат колоссальные платежи на будущие поколения и угрожают превратить теперешние военные налоги в налоги постоянные, увеличить их во много раз и, задавив их тяжестью пролетариат и крестьянство, увековечить теперешнюю каторгу труда, которая, в связи с дороговизной жизни, ведет к обнищанию, беспритязательности, забитости и вырождению широких масс.

„Чрезвычайный рост государственных расходов, как следствие роста дороговизны, и сокращение выручки от выпуска бумажных денег и займов, как следствие падения курса рубля и явственно надвигающегося государственного банкротства, а вместе с тем растущая опасность возмущения народных масс, сгибающихся под двойной тяжестью чрезмерного труда и недостатка скудного и дорогого продовольствия, начинают угрожать господствующим классам преждевременным с их точки зрения прекращением прибыльного для них дела войны, обещающей при благополучном для них завершении еще большие прибыли. Безуспешные и все более тревожные попытки господствующих классов разрешить „продовольственный вопрос“ вытекают из их желания отсрочки наступления краха и приводят к временному расхождению их интересов, одна группа эксплоататоров, сваливая всю ответственность за современную дороговизну на другую, стремится спасти свои военные прибыли некоторым ограничением военных прибылей этой другой группы.

„На попытку промышленников замедлить рост помещичьих барышей установлением твердых цен на земледельческие продукты помещики сначала ответили пассивным сопротивлением: отказом продавать хлеб, пока обеспеченные им барыши не будут повышены, а потом, если твердые цены все же удержатся, ответить требованием распространением твердых цен на промышленные продукты, являющиеся предметами потребления широких масс.

„Примирение расходящихся интересов помещиков и промышленников будет найдено или в некотором возвращении к свободе торговли и свободному установлению цен, в ряде мер (новые налоги, реквизиция), которые заставят крестьянина вывозить свой хлеб на рынок, или, если твердые цены получат дальнейшее распространение и будут соблюдаться, в установлении таких твердых цен на рабочую силу, которые обеспечат помещикам и промышленникам высокие барыши, и в угрозе суровых кар (посылка на фронт, тюрьма и каторга, телесные наказания за отказ от работы по этим твердым ценам).

„Организуемые Земским и Городским Союзами продовольственные совещания и съезды должны привести к такому соглашению помещичьих и промышленных интересов, которые, несколько ограничив их военные барыши, не позволили бы продлить их получение и продолжить войну до момента, когда ее окончание сулило бы господствующим классам более благоприятные результаты, чем в настоящее время. Допущение на совещание и на съезды ничтожного представительства от потребительных обществ и от некоторых рабочих организаций должно создать ту видимость, будто помещики и промышленники полные хозяева съездов, пользуются всенародной поддержкой.

„Полный недостаток многих необходимых продуктов вследствие чрезвычайного сокращения числа рабочих, занятых производительным трудом, крайняя скудость количества других, столь же необходимых продуктов, все эти „голод—сахарный, мучной, дровяной, керосиновый", разражающиеся то в одном, то в другом месте, вследствие полного расстройства транспорта, продажности чиновников от низших до высших и бессмысленных мер, принимаемых ими (местные запреты вывоза, местные, произвольно измыш-

ленные таксы и т. д.) и приводящих к тому, что сумасшедшее возрастание дороговизны правильно чередуется с бестоварьем, все это подготовило благоприятную почву для спекуляции, которая не создала современный продовольственный кризис, а лишь использовала его, но, использовав, конечно, в некоторых случаях привела к еще большему его обострению.

„Правительство, являясь исполнительным комитетом господствующих классов, подвергается со всех сторон нападкам и за то, что оно терпит в своих рядах почти явных изменников, увеличивающих кровавые и материальные жертвы этой войны и делающих непредотвратимым ее неблагоприятный конец, и за то, что неспособны примирить расходящиеся интересы различных групп эксплоататоров некоторым их ограничением, оно быстро толкает государство к полному военному, финансовому и экономическому истощению и банкротству.

„Правительство, стараясь спастись от этих нападков, принимает все меры к тому, чтобы отвести внимание народных масс от основных причин современного положения и направить его на какие-нибудь второстепенные и третьестепенные явления, напр., на мелких торговцев, укрывших несколько десятков пудов муки или соли. С возрастанием внешних и внутренних затруднений, оно постарается направить нарастающее народное возмущение в погромную сторону, причем, обрушив погром на ту или иную маловлиятельную группу буржуазии, играющую ничтожную роль в обострении дороговизны или на инородцев, которые, как таковые, не играют никакой роли в созданки дороговизны и сами распадаются на эксплоататоров и эксплоатируемых, на малочисленные группы извлекающих выгоды из растущей дороговизны с одной стороны и широкие массы страдающих от той же дороговизны — с другой.

„В стремлении отсрочить продовольственный крах, который сделал бы невозможным продление войны, господствующие классы хотят выделить рабочих, производящих предметы разрушения, в особую привилегированную группу, которая испытывала бы наименьшие продовольственные затруднения среди голодающего населения, и, развратив ее выделением, оторвать ее от рабочего класса и от широких масс эксплоатируемых".

Все эти и им подобные документы и прокламации размножались силами и средствами тех учреждений, в которые они попадали. На заводах это исполняли больничные кассы, редко контора. В общественных учреждениях—тот или иной служащий. В заводах ходили по рукам и читались до дыр. Были усердные любители, которые переписывали от руки целые брошюрки.

После разгона съездов представителей буржуазных общественных организаций, некоторые радикальные круги питерской буржуазии стали также на путь нелегальной работы. В развитие резолюции, принятой на Совещании представителей общественных организаций 11-го декабря в Москве, было издано несколько прокламаций, исполненных на ротаторе и пишущих машинках. Одна из них, обращенная к „Русским людям", имела следующее содержание:

„Способствуйте наибольшему распространению.

„*Русские люди!* Наша группа объединившихся граждан Петрограда обращается к вам со вторым воззванием. Вы помните пламенные слова, раздавшиеся в Москве и клеймящие наше правительство: „Пусть потоп несчастий затопит нашу родину, пусть великая Россия станет данницею немцев—лишь бы им сохранить свое личное старое благополучие". Потоп давно уже топит родину: миллионы бесплодных жертв, беспрестанные кризисы, призрак надвигающегося голода, большое число разоренных губерний, а в тылу — не будем себя обманывать—уныние, огромное число „укрывающихся", погоня за личным благоденствием, забвение своего сыновнего долга перед Родиной и перед теми, кто сражается за нас в окопах... Вопреки их—правительства— воле, вопреки „*их*" тщетным надеждам, Россия еще не данница Германии, но страна постоянно живет в напряженном подозрении, что „*они*" все еще замышляют сепаратный мир, что „*они*" все еще готовятся покончить с Гос. Думой. *Их* официальным уверениям страна больше не верит. *Они* лгали всегда, *они* лгут и теперь. Сухомлинов, Манасевич, Штюрмер—это ли не доказательства? Для успокоения общества *они*, может быть, вновь продолжат следствие над Сухомлиновым, чтобы при случае его вновь прекратить; а обвиненный английским по-

слом в государственной измене Штюрмер будет по-прежнему заседать в Гос. Совете в мундире весьма приближенного к Государю придворного.

„Довольно же этого открытого издевательства над страной и армией. Пора, наконец, величайшей мировой державе иметь правительство, достойное великих задач, выпавших на могучие плечи России. Такое правительство может составиться только из лучших общественных сил, которые чтит вся страна. Им мы должны расчистить дорогу к власти. Говорят, что нельзя менять власть во время войны, что мы с этой властью как-нибудь победим. Русские люди! Довольно этого самообмана, довольно этой ужасной иллюзии. Мы, все, начиная от самых умеренных людей до пылкого террориста, увлеклись этой иллюзией—и в этом наша основная и, может быть, смертельная ошибка перед прошлыми жертвами, перед будущим Родины. В начале войны Россия сплотилась вокруг правительства, Россия не могла допустить, что оно настолько преступно, что ради холопского услужения проклятому режиму решилось предать и армию, и страну. И что же—за честь иметь *их* во главе страны Русская Армия заплатила кошмаром Галицийского отступления, народ—миллионами напрасно загубленных жертв, а родина—потерей 15 губерний... Или этого еще мало. Или надо ждать еще подобного потрясения, когда обессиленная окончательно страна окажется совершенно не в состоянии бороться с внешним врагом и когда, быть может, никто уже не будет в состоянии вдохнуть в ее коченеющие члены живительную бодрость. Или, может быть, надо ждать, когда из окопов до нас долетит стон безымянных героев. Мы безропотно пошли за вас против врага, мы день и ночь находимся под угрозой смерти, а вы, вы там, в тылу, живущие под нашей защитой, вы не имели даже настолько мужества, чтобы предотвратить эти предательские удары нам в спину.

„Русские люди! Не доведемте же до этого, встрепенемся тем страшным трепетом, которого так боится Германия и ее здешние приспешники! *Проснитесь сами, будите спящих, способствуйте организации страны для борьбы с правительством во имя победы, помните, что отечество в опасности и что промедление времени смерти невозвратной подобно.* Пусть каждый, именно каждый делает хоть что-нибудь, памятуя,

что из слабых единичных усилий создается то могучее целое, которое выведет Россию на путь к победе и свободе Надо, чтобы каждый внес свою лепту, не надеясь, что за него сделает кто-то другой. Вся Россия сейчас исповедует поддерживаемые нами лозунги, но для проведения их в жизнь надо организоваться, объединиться в ячейку, вокруг которых могли бы группироваться единомышленники.

„Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с теперешнею властью. Россия имеет своих вождей; вместе с Москвой их знает вся Россия. И, встав под поднятое в Москве знамя, сомкнув вокруг Москвы свои ряды, мы общими усилиями свалим эту ненавистную кучу ставленников старого режима, всех этих Горемыкиных, Штюрмеров, Треповых, Голицыных, Бобринских, Протопоповых, Щегловитовых, Шаховских, Риттихов и др.—имя их „сферы"—всех этих „неблагожелательных" и „благожелательных" министров, которые лицемерно заигрывают одной рукой с общественностью, а другой вставляют палки в колеса двигающейся к победе колесницы Русского народа.

„Настал исключительно тревожный момент нашей истории. Велики стоящие перед Россией вовне и внутри задачи. Но не будем падать духом. Будем с Москвой—сердцем России. Будем во время общего штурма каждый на своем посту. Будем бороться, не поддаваясь лживым искушениям до тех пор, пока вся полнота власти не перейдет в руки призванных Россией вождей и пока не осуществятся поставленные ими лозунги:

„Победить во что бы то ни стало".

„Дать стране правительство из лучших вождей общественности, которому бы она верила в полной мере, правительство единое духом и целями и ответственное перед народом".

„Положить безусловный конец тем темным влияниям, которыми жило и живет нынешнее правительство, и тем избавить армию и защитницу России от новых миллионов бесплодных жертв".

„К армии должна обратить свое слово страна: „Знайте, что с нынешним правительством мы должны бороться и что нашу борьбу мы поднимаем *не против вас, а для вас,* для того, чтобы победить с наименьшими жертвами".

„*К рабочим* должна обратить свое слово страна: „Знайте, что только в победе над германским милитаризмом—залог внутренней свободы и лучшего будущего нашей родины".

„*Русские люди!* Когда пробьет решительный час, поддержите же всей силой своего единодушия провозглашенные лозунги или—оставайтесь пассивными свидетелями происходящей разрухи и тогда несите на себе прямую ответственность за гибель отчизны.

„Группа объединившихся граждан Петрограда".

Неудачи на фронте, потери территории и рост революционных настроений в армии и на заводах заставили и косную русскую буржуазию встать в открытую оппозицию хищному господству царской камарильи. Она угрожала уже штурмом; но все это совершалось во имя войны, во имя сокрушения своего конкурента—немецкого купца. Антимилитаристское настроение и борьба рабочих под лозунгами „долой царское правительство" и „долой войну",—пугали буржуазную московскую Русь, и она призывала рабочих к победе над германским милитаризмом.

В конце декабря по Питеру распространялся специальный листок, вышедший из того же источника, как и предыдущие, но обращенный исключительно к рабочим.

В нем буржуазные организации распространяли ходячую тогда молву, что агитацию против войны ведут „немецкие шпионы", царские холопы и т. п. элементы. По своему содержанию прокламация является образцом обмана, при помощи которого буржуазии удавалось оплетать и гнать на бойню народные массы:

„К рабочим.

„Вы—которые стоите у станков. Вы—которые в душных мастерских куете снаряды—средство к победе. Мы обращаемся к вам Рабочие. В момент чрезвычайной внешней борьбы Россия переживает острый внутренний кризис. Негодное правительство, состоящее и возглавляемое все теми же ставленниками старого режима, занятое не войной с врагами, а борьбой с общественными и рабочими организациями, привело величайшее в мире государство к расстройству всех

органов его жизни. Связанное с войной и неизбежное при ней затруднение в области питания и снабжения населения развернулось, вследствие неумелых, а, может быть, и сознательных действий правительства в картину невероятной разрухи, спекуляции и мародерства. И вот, некоторые руководители рабочих масс говорят вам, что все неурядицы, которые осложняют нашу жизнь, являются следствием войны и что потому нужно кончить войну. Далее они говорят, что войну ведет правительство, а не народ, и что во имя интернационального общения людей войну надо прекратить.

„Рабочие! Боритесь всеми мерами с этими увещеваниями, раскрывайте глаза другим, кричите из последних сил, что войну надо продолжать во что бы то ни стало не для уничтожения всего германского народа, а только для того, чтобы сломить его милитаризм, гнетом лежащий на демократических классах Европы; кричите, что войну надо продолжать, чтобы сломить германский очаг реакции, той реакции, которая в России поддерживала проклятое, замучившее страну, самодержавие. Знайте, что победа над Германией есть окончательная победа над русским самодержавием. Знайте, что наше правительство лжет, когда оно говорит, что вместе с народом хочет победить Германию. Оно лжет потому, что Германия всегда поддерживала и будет поддерживать в своих интересах злейшую реакцию в России.

„И вот, за продолжение войны, за те ее освободительные лозунги, которые можно осуществить только при полной победе над Германией, — истекающая кровью *Французская Республика*, погубленная *Бельгия*, свободолюбивая *Англия* и передовая часть русского общества; против войны—Германия и скрытые мечтания наших правящих сфер—истинных врагов нашей русской свободы. В самой России за продолжение войны лучшие силы русской интеллигенции, виднейшие члены Гос. Думы, вся земская и городская Россия, все общественные организации, столпы русского освободительного движения Плеханов, Бурцев, Кропоткин; против войны—холопствующие мракобесы самодержавного режима.

„Так неужели же в такой момент, при таком ярком разделении сторон вы, рабочие, снова выставите требования „долой войну“ и тем бессознательно сыграете на руку само-

державного строя. Нет, не может быть, чтобы тот, в ком бьется русское сердце, чья душа вместе с родиной скорбит и смертельно тоскует, кто понял исключительную важность настоящего момента, чтобы тот не пошел за знаменем, которое поднято в Москве лучшими сынами России.

„Война до конца, не считаясь с дальнейшими жертвами.

„Но неоцененно дорога каждая человеческая жизнь, и чтобы не было больше миллионов напрасно загубленных жертв, чтобы армия наша вновь не осталась без снарядов, на знамени написано:

„Долой преступное правительство, долой ставленников самодержавия!

„И чтобы война привела нас действительно к победе, чтобы война взяла возможно меньше жертв, чтобы облегчить насколько это еще возможно нашу внутреннюю роковую неурядицу, к которой привело страну правительство, на знамени написано:

„Да здравствует ответственное перед народом министерство из лучших общественных деятелей".

„Рабочие! Москва—сердце России. Сомкнем же вокруг ее знамени наши ряды, будем помнить, что в нашем единении—горе Германии и горе нашему правительству, и тогда:

„Да здравствует армия—защитница России.

„Да здравствует великая, свободная Россия.

„Группа объединившихся граждан Петрограда.

„Способствуйте наибольшему распространению".

Такими лозунгами надеялись наши оппозиционеры привлечь рабочих на свою сторону. Однако, два с половиной года войны и поведение в это время всех буржуазных партий многому научили питерских рабочих. Не верили они и ссылкам на былые свои авторитеты. Хваленые буржуазией Плеханов, Кропоткин и другие, ставшие на путь помощи буржуазии, тем самым считались ушедшими от рабочих; так это понял питерский пролетариат, так это и было на самом деле.

На ряду с политической литературой по рукам ходили всевозможные придворные новости, вроде ниже приводимой телеграммы князей Николаю II и его ответ:

„Ваше Императорское Величество!

„Мы все, чьи подписи *Вы* прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить *Ваше* суровое решение относительно судьбы вел. князя Дмитрия Павловича Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно.

„Вы, бывший его опекун и верховный попечитель, знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к *Вам, Государь*, и к нашей Родине.

„Мы умоляем *Ваше* Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья вел. князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове— или Ильинском.

„Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ, ввиду эпидемий и других бичей человечества. Пребывание там для вел. князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества верно проснется жалость к юноше, которого *Вы* любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле *Вас* и для которого Вы были добры, как отец. Да внушит Господь и Бог *Вашему* Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость. Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие". (Следуют семнадцать подписей).

Ответ царя.

(Послан 30 декабря).

„Никому не дано прав заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне".

Кроме того, по Питеру ходил едкий памфлет акафист, посвященный Григ. Распутину, сочинение коего приписывается молвой Амфитеатрову, следующего содержания:

„Акафист новоявленному угоднику Григорию, конокраду Новому.

„Отче Григорие, новый угодник сатанин, веры Христовой хулителю, Русской земли разорителю, жен и детей-дев осквернителю, того ради смерть приявший!

Како воздадим тебе, како восхвалим тебя, како воспоем тя, разве глаголюще тебе еще:

„Радуйся церкви Христовой поругание, радуйся синода оплевание, радуйся Владимира изгнание, радуйся Макария прозябание, радуйся Питирима взыграние, радуйся Варнавы превозношение, радуйся Илиодора заключение, радуйся Гермогена заточение.

Радуйся Григорие, великий сквернотворче!

„Радуйся рассудка Царева помрачение, радуйся Царицыно услаждение, радуйся Царевен растление, радуйся Царевича развращение.

Радуйся Григорие, распутниче великий!

„Радуйся Штюрмера обретение, радуйся Протопопова возвышение, радуйся Саблера умаление, радуйся Самарина низвержение, радуйся Андроникова укрепление.

Радуйся Григорие, великий сквернотворче!

„Радуйся таинственного питания взалкание, радуйся блудных страстей взыграние, радуйся бесов служителю, радуйся ложа брачного осквернителю, радуйся жен совратителю, радуйся дев соблазнителю.

Радуйся Григорие, распутниче великий!

„Радуйся веры православной хулителю, радуйся хлыстовщины насадителю, радуйся пляски бесовской скакание, радуйся дланями плескание, радуйся хребтом виляние, радуйся бедрами потрясение.

Радуйся Григорие, великий сквернотворче!

„Радуйся в ереси иерархов чинопочитание, радуйся казнокрадов печальниче, радуйся лихоимцев прибежище, радуйся лиходеев убежище.

Радуйся Григорие, распутниче великий!

„Радуйся любострастия пучина, радуйся рождества наследника причина, радуйся лжесвидетельства ревнителю, радуйся хулиганов покровителю.

Радуйся Григорие, великий сквернословче!

„Радуйся темных сил насадителю, радуйся немцев оплот и прибежище верное, радуйся сатанино вместилище скверное. Радуйся Григорие, распутниче великий".

Не мало ходило по рукам фотографий Г. Распутина с поклонницами, пикантностей, посвященных ему, и т. д. Все это, взятое вместе, говорило о грандиозном сдвиге в сознании „верноподданных".

Это явление было свойственно не только Питеру, но и многим другим городам России. Так, объезжая некоторые пункты, напр. Москву, Нижний и т. д., я встречал ту же самую картину. Приезжавшие товарищи из других мест, передавали то же самое. Нелегальных листков, прокламаций уже не боялись, а искали, просили и читали с интересом и доверием. Ненависть к правительству проникала в самые низы, и это весьма пугало либеральные буржуазные верхи. Правительство это знало, чувствовало и готовилось к борьбе, вооружало городовых, обучало их стрельбе из пулеметов, артиллерии и т. д. Но интересы господствующих классов были расколоты, не было единства даже среди верхов, окружавших царский трон. Убийство Г. Распутина демонстрировало разложение двора, распад царствовавшей камарильи. Гибель монархии становилась неизбежной и недалекой.

XXXVII.

В этот приезд удалось установить сравнительно тесную связь с провинциальными организациями. Регулярные сношения были с Москвой, Нижним, Киевом, Тулой, Воронежем, Донецким бассейном и некоторыми заводами Урала и Сибирью.

Работа в Москве на этот раз была значительно лучше. Расшевелилась учащаяся молодежь, и в рабочих районах работа шла хорошо. Организацию обслуживали В. П. Ногин, П. Г. Смидович, И. И. Скворцов и др. Через М. Г. Павлову познакомился с Р. В. Мостовенко, которую сейчас же москвичи втащили в работу. Лично пользовался квартирой тов. Мостовенко для ночевок и отдыха.

В ноябре месяце московские товарищи издали, от имени Бюро Ц. К. листовку, размноженную на шапирографе, в ней следующим образом было развито наше отношение к войне, буржуазии и ее лозунгу „спасения родины":

„Война открывает глаза, срывает покровы. Правительство и буржуазия выступает во всей наготе. Отжившее свой век правительство является образцом бездарности и низости. Дворцовые интриги, захват власти проходимцами и изменниками, воровство, шпионство, предательство и провокация стали обычным делом правящей шайки.

„Сейчас правительство стало на распутье: боится продолжать бесплодную бойню и боится заключить мир, потому что конец войны поставит ребром вопрос об ответственности за нее: оно боится революции.

„Буржуазия благословила на эту войну правительство. В течение целого года внушала она населению доверие к правительству и покрывала Сухомлиновых. Проповедуя войну до конца, она обогащалась на бедствии народа. Не борьбой вместе с народом против монархии, а готовностью итти с монархией против народа старалась буржуазия пролезть к власти. Теперь буржуазия видит, что она проиграла и в своем раболепии и в своих завоевательных планах. У власти вместо Милюковых и Гучковых—Треповы и Макаровы. Вместо контрибуции—государственное банкротство. На ближнем Востоке вместо рынка для себя—рынок для германцев. Вместо завоевания Константинополя—потеря Польши. Буржуазия спешит всю ответственность за неудачную войну свалить на правительство. Она кричит: „война до полной победы“, но прибавляет: „а если мы ее проиграем, то в этом будем виноваты не мы, а правительство“.

„Возмущение пролетариата растет: массовое революционное движение неизбежно. И правительство и буржуазия спешат отвести от себя руку пролетариата. Правительство натравляет народ на мелких торговцев, как натравляло раньше на евреев и немцев. Оно верно своей системе провокации. Стараясь влить всеобщее негодование в русло презренных погромов, и объявив это негодование изменой и бессмысленным бунтом, оно хочет залить улицы кровью, выступить в роли спасителя отечества и этим спасти себя. Буржуазия же всякое революционное движение пролетариата старается представить как провокацию со стороны правительства, пролетариат, как жертву измены, а социал-демократию, как соучастника в ней.

„Инстинктивно чувствуя, что монархия может еще при-

годиться, буржуазные партии направляют свои удары не против монархической формы, а против ее слуг; они вполне удовлетворились бы сменой министерства и оставили бы за монархией все ее теперешние безграничные права.

„Те рабочие, которые идут заодно с рабочей группой военно-промышленного комитета, предлагают поддержать Госуд. Думу в ее беспринципной политике; они хотят создать совместно с земским и городским союзами и военно-промышленными комитетами какую-то организацию, в которой руководящая роль будет принадлежать буржуазии. Изменив делу пролетариата, они хотят подчинить его влиянию буржуазии и обмануть массы фальшивым лозунгом „спасения родины".

„Пойдет ли на это пролетариат? Даст ли он обмануть себя? Нет, он пойдет своим путем. Интриги, соглашения, запугивания словами—не его тактика. Подновление и подкрашивание насквозь прогнившего правительства—не его задача. Революционная борьба за демократическую республику, открывающая путь к последней борьбе—к борьбе за социализм—вот его цель.

„Пролетариат будет бороться за мир, но не взывая к правительству, а сделав невозможным продолжение войны. Поднимая знамя восстания против виновников войны, дело мира он берет в свои руки. Только в революционной борьбе русский пролетариат привлечет к себе сочувствие пролетариата всего мира, даст опору пролетариям как воюющих против России стран, так и воюющих в союзе с ней, в их агитации против своих правительств. Совместной борьбой на месте старого буржуазного мира пролетариат создаст новый мир, в котором не будет места никаким войнам. Достигнет он этого, воплотив в жизнь великий лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

„Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

„Москва, ноябрь 1916 г."

В Нижнем также дела были недурны. Сормовская организация крепла и даже прислала некоторую сумму денег в виде отчисления в пользу Ц. К. Кроме нашей организации, там среди беженцев работал „Бунд", а также организация партии социалистов-революционеров левого направления

Последней удалось издать в декабре 1916 года печатный лис
ток, направленный против „потомственных кровопийц", —
царского правительства с его помещиками и капиталистами
Лозунгом этой организации было—„долой войну" и призыв
к вооруженному восстанию.

Из Екатеринослава удалось получить ценный протокол
об имевшей там место конференции организаций нашей
партии, помещаю его целиком:

„Отчет о соц.-демокр. конференции, состоявшейся в
начале ноября 1916 года в Екатеринославе.

„На заседании присутствовало 9 представителей от 5 за
водов (Брянский, два трубных, Рудский, Сириус), один пред
ставитель от г. Екатеринослава, представитель от Днепров
ского завода в Каменском и нескольких гостей, всего 15 че
ловек. Не явились по непредвиденным обстоятельствам пред
ставители заводов Шодуард и Гантке

„Выбрав председателя и секретаря, конференция приняла
следующий порядок дня: 1) Доклад: Интернационал и война
2) Доклад: Война и задачи с.-д-ии. 3) Доклады представите
лей о состоянии работы на местах. 4) Доклад по организа
ционному вопросу. 5) Резолюции и постановления.

„После первого доклада участники конференции обменя
лись мнениями, причем остановились особенно подробно на
вопросах об отношении к войне, о поведении социалистов
других стран и о будущем Интернационале. Второй доклад
вызвал также обмен взглядов, при чем особенное внимание
было уделено вопросам о военно-промышленных комитетах.
о необходимости развития нелегальной печати и способах
борьбы с ликвидаторской печатью. Доклады с мест показали,
что на всех представленных заводах существуют партийные
ячейки, вокруг которых группируется больше 300 товарищей,
аккуратно платящих членские взносы. Что же касается на
строения широкой рабочей массы, все докладчики утверж
дали, что оно крайне напряженное, что ясно чувствуется
еле удерживаемое недовольство и раздражение, стихийное
и бессознательное. В связи с этим подчеркивалась необхо
димость со стороны передовых товарищей активного вмеша
тельства, ставящего своей целью объединение распыленной
рабочей массы вокруг организованных кружков и групп.

„Четвертый доклад (по организационному вопросу) закончился прениями о практической работе и дальнейшем развитии организации.

„В результате всего было вынесено следующее решение: конференция призывает всех сознательных передовых товарищей к скорейшему созданию на заводах цеховых кружков, заводских коллективов, районных организаций и к ускорению созыва общегородского собрания для объединения работы и выборов исполнительного комитета.

„Дальнейшим шагом нужно считать постановку областного комитета и присоединение к Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.".

После утверждения докладов была единогласно принята следующая резолюция:

„Причины войны.

„Настоящая война является неизбежным следствием капиталистического способа производства, при котором незначительная группа капиталистов-собственников бесконтрольно распоряжается продуктом труда множества пролетариев. Этот строй ведет к самым гибельным последствиям, с одной стороны оставляя неудовлетворенными насущные потребности многомиллионной массы пролетариев, с другой—создавая ряд непрерывных конфликтов и вооруженных столкновений за право навязать товары более слабым и отсталым странам. Дальнейшее сохранение капиталистического строя поведет к еще более страшным катастрофам, к новым войнам за колонии и рынки, к разгромлению и уничтожению всех слабых народов, к дальнейшему укреплению международных трестов и к новым неисчислимым бедствиям для всех трудящихся.

„Удары, наносимые войной международному пролетариату: массовое истребление цвета пролетарской молодежи на фронте, милитаризация пролетариата в тылу, чудовищная дороговизна и недостаток многих необходимых продуктов и происходящее отсюда недоедание, вымирание и вырождение рабочих масс, разгром рабочих организаций и рабочей печати вот удары, поразившие с первых дней войны международный пролетариат. Война, служащая интересам командующих классов, бросила народы друг на друга, внесла разлад в ряды организованного *Интернационала*, и каждый

день ее продолжения приносит нашим классовым врагам новую победу над пролетариатом и над социализмом.

„Ввиду вышесказанного, в этой войне, затеянной не нами и против нас, мы, сознательные рабочие, не видим иных задач, кроме одной: использование созданного войной экономического и политического кризиса для борьбы с капиталистическим строем, уничтожение которого единственно в состоянии убить причины империалистических войн. Война, создавая неслыханные страдания народных масс, изнывающих под бременем нескончаемых убийств, несказанной дороговизны, гнета военного и полицейского—озлобляет эти массы и стихийно толкает их на борьбу с войной. Нашей обязанностью должно быть объяснение широким массам истинных причин войны, указывание на ее истинных виновников и освещение того пути, который должны избрать эти массы. Не скрывая, а раскрывая все те бедствия, которых не избегнуть им после заключения мира, мы считаем долгом своим предупредить эти массы, что мир, заключенный дипломатами—агентами господствующих классов, ляжет новой тяжестью на те же массы и что лишь организованный революционный натиск народных масс может привести к такому миру, который не свалит все бедственные результаты войны на трудящихся и создаст право каждому народу свободно устраивать свою жизнь. Война, явившись бичем для всей европейской демократии, особенно губительно отразилась на судьбе российских рабочих и крестьянских масс, которым приходится выносить войну в исключительно варварских условиях полицейско-азиатского режима. Российская буржуазия, несмотря на полную хозяйств. разруху и на явную безысходность настоящей войны для России, всецело слилась с хозяйничающим в стране союзом крупных землевладельцев, правящей кликой в лозунге „все для войны, все для победы". Интересы российской буржуазии пользуются при современном полицейски-дворянском режиме преимущественным вниманием и, ввиду этого, нельзя ждать с ее стороны активного выступления в пользу изменения политического строя России, а потому никакие соглашения с нею, имеющие целью найти выход из создавшегося тупика, недопустимы, так как ужасающая дороговизна жизни является прямым результатом войны. Полное устранение ее возможно

лишь с прекращением войны и сокрушением всего режима, породившего ее. Принимая во внимание, что „твердые“ цены, как и всевозможные продовольственные совещания, созданы тем, кто непосредственно создает дороговизну, недопустимо никакое участие наше в подобных организациях. На все растущую дороговизну рабочий должен ответить требованием о повышении их заработной платы на столько процентов, на сколько возрасли цены на продукты. Не отказываясь от частичного улучшения положения рабочих, признавая необходимым наше участие в организациях классового характера: проф. союзах и кооперативах, мы в то же время высказываемся против участия в военно-пром. комитетах и др. организациях, имеющих целью оказывать содействие более успешному ходу войны, тем или иным образом связанных с тылом и фронтом армии. Не имея с этими организациями никаких общих задач и считая самой главной задачей проповедь и подготовку массовых выступлений против войны за свержение царского правительства и установления в России демокр. республики, а также подготовку к социальной революции, мы рекомендуем работать и строить организации только в союзе с элементами, не изменившими нашему старому времени, оказавшимися верными партийным постановлениям, не развращенным проповедью сбившихся слуг социализма—социал-патриотами. Так-как дружными усилиями правящей бюрократии и всей воинствующей клики, рабочие России с первых дней войны поднявшие свой голос против нее были сразу лишены представительства в Г. Думе и приведены к молчанию полным разгромом рабочих организаций и рабочей печати, Конференция признает насущной и неотложной необходимостью созыв всероссийского совещания с.-д. и широкого развития подпольной печати. Считая, что с самого начала войны не было никаких общих целей с ее виновниками, мы с негодованием осуждаем тех „социалистов“, заграничных и отечественных, которые, заключив гражданский мир с буржуазией (голосованием за военные кредиты) участием в министерстве, воспеванием войны в парламентских речах и печати, как войны последней и освободительной, покинули точку зрения классовой борьбы, которая была главной основой нашей международной организации, этим посеяли смуту в наших пролетарских

рядах и присоединились к тому обману, который послужил могучим орудием буржуазии всех стран против пролетариата всех стран. Под видом „защиты отечества“ эти мирные социалисты защищают каждый свою отечественную буржуазию, укрепляя каждый день ее господство и уверяя при этом, что это и есть настоящая защита социализма и интернационализма. Мы видим причину этого беспримерного предательства самых видных представителей II-го Интернационала в том, что в нем до войны господствовало оппортунистическое течение, по существу своему буржуазное. Оно и показало свою природу при первом крупном испытании. Как ни велико бедствие краха нашей интернациональной опоры, мы не считаем возможным прикрашивать его, а, наоборот, думаем, что беспощадным разоблачением мнимых друзей социализма ему вернее всего служим. Поэтому объявляем всех явных и скрытых соц.-патриотов своими врагами и в разоблачении прежде всего наших отечественных ренегатов перед массами видим свой интернациональный долг.

„Мы протягиваем братскую руку тем нашим заграничным товарищам из Германии, Франции, Англии, Сербии и Италии, которые при небывало тяжелых условиях остались верны их старому знамени, отказались подчиняться вождям, заключающим перемирие с буржуазией, продолжают борьбу против войны и своих правительств. Познакомившись с работами двух конференций в Циммервальде (осенью 1915 г.) и в Кинтале (весною 1916 г.), мы шлем приветствие товарищам интернационалистам, собравшимся для борьбы с войной и для восстановления прервавшейся связи между пролетариями разных стран. Особенно же приветствуем левую Циммервальда, последовательно поставившую вопросы о нашем отношении к миру, о социальной революции и о кризисе в Интернационале“.

О положении рабочих и состоянии нашей партийной работы в Донецком бассейне удалось получить ряд сообщений, рисующих следующее:

С самого начала войны все рудничные рабочие состоят на учете. Ни одна мобилизация их не коснулась. Это обстоятельство имело громадное влияние на ход рабочего движения в Донецком бассейне. Казалось, что вся эта полуго-

лодная масса настолько одурманена чувством патриотизма, что даже не замечает того, что кругом нее делается, вернее, что с нею делают.

Зато капиталистические, акционерные компании как нельзя лучше воспользовались удобным для них моментом, и в то время, как рабочие пели патриотические песни, во всех предприятиях удлиняли рабочий день („упряжка"), рабочие принуждались к сверхурочной работе. Рудничная администрация действовала не покладая рук, штрафуя рабочих за малейшее проявление протеста против грубого обращения, так что от их, и без того скудного, заработка к концу месяца оставались одни жалкие гроши.

Несмотря на свое тяжелое положение, рабочие в первый год войны не проявляли никаких признаков протеста; сознание их, как будто придавленное дурманом, не прояснялось. Волна шовинизма захватывает значительную часть рабочих, которые во имя обороны проводят сборы, а в некоторых местах даже обложения в пользу многочисленных комитетов помощи жертвам войны, беженцам и проч.

Все усиливающаяся дороговизна заставляет рабочих задумываться над своим положением. На помощь приходят их друзья—интеллигенция, которые пользуются еще с 1905—1906 годов большим авторитетом у массы. Пропагандируя идеи обороны, они зовут рабочих к организации кооперативов, могущих якобы облегчить создавшееся тяжелое экономическое положение, как всего населения, так и рабочих. Сначала рабочие, действительно, ухватились за это средство. Кооперативное движение росло почти по всему бассейну, организуются новые общества потребителей, усиливаются старые. Рабочие принимают участие в них, пользуются легальной возможностью собраний и уже на этих собраниях потребительских обществ слышатся голоса смелых и непримиримых борцов за полную свободу, но их голоса в то время еще не встречали сочувствия. В начале второго года войны картина понемногу меняется: то тут, то там на заводах и рудниках организуются маленькие ячейки, группки, где обсуждаются вопросы текущего момента, куда проникали и первые сведения о Циммервальдской конференции. Как потом выяснилось, все эти ячейки стали приверженцами Циммервальдских резолюций.

Заметим, что эти группки между собой не были связаны, даже не знали о существовании себе подобных.

В феврале и марте 1916 года на одном из Горловских рудников появляются два листка, зовущие рабочих к организации, довольно ярко рисующие политическое и экономическое положение страны и выставляющие лозунги большинства Р. С.-Д. Р. П. Листовки эти были распространены и на других рудниках и, хотя были очень плохо отгектографированы, все-таки читались с большим интересом, больше еще потому, что это были первые признаки проснувшегося движения, больше инициативы ниоткуда не проявлялось вплоть до возникновения стачки. В первых числах апреля с. г. возникла первая, за время войны, стачка в Донецком бассейне, охватившая 20 близлежащих предприятий с числом рабочих около 50 тыс. Сигнал к этой стачке был дан из того рудника, где появились упомянутые листки и в продолжение одного дня к стачке присоединились еще 12 рудников. В первые же дни приступают к организации, везде выставляются одинаковые требования о повышении заработной платы на 50% и кое-где за уничтожение штрафа за невыход на работы. Мотивированы эти требования все растущей дороговизной. Компании рудников отказались удовлетворить требования. Тогда на всеобщем митинге всех рудников принимается решение бастовать до тех пор, пока не удовлетворят всех требований. Забастовка протекала довольно спокойно, рабочие продолжали собираться то на одном, то на другом руднике, обсуждали создавшееся положение Никаких эксцессов со стороны рабочих на всех этих собраниях проявлено не было. На одном из митингов выбрали стачечную комиссию для ведения забастовки. Между тем блюстители порядка заработали на свой лад: из Бахмута прислали две роты солдат, якобы для охраны рудников. Но на второй же день, после того, как им было велено разогнать митинг, солдаты отказались от подобного рода „охраны". На смену им прислали из уезда отряд конной полиции, которая ограничивается, в первые дни, присутствием на всех митингах. На десятый день забастовки приехал на один из рудников чиновник особых поручений для переговоров с рабочими. Собрались все рабочие. Он обратился к ним с братским словом, указывая на то, что преступно, мол, в такой

тяжкий момент бастовать, что их побуждают на такое преступление жиды, эти внутренние враги, желающие погубить нашу родину как шпионством, так и своей революционной пропагандой, и что рабочие, как истинно православные люди, кому дорога отчизна, должны бороться с этим врагом русского народа, а не прислушиваться к их вражеским речам, тем более, что рабочие хорошо зарабатывают и им совсем нет нужды бастовать. Рабочие заволновались, никто не ожидал подобных речей. Раздались голоса, что это ему не пятый год, когда легенда о жидовском засилии имела такие ужасные последствия, что они теперь сами хорошо разбираются, кто их враги и друзья, и что экономические требования не караются законом и что забастовка возникла благодаря очень низкому заработку, на который, при существующей дороговизне, не прожить. Чиновник, видя, что его миссия не увенчается успехом, стал грозить отсылкой на позиции Рабочие ответили, что если не удовлетворят их требования, то они сами пойдут к воинскому начальнику. Чиновник по грозил им еще расстрелом и тюрьмой и уехал ни с чем.

После его отъезда было несколько попыток со стороны полиции арестовать более выдающихся рабочих, но тщетно. Рабочие организовали на всех рудниках охрану из отрядов рабочих, которые, завидев приближение полиции к жилищам товарищей, поднимали тревогу, и сбежавшаяся толпа отгоняла прочь полицию, иногда даже отбивала у нее уже арестованных товарищей.

Общее положение, между тем, становилось все хуже и хуже. Денег не было, а праздники приближались. Хотя акционерная компания не закрыла еще кредита в потребительские лавки, но во многом в них рабочим стали отказывать. Как действовать далее, рабочие не знали. На последние деньги были посланы одна за другой две телеграммы рабочим депутатам, но, увы, ответа не получили. Тогда было сделано еще одно усилие: собрав немного денег, выбрали представителя и послали его в Петроград, посоветоваться с депутатами, но представитель уехал, и больше его не видали, он как в воду канул. После праздников приехал на рудники Екатеринославский губернатор. Он так же, как и чиновник особых поручений, в прочувствованной речи „по-братски" обратился к рабочим, порицая их за бессмысленную заба-

стовку. Он согласен, что рабочим мало их заработка ввиду вздорожания предметов первой необходимости, ну, рабочие могли обратиться к нему, а уж он бы исходатайствовал у компании 30% прибавки. Тогда раздаются голоса: „За 49½% мы не станем на работу, мы требуем 50% прибавки. Разъяренный „ходатай" стал грозить судом, ибо это не экономическая забастовка, а просто бунт, и что их расстреляют за такой бунт. Вся масса рабочих, стоявшая тут, застыла на местах и из всех уст вырвался крик: „Стреляйте!". Даже матери с грудными детьми на руках не тронулись с мест. „Лучше быть расстрелянными тут, на месте, нежели умирать с голода,—кричат рабочие,—устройте вторую Лену, пусть мы послужим примером для других, как нужно бороться за свои права". Губернатор был взбешен, полиция стояла тут-же и можно было ожидать самой ужасной развязки. Но на это раз губернатор воздержался, оставив в дальнейшем распоряжения, которые полиция с полной точностью выполнила Губернатор уехал, а рабочие приняли решение 1-го мая не собираться, во избежание каких бы то ни было эксцессов и столкновения с полицией, а 2-го мая собраться, чтобы окончательно решить, как дальше быть. Первое мая прошло спокойно, даже арестов не было.

Второго мая, утром, рабочие стали собираться на условленное место, но нашли там солдат. Пришлось занять близлежащий бугорок. Когда часть рабочих пошла предупредить ще не пришедших товарищей, неожиданно бугорок окружила полиция и стала требовать, чтобы рабочие разошлись Заметив приближавшихся рабочих из Горловских рудников часть находившихся на бугорке стала спускаться на выручку подходивших. В эту минуту полиция повернулась в сторону горловцев и направилась прямо на них. Горловцы повернули назад и побежали к близлежавшим балкам. Добежав до них, толпа замедлилась переходом через балки. В этот момент подоспела гнавшаяся полиция во главе с приставом. По команде последнего раздаются два залпа, но оба, как-будто нарочно в воздух. Тогда разъяренный пристав ворвался в толпу и стал стрелять из револьвера во все стороны. Одновременно раздаются еще два залпа и полиция скрывается. Подоспевшая сзади толпа нашла на месте четырех убитых и 20 раненых.

В другом конце поселка произошла подобная же картина. На толпу, шедшую предупредить товарищей, которые должны были притти, нападает отряд полиции и избивает ее нагайками, а с подошедшими в это время товарищами, которых хотели предупредить, у полиции завязывается отчаянная драка, в результате один полицейский и несколько десятков рабочих тяжело ранены. Раненых отвезли в Рудницкую больницу, а мертвых положили в мертвецкую. Все 4 убитых оказались семейными, один из них оставил семеро детей и больную жену. На помощь семьям убитых и на похороны собрали товарищи между собой 44 рубля с копейками, купили саваны и венки, но когда пришли переодевать покойников, то полиция не пустила в покойницкую, не смотря ни на просьбы родных, ни на смелость толпы, которую они гнали прочь, угрожая вторичным расстрелом. Пришлось разойтись. На другой день утром, когда пришли на похороны, то мертвецкая была пуста: ночью полиция увезла покойников и похоронила неизвестно где, отказавшись даже родным указать их могилу.

В ночь на 4-е мая были произведены массовые аресты Рабочие, чувствуя, что они побеждены, уже больше не сопротивлялись этому.

Забастовка длилась еще 7 дней, во время которых рабочие отчасти сговорились прекратить забастовку, но не входить с акционерной компанией ни в какие переговоры. 11 го мая на всех рудниках приступили к работе на прежних условиях. Правда, впоследствии дан был „казенный паек“ в размере 25% прибавки к жалованью.

С этого же месяца разлилось широкой волной по всему Донецкому бассейну стачечное движение, везде выставлялись экономические требования. Большая часть забастовок кончилась неудачей для рабочих.

Всюду забастовки сопровождались массовыми арестами, выбрасыванием рабочих из предприятий и отсылкой рабочих сотнями на позиции. Так, в мае же с. г. вспыхнула забастовка в г Мариуполе на одном из самых богатых заводов и через две недели кончилась неудачей, подавленная массовыми арестами и выбрасыванием сотен рабочих из предприятий. В июле вспыхнула грандиозная забастовка в г. Луганске, окончившаяся кровавой бойней и массовыми арестами

Одновременно со стачечным движением начали создаваться крепкие политические группы, ячейки быстро крепнувшие, словно рабочие желали наверстать потерянное столь дорогое время. Стали искать связи между собой. Теперь это было легко. Во время забастовки все эти группки, ячейки узнали друг друга. В данное время все они объединились, образуя С. Д. организацию Донецкого бассейна, устав и программа которой — программа большинства Р. С.-Д. Р. П.

XXXVIII.

Приезжавшие с докладами товарищи с мест сожалели только об одном—об отсутствии литературы, спрос на которую был весьма большой, а доставка из-за границы была очень ограничена. Приходилось давать издания П. К. и спешно готовиться к изданию литературы внутри России. Но на этом пути были серьезные затруднения в отсутствии средств.

Петербургский Комитет оборудовал хорошо свою нелегальную типографию в Новой Деревне, но она была провалена вместе с несколькими тысячами брошюр „Кому нужна война" А. М. Коллонтай. Вместе с типографией провалилось и много работников-техников. В скором времени мне удалось установить, что провалил типографию „печатник Алексей" П. К. немедленно принял меры по изоляции и бойкоту этого человека. Но все же этот провал на время затормозил печатанье прокламаций П. К.

По мере развития деятельности Бюро Центрального Комитета, в него стало поступать много всяческих сообщений о революционной борьбе рабочего класса. Издание газеты становилось насущной необходимостью. Тов. Молотов вел усиленные разведки в поисках места и людей для организации нелегальной типографии. В ожидании ее мы решили издавать „Осведомительный листок", размножая его на машинках и рассылая по нашим организациям хотя в одном экземпляре, предоставляя им возможность размножать по мере потребности своими силами. Первый номер „Осведомительного Листка" Бюро Центрального Комитета предположило выпустить после 9-го января.

В конце 1917 года я узнал от Н. Д. Соколова о приезде из ссылки на лечение т. Е. Д. Стасовой и тотчас поспешил познакомиться с ней и привлечь ее к работе. Товарищ Стасова взяла на себя некоторую часть секретарской работы, не требовавшей хождения по городским явкам, собраниям и свиданиям.

Не смотря на все растущие репрессии, массовые аресты и провалы работников, наша нелегальная организация развивалась и крепла. Самой сильной нелегальной организацией в Питере был „Петербургский Комитет" нашей партии, объединявший до 3.000 членов, а сочувствующими своей антивоенной политике мог считать большинство рабочих Питера. Из организаций нашей партии существовала лишь одна „Рабочая группа" при Страховом Совете—этом Всероссийском центре больничных касс, и ее журнал „Вопросы Страхования". Деятельность этих учреждений была до крайности стеснена и многие члены Страховой группы были в тюрьме или ссылке.

Самой близкой к П. К. по тактике и отношению к войне была группа известная под именем „Междурайонной Организации" С.-Д. Р. П. Эта организация насчитывала небольшое количество „нефракционных" социал-демократов, бывших троцкистов и плехановцев, но обладала средствами и возможностью выпускать листовки и даже маленькую, в четыре страницы, газету „Вперед", вышедшую всего двумя номерами. Количество членов Междурайонной организации не выходило за пределы полутораста членов.

В конце лета 1916 года возродилась „Петербургская Инициативная Группа С.-Д. Меньшевиков", выступившая в августе с листком против „военно-промышленных социалистов" и сложившая с себя всякую ответственность за „Рабочую группу" при Ц. В.-Пром. Комитете, запрещавшая своим сторонникам входить с ними в какие-бы то ни было соглашения по вопросам рабоч. движения, объявившая „гвоздевцев" застрельщиками нового раскола. Организация выпустила в 1916 году четыре печатных листка: первый, посвященный военно-промышленным социалистам; второй—общего характера о войне и положении рабочего класса с лозунгом „долой войну, да здравствует мир"; третий листок из одиннадцати пунктов-тезисов о продовольственном кризисе. Четвертый листок был выпущен к 9 января 1917 г. под лозунгами: „долой войну, да здравствует мир", да здравствует Дем. Республика, „Учредительное Собрание".

Кроме того, в Питере было много различных национальных соц.-демократических групп, часть которых примыкала к нашей партийной организации на правах районов П. К. Из других организаций не соц.-дем. были в Питере социал-

революционеры. Их Петербургская организация имела большинство левых, сторонников Чернова. По свидетельству Александровича, к ним примкнул, отказавшись от прежней позиции национальной обороны, и депутат Керенский. С.-р. вели работу в различных районах и имели некоторый успех, но сильной организации создать не смогли.

Самой сильной, после наших организаций, объединявшаяся „Петергургским Комитетом", являлась несомненно организация меньшевиков-оборонцев. Последние очень активно пользовались своим полулегальным положением, издавали журналы „Дело", „Экономическое обозрение", обслуживали больничные кассы и рабочие группы военно-промышленных комитетов.

В Питере, на Литейном, при Ц. В.-П. Комитете „Рабочая группа" его имела свое помещение, где собирались оборонцы со всего Питера, делались доклады, куда ходили члены Думской фракции Чхеидзе и др., а также и „беспартийный с.-р." Керенский. Собрания часто бывали многолюдны, и туда ходили, для борьбы с „гвоздевщиной", представители П. К. После одного из таких посещений пропал у нас т. Квдокимов, засев в тюрьму.

Эта организация располагала интеллигентными силами, а также и средствами, благодаря близости к капиталистической мошне. Однако царское правительство недостаточно ценило патриотизм оборонцев и, видя, что расколоть Питерский пролетариат дальше не удается,—начало преследовать и этих, либерально и патриотично настроенных рабочих.

После известных съездов „общественных организаций" в Москве, разогнанных правительством Штюрмера, „Рабочая группа" стала орудием либеральной организации движения вокруг Думы, под лозунгом „спасения страны".

Рост революционного движения в Питере, при наличии целого ряда партийных и групповых организаций, требовал от этих организаций единства действий. Опасность распыления движения, хотя и небольшая, но была. Исходя из этого, Думская фракция с.-д. меньшевиков, в лице Н. С. Чхеидзе, предложила через Н. Д. Соколова нашему Бюро Ц. К. обсудить вопрос о координации, согласовании революционных действий. С таким же предложением обратились с.-р. через Александровича. Бюро обсудило и приняло решение.

что может войти в соглашение по вопросу о согласовании действий лишь с теми организациями, которые стоят на позиции решительной борьбы с войной и ее сторонниками и не состоят ни в каком соглашении с либеральной буржуазией.

У Н. Д. Соколова было устроено небольшое собрание, вернее, мое свидание с Чхеидзе и еще кем то, на котором я практически поставил вопрос о разрыве Чхеидзе и других с гвоздевцами, открытое осуждение их политики, а также потребовал решительной поддержки с Думской трибуны и вне ее революционного и антивоенного движения рабочих масс.

Чхеидзе, при свидетелях, отрекся от солидарности с „гвоздевцами", но старался оправдать свое посещение Рабочей группы В.-П. К. целями информации. Вообще около Думской фракции образовалась в то время пустота. Их политика постоянных колебаний не встречала поддержки ни в одной из с.-д. нелегальных групп. Выступления фракции Чхеидзе в Думе были столь бледны, что не могли найти отклика и поддержки в революционно-настроенных рабочих кругах.

Свидание с Керенским я также имел у Н. Д. Соколова. Темой беседы были вопросы об отношении к войне и согласовании действий. А. Ф. Керенский назывался интернационалистом, принимал платформу Циммервальдской левой, отказывался от своих патриотических заблуждений. И ему я поставил теже условия разрыва с блоком „Гвоздев-Гучков", так-как мне было хорошо известно, что и он принимал участие в работах и собраниях военно-промышленных социалистов. По отношению к войне я требовал также большей ясности и определенного разрыва с „обороной отечества" и публичного заявления об этом.

Однако все мы, члены Бюро Ц. К. и работники Петербургского Комитета, мало доверяли искренности заявлений Чхеидзе и повороту Керенского. Все они очень тесно соприкасались с буржуазной оппозицией, и мы подозревали, что эти люди, под видом „контакта", намереваются притегнуть нас к тому движению „вокруг Думы", которое уже с осени подготовлялось среди буржуазной интеллигенции и демократии. Самыми крайними лозунгами этого движения были — „ответственное министерство" или, иначе, „правительство спасения страны".

(Конец 1-й части).

Опечатки.

Стр.	*Строка*	**Напечатано.**	**Следует.**
		I.	I.
3	2 свер.	**Возвращение в Россию.**	
»	5 »	благополучно	я благополучно
»	6 »	переехал границу и добрался до кипевшего уже тогда огнем	переехал границу и добрался до уже кипевшего как котел
»	7 »	революционной энергии,	революционной энергии
»	15 »	станку, захотелось	станку, так захотелось
»	16 »	от почетных и вид-	от почетного и вид-
»	17 »	ных положений «центрового» партийного работника.	ного положения «центрового» партийного работника и пойти на завод.
5	20 »	на набержную,	на набережную,
»	6 снизу	1912—13 годы,	1912—1913 годы,
6	7 сверху	и «выборгские»	и «выборжцы»
»	14 »	что рабочие индивидуально значительно	что рабочие значительно
»	15 »	выросли	выросли индивидуально.
»	16 »	неписанные,	не писанные,
7	12 снизу	щик, и приходил	щин, и он приходил
»	8 »	работали	работая
»	3 »		II.
8	4 сверху	В один из июньских вечеров товарищи Выборгского достаточно много гостей.	В один из июньских вечеров товарищи Выборгского было довольно много гостей. Большевиков
»	21 »	Из нашей публики видеть	и видеть
»	10 снизу	и обяжете	и обяжите
»	3 »	он почуствовал,	он почувствовал,
9	20 сверху	в 1096—1907	в 1906—1907
10	18 »	Шуваловке,	Шувалове,
11	6 »	сдавали	сдавал
»	10 »	большом	большем
		IV.	III.
17	7 »	Четвертого июля по городу среди рабочих распростра-	Четвертого июля по городу среди рабочих распростра-
14	4 сверху	сумерк	сумерок

15	12	сверху	Оборотились	Обернулись,
»	8	снизу	ные 1905 годы.	ные 1905—1907 годы
16	9	сверху	масса рабочая	масса рабочих
16	18	снизу	оружейной	ружейной
17	4	сверху	рук опустилась	рук дружески опустилась
»	16	»	«Attender tirer que je	«Attendez tirer! Je
»	17	»	mapprochel »—Подождите стрелять, я подойду ближе.—На	m'approchel» («Подождите стрелять, я подойду ближе!»). На
»	5	снизу	утром благополучно	утром помог благополучно
18	6	сверху	девица.	девушка.
»	8	»	Девица	Девушка
19	3	снизу	От манифестаций до их запрещения не было проходу.	До их запрещения от манифестаций не было проходу.
20	2	сверху	покорное принижение.	покорное, приниженное.
»	9	»	справа налево был «на нас	и правых и левых был «на нас
»	14	»	и среди	а среди
»	16	»	этому же,	тому же,
»	17	»	они будут готовы	Россия будет готова
»	18	»	За такие же «услуги» отечеству они, т. е. эти журналисты,	За такие «услуги» отечеству господа журналисты
»	17	снизу	было очень много	высказывалось очень много
»	3	»	В мастерских фабриках и заводах	В мастерских, фабриках и заводах
»	1	»	Пустотой и унылостью повеяло всюду.	Пустотой и унынием повеяло повсюду.
21	12	сверху	не забывать борьбы	не забывать рабочей борьбы
»	19	»	редко и стоявшие около участка заплаканные	редко и женщины, стоявшие около участка заплаканные
»	20	»	рем женщины кричали сквозь слезы: «долой», и призывали	рем, кричали сквозь слезы «долой» и призывали
23	11	»	Первая мысль была,	Первою мыслью было,
»	15	»	земель подтверждали	земель подтверждали то, что казалось нам клеветою.
»	7	снизу	за социал-демократами	за социал-демократами рабочих
24	7	сверху	корпоративных	профессиональных
»	5, 6, 7, 8 и 9 сн.		Рассказы солдат о краже, о плохой еде и о дурной организации подтвер-	Из рассказов солдат о кражах, о плохой еде и о дурной организации выполза-

			ждали лишь одно из утверждений французской и английской прессы, «что русская армия многому научилась после японской войны»,—научилась лучше прятать концы в воду.	ла на свет более искусно, чем раньше, прикрытая, неприглядная картина истинного состояния нашей армии.
»	2	»	русской армией будут командовать	ею будут командовать
25	2	сверху	Крапоткина	Кропоткина
»	7	»	а затем—к борьбе с внешним врагом, «Перемирие» же	а уже затем—к борьбе врагом внешним. Пресловутое же «перемирие» с царизмом
»	8	»	у них русскими	в Германии русскими
»	10	снизу	воде, касался инженера, заведующего мастерской. Он был	воде, касался инженера, заведующего мастерской. [1] Он был Брянский паров. строит завод.
25	2	»	бочие же «учли момент» и пожелали	бочие же «учли момент» и чтоб
26	1	сверху	Могли быть случаи требования	Могли быть случаи, когда рабочие требовали
»	3	»	стачечников. Ненависть русских	стачечников. Но выводов о ненависти русских
27	1	снизу	в победах на Ближнем.	в победах на Ближнем [1]
				1) Все цитаты привожу по памяти. *А. Ш.*
			Действительным врагом войны счи-	Действительным врагом войны счи-
28	5	»	что у нас не как у людей,	что у нас-де не как у людей:
29	7	сверху	только ее	только его
»	9	»	Однако, мало было таких, кото-	Однако, таких социалистов, кото-
»	11	»	ское, буржуазное министерство.	ское, буржуазное министерство было мало.
»	13	»	более важный,	более важным,
30	2	»	цепь из союзов «но»...	цепь из союза: «но»...
»	4	»	вне связи	не в связи
30	15	сверху	производительным	производительных
»	16	»	силам страны.	сил страны.
»	22	»	ности сил»...	ных сил»...
32	2	»	суд),	суд.),
»	4	»	хранили до выяснения.	хранили до выяснения возможности создания своей организации.
32	9	»	в роде Финн.	в роде Финна

32	15 снизу	в качестве французов,	в качестве француза,
»	12 »	бывшие несколько рабочих	бывшие у них несколько рабочих
33	4 сверху	(или переулок).	(или переулке).
»	6 »	Блюм, Иорданский и др.	А. Блюм, Н. И. Иорданский и др.
»	12 »	в «С.-Д.»	в «Социал-Демократе»
34	16 »	ставителей в Больничную кассу,	ставителей Больничной кассы
35	15 »	хулиган уже сидел	хулиган же сидел
»	18 »	Но такое	Не такое
»	17 снизу	«Б. Ц. Х.».	«Боже, царя храни».
»	14 »	во буждая свою соседку,	к возмущению соседки,
37	5 сверху	много перенести, и все же он был настроен	много перенести и увидать,
»	19 снизу	поселок Ханаранду.	поселок Хапаранду
38	2 сверху	непроходимых, незаселенных болот и лесов,	непроходимых болот и лесов,
39	11 »	Цета Хоглундом,	Цета Хёглундом,
»	18 »	Сами лично готовы	Сами они лично готовы
»	21 »	Однако в их антимилитаристской идеологии было много	Молодые шведские с.-д. были ярыми антимилитаристами. Однако, в их антимилитаристской идеологии было много
»	16 снизу	буржуазия которых, несмотря	буржуазия которых
»	15 »	на это, была настроена,	была настроена
»	14 »	в этих странах	в этой стране
»	13 »	для ограждения страны	для ограждения ее
»	7 »	Централь-	Центрального
»	6 »	Комиссии	Комитета партии
41	19 »	родственные последним.	родственны последним.
»	13 »	сказал	оказал
42	8 снизу	1) Ларин (М. Лурье)	Ларин (М. Лурье)
»	7 »	2) Ле-	Ле-
45	9 »	рассчитывать	рассчитываем
46	5 »	Гор. С. Д.),	Гер. С. Д.),
47	12 снизу	В это время	В то время
»	9 »	уверения,	заверения,
»	3 »	23 ноября 1914 года открылся съезд шведской партии.	X 23 ноября 1914 года открылся съезд шведской партии.
50	11 »	*Хеглунг*	*Хеглунд*
52	10 сверху	мы получили сооб-	было получено сооб-
»	11, 12 и 13 св	фракции в Питере Арест очень затруднял дальнейшую работу, т ктие се собыв произвело силь-	фракции в Питере. На делегатов съезда это

		связи были около депутатов. На съезд это событие произвело силь-	
52	18	„	Арест крайне затруднял	Арест депутатов крайне затруднял
„	15	снизу	(С.-д. №№ 33, 34).	(„С.-Д.“ №№ 33, 34)
„	7	„	Вандеревельдэ,	Вандервельдэ,
55	14	сверху	русофильскую.	руссофильскую.
„	23	„	и приветствия за Совет №“.	и приветствия. „*За Совет №*“.
57	20	„	„лояльную поддержку“.	лойяльную поддержку“.
„	2	„	Одоако, небольшое реакционное ганизованным субсидиями союзов.	Однако, незначительное реакционное ганизованным рабочим и денежными субсидиями союзам.
60	10	„	то же	тоже
61	20	„	перелюстрации	перлюстрации
62	1	сверху	коллон,	колонн,
„	14	снизу	в начале 15-го года XIII.	в начале 1915-го года XIII.
63	1 и 2	сверху	В Англию.	
„	22	снизу	Атлантика Несмотря на войну,	Атлантики. Несмотря на войну,
64	13	сверху	чуствовалась	чувствовалась
„	21	„	„Daily Chronicle“,	„Daily Chronicle“,
„	8	снизу	в этом же месточке	в этом же местечке
65	15	сверху	„brauch“	„branch“
„	16	„	что моя	что мое
66	8	сверху	противником	тивником
66	12	сверху	Хайдман,	Хайндман,
„	14	„	в эпоху 1905—1908 лет,	в эпоху 1905 — 1908 годов,
„	16 и 17	„	эмигрант—инженер, имел данные о том, что	эмигрант-инженер, имел данные о том, что Хайндман
67	15	снизу	Amalgamated Socity of Ingeneers, подпись—	Amalgamated Society of Ingeneers; подпись—
68	5	„	мой дневной за-	мой ежедневный за-
„	4	„	2 пенса в час, поденно.	2 пенса в час.
70	6	„	компа-	кампа-
71	13	„	около 1000 шилингов	около 1000 шиллингов
73	18	снизу	с обоих сторон	с обеих сторон
75	21	„	электрофицирована	электрифицирована
76	17	„	Литературу	Литературу
80	4	„	и так назыв-	и так назы-
81	14	сверху	Адам Ляконей	Адам Ляконен
„	5	снизу	товарище Pobuo	Товарищ Ровио
82	8	сверху	собой западно-европейскую	собой любую западно-европейскую

82	10	снизу	XVIII. *В Петербурге.* — XVIII.
83	18	„	он же Зажеский, — ой же Зарежский,
„	17	„	ский"—Багдаев, — ский"—Богдатьев,
„	13 и 14	„	Андреев, „Владими- — Андреев, „Егор" — Владими-
			ров, (Егор) Антипов — ров, Антипов,
88	1	сверху	циализм,— — циалистический строй,—
„	16	„	ческая газета «Утро» — ческая газета „Рабочее Утро",
90	6	сверху	(Багдадьев), — (Богдатьев),
„	9	„	и помещение — и помещено
„	2	снизу	воен. промышл. — военно-промышл.
91	11	„	воен-пром. — военно-пром.
„	5	„	даторско-народнический — даторско-народническо-
93	16	сверху	приносившая — принесшая
95	5	„	всеобщего, — всеобщего, равного,
„	9	„	Ц. В. Н. — Ц. В.-П.
96	4	„	Локаутчиками — Локаутчикам
„	7	„	кампании — компании
„	14	снизу	Как не спешили — Как ни спешили
„	7	„	девской кампании. — ской компании.
97	4	„	промышленный — военно-промышленный
101	13	сверху	оттого, — от того,
„	8	снизу	Совещания — Совещание
104	17	снизу	кампания! — компания!
105	11	сверху	К тому же — К кому же
„	13	снизу	и чуть — и чуть ли
110	4	„	безсильными — бессильными
„	8	„	безплодны — бесплодны
„	14	„	Центрально-военно- — Центральный военно-
111	8	„	увеличивается — увеличится
136	13	снизу	протягивает — протягивал
„	11	„	забывающий — забывавший
137	3	„	во время послереволю- — после революции 1905 года
			ционной реакции,
„	12	„	являются — являлись
138	12	снизу	также не мало эвакуиро- — также было не мало эва-
			вано в глубь страны; есть — куировано в глубь страны;
			заводы — были заво-
139	3	сверху	31 января, — 31 января 1916 года,
„	13	снизу	Много месяцев лжи, — В течение многих лет лжи,
„	12	„	гонят — гнали
140	9	„	свою судьбу, свои цели — своей судьбы, своих целей
141	16	„	А. М. и я. — Алексею Максимовичу и я.
144	14	сверху	„Чем вызвана — „3. Чем вызвана
„	18	„	„Роль Германии — „4. Роль Германии
„	19	„	„Невозможность — „5. Невозможность
„	21	„	„Для рабочего — „6. Для рабочего
„	10	снизу	„Какая позиция — „7. Какая позиция
„	3	„	занятий — занятий уже

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР № 1970 г.

2.50